THE SLAVIC COLLECTION

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ОГАРЕВА.

Изданіе Н. Трюбнера и Ко.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

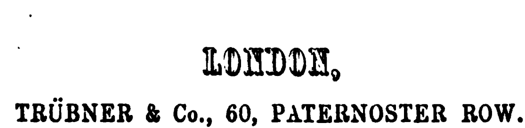

СТИХОТВОРЕНІЯ

Nikolai Platonovitch

Н. ОГАРЕВА.

Изданіе Н. Трюбнера и Ко.

LONDON,

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1858.

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ и думъ,
Въ душѣ глубоко погребли... И чтоже?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?... Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.

—

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
Наконецъ въ запустѣньи тебя,
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зеленый—
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обвѣтшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила
И все плакала глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣже комнаты были—
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
Мы бесѣды его не любили—
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

3

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой,
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ ней звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.

И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,
На кладбищѣ я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

—

КРЕМЛЬ

За тучами чуть видима луна,
Бѣлѣетъ снѣгъ въ туманномъ освѣщеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремалъ
Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой,
И колоколъ гудящій замолчалъ,
Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлый.
Какъ старый Кремль въ полночной тишинѣ
Является и призраченъ и страшенъ,
Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
И вѣя холодомъ угрюмыхъ башенъ!
Лежитъ повсюду мертвенный нокой—
Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
О ходѣ времени напоминаетъ.

—

ПУТНИКЪ.

Долъ туманенъ, воздухъ сыръ,
Туча небо кроетъ,
Грустно смотритъ тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.

Не страшися, путникъ мой,
На землѣ все битва;
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

—

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ —
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вкругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно ! радость измѣнила,
Скучно одному ;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.

Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьетъ,

И качаясь завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска !

GUTE GESELLSCHAFT.

Какъ эти люди скучны, глупы,
Какъ ихъ безмысленны слова,
Какъ шутки ихъ несносно тупы
И какъ пуста ихъ голова!
Какъ сердце ихъ черство и вяло,
Какъ пышетъ холодомъ отъ нихъ!
Какую желчь въ меня вливала
Бесѣда сладостная ихъ!
Подите прочь!... Вотъ вамъ дорога—
Большая, — можете идти!
Меняжъ забудьте, ради Бога,
Вы на проселочномъ пути!

—

FASHIONABLE.

Я люблю, мой fashionable,
Ваши рѣчи и ухватки;
Ваши рѣчи ужъ конечно
И остры и очень сладки.

Какъ вы мило говорите,
Сидя близь аристократки, —
Каламбуры, анекдотцы,
Комплименты и загадки.

Если вы въ лорнетъ глядите,
То вдругъ смѣло, то украдкой—
Я любуюсь вашей ручкой,
Вашей лайковой перчаткой.

Но нельзя-ли издали мнѣ
Наслаждаться рѣчью сладкой,
И не жмите вы руки мнѣ
Вашей лайковой перчаткой!

—

ВЕЧЕРЪ.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда,
Какъ ласточка, неуловимо
По лону водъ скользя крыломъ,
Несется быстро, быстро мимо—
И исчезаетъ...Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ —
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко.
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой-же вечеръ у пруда,
И тихо дремлющія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка—и все, что было,
Что сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

—

КЪ Д***

Какъ все чудесно стройно въ васъ—
Вашъ русый локонъ, ликъ вашъ нѣжный,
Покой и томность сѣрыхъ глазъ,
И роскошь поступи небрежной!
Увидя васъ, конечнобъ могъ
Любить васъ тотъ, чья мысль далеко
Отъ страсти знойной и тревогъ,
Кто любитъ тихо и глубоко.
Онъ, въ созерцанье погружась,
Отъ васъ отвесть не могъ бы взора...
Но страшно мнѣ глядѣть на васъ!
Завесть не смѣю разговора,
Боюсь узнать, что вы пусты,
Что вы ничтожной суетою
Въ холодномъ сердцѣ заняты;
Боюсь я въ памяти съ собою
Унесть прекрасныя черты
Съ сухой и мелкою душою.

—

МНОГО ГРУСТИ!

Природа зноемъ дня утомлена
И проситъ вечера скорѣй у Бога,
И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
Но въ этой радости какъ грусти много!

И тотъ, кому ужъ жизнь давно скучна,
Онъ проситъ старости скорѣй у Бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но въ этой радости какъ грусти много!

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много!

—

Когда тревогою безплодной
Моя душа утомлена
И я брожу въ тоскѣ холодной,
И жизнь мнѣ кажется скучна,
И мнѣ случится ненарочно
Увидѣть, какъ въ безпечномъ снѣ
Лежитъ младенецъ непорочный
Какъ ангелъ Божій — легче мнѣ.
Гляжу я долго на ребенка:
Какъ хорошо, невинно онъ
Раскинулъ ножки и ручёнки!
Какой онъ грезитъ свѣтлый сонъ!
Легко улыбка сохранилась
На чуть-растворенныхъ устахъ,
И тихо мать надъ нимъ склонилась
Съ такою нѣжностью въ очахъ...
Мнѣ легче, да! и въ умиленьи
Я такъ глубоко вѣрю вновь,
Что на землѣ есть наслажденье,
Есть чистота и есть любовь.

—

ВСТРѢЧА.

Друзья они смолоду были,
Но рано разстались они
И встрѣтились послѣ случайно
Чрезъ долгіе годы и дни.

И какже они удивились!
Ужъ лица наморщены ихъ,
И головы были сѣдыя,
И сгорблены спины у нихъ.

Старикъ старику подалъ руку
И молча смотрѣлъ — и никто
Изъ нихъ не сказалъ, сколько было
Имъ внутреннихъ бурь прожито.

—

Она никогда его не любила,
А онъ ее втайнѣ любилъ;
Но онъ о любви не выронилъ слова:
Въ себѣ ее свято хранилъ.

И въ церквѣ съ другимъ она обвѣнчалась;
По прежнему вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лицо глядѣлъ ей украдкой,
И долго томился потомъ.

Она умерла. И днемъ онъ и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

—

ФАНТАЗІЯ.

Свѣча горитъ. Печальнымъ полусвѣтомъ
Лучи блуждають по стѣнѣ пустой,
Иль бродятъ по задумчивымъ портретамъ.
Закрылъ я книгу. Съ буквою нѣмой
Разстался наконецъ. Что толку въ этомъ?
Душа бѣжитъ учености сухой.
Теперь хочу роскошныхъ наслажденій,
И на яву я жажду сновидѣній.

Какой-то звукъ, то робкій, то мятежный,
Въ ночи звучитъ; я музыкою полнъ,
Я весь въ мелодіи теряюсь нѣжной...
Мнѣ грезится: качаясь, легкій челнъ
Меня влечетъ, шумитъ тростникъ прибрежный,
И звученъ плескъ въ рѣкѣ бѣгущихъ волнъ,
Мнѣ съ береговъ цвѣты благоухаютъ,
Сквозь тонкій паръ съ небесъ луна сіяетъ.

Вотъ предо мной во мглѣ лежитъ Веррона...
Чуть дышетъ воздухъ теплый, ночь пышна,
Джюльеты голосъ слышенъ мнѣ съ балкона...
Ребенокъ страстный—вся любовь она.

Но кто поетъ? Ты-ль это, Десдемона?
Какъ пѣснь твоя мечтательно грустна!
Душа полна любви, полна желаній,
И съ устъ невинныхъ жажду я лобзаній.

Я забываюсь въ сладкомъ усыпленьи,
И тѣни милыя передо мной
Въ причудливомъ несутся сновидѣньи.
Я счастливъ, я блаженствую душой...
Но будитъ вдругъ внезапное волненье,
Еще ловлю я сонъ прекрасный мой,
Душа груститъ, стремяся и желая,
Трещитъ свѣча, печально догорая...

—

ЗВУКИ.

Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ,
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
Звуки откуда-то льются вокругъ,
Сердце за ними стремится тревожно,
Хочетъ за ними куда-то летѣть—
Въ эти минуты растаять-бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

КЪ ***.

Вы были дѣвочкой, а я
Ужъ юношей. Такъ мы разстались;
Съ тѣхъ поръ и молодость моя
И ваше дѣтство миновались.
И вотъ опять я встрѣтилъ васъ...
Ну, чтожъ вы дѣлали? какъ жили?
Не скроете—изъ вашихъ глазъ
Я узнаю, что вы любили,
Что съ сердцемъ страсть была дружна
И познакомилось страданье,
И жизнь, быть можетъ, лишена
Давно для васъ очарованья...
Не правдаль, страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило?
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно...
Но вы, признайтесь—вамъ вѣдь жаль
Души прошедшую печаль?

—

ПОЛДЕНЬ.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный въ темный лѣсъ
И тамъ ложусь и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесъ.
И безконечно тонутъ взоры
Въ ихъ отдаленьи голубомъ;
А лѣсъ шумитъ себѣ кругомъ,
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечетъ птица, жукъ жужжитъ,
И листъ засохшій шелеститъ,
На хворостъ падая случайно—
И звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ;
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытьи какомъ-то дремлетъ.

—

КАБАКЪ.

Выпьемъ что-ли, Ваня,
Съ холода да съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.
У Антона дочь-то
Дѣвка молодая:
Очи голубыя,
Славная такая.
Да богатъ онъ, Ваня:
На отрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоришь съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.
Что я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ-то, Ваня,
А кормить старушку!
Выпьемъ что-ли съ горя?
Эхъ, братъ! да едва-ли
Бѣдному за чаркой
Позабыть печали!

—

NOCTURNO.

Какъ пустъ мой деревенскій домъ
Угрюмый и высокій!
Какую ночь провелъ я въ немъ
Безсонно, одинокій!
Ужъ были сумракомъ давно
Окрестности одѣты,
Луна свѣтила сквозь окно
На старые портреты;

А я задумчивой стопой
Ходилъ по звонкой залѣ,
Да тѣнь еще моя со мной—
Мы двое лишь не спали.
Деревья темныя въ саду
Качали все вѣтвями,
Въ просонкахъ гуси на пруду
Кричали надъ волнами,

И мельница, грозя крыломъ
Мнѣ издали махала,
И церковь бѣлая съ крестомъ
Какъ призракъ возставала.
Я ждалъ знакомыхъ мертвецовъ—
Не встануть-ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся-ли въ гости?...

И страшенъ былъ пустой мнѣ домъ,
Гдѣ шагъ мой раздавался,
И робко я внималъ кругомъ,
И робко озирался.
Тоска и страхъ сжимали грудь
Среди безсонной ночи,
И вовсе я не могъ сомкнуть
Встревоженныя очи.

—

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Хотя живу я и давно,
Душа привычкѣ непослушна
Съ людьми встрѣчаться холодно
И разставаться равнодушно.

Я имя темное въ альбомъ
И грустный стихъ вамъ на прощанье
Пишу, чтобы оставить въ немъ
Вамъ о себѣ воспоминанье.

Въ часы надменной суеты,
Въ часы тщеславнаго веселья,
Альбома этого листы
Вы не тревожте отъ бездѣлья.

И не ищите строкъ моихъ—
Онѣ покажутся вамъ скучны;
Вы взоръ уроните на нихъ,
И отведете равнодушно.

Но если будетъ грустно вамъ,
Тогда альбомъ вы разверните,
Рукой тревожною вы тамъ
Страницу эту отыщите,

И на печальный вашъ призывъ,
На голосъ тайнаго недуга
Найдете вы себѣ отзывъ
И теплое участье друга.

—•

МЛАДЕНЕЦЪ.

Сидѣла мать у колыбели;
Дитя спало, но въ странномъ снѣ:
Его уста ужъ не алѣли,
А будто улыбались мнѣ.
Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думалъ: спи, малютка бѣдный,
Пока ты съ горемъ не знакомъ.

Придетъ пора—и вспыхнутъ страсти,
Въ сомнѣньяхъ истомится умъ,
И станетъ рваться грудь на части,
И лобъ наморщится отъ думъ;
И, можетъ-быть, среди обмана
Надеждъ напрасныхъ и суетъ,
Ты пожалѣешь слишкомъ рано
О томъ, что былъ рожденъ на свѣтъ.

И я на мать взглянулъ уныло—
Увидѣлъ слезы на глазахъ,
Лицо ея такъ грустно было,
Такъ много скорби на устахъ.
Я подошелъ : передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою—
И въ холодъ бросило меня...

—

ПРОМЕТЕЙ.

Прочь, коршунъ! больно! Подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!...О, когда бъ
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно-бъ руки сжали
Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли,
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся что есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ—
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ
И море дальнее о скалы
Дробяся, глухо застонало...

Одинъ спокоенъ царь небесъ—
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! Онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну чтоже, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ—
А всежъ людей я создалъ!—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердце рану —
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный — укоръ
Родитъ въ душахъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ—

Къ Тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою.

—

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли —
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя;
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла темныхъ липъ аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Во цвѣтѣ лѣтъ была она,
Его усы едва чернѣли.
О, еслибъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица-бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ бы ихъ рѣчи—
Какъ былъ бы милъ ему языкъ
Языкъ любви первоначальной!
Онъ вѣрно бъ самъ, на этотъ мигъ,
Разцвѣлъ на днѣ души печальной!...

Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другаго,
Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова.
На лицахъ виденъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они, встрѣчаясь межъ собой,
Могли смѣяться хладнокровно...
А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили къ лодкѣ обвѣтшалой
И пѣли пѣсни—и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было тамъ говорено
И сколько было позабыто.

—

ЮМОРЪ

Du Geist des Widerspruchs, nur zu
Du magst mich führen.

GŒTHE (*Faust*).

(1841).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

......Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ.

I.

Подъ часъ, не знаю почему
Меня страшитъ моя Россія;
Мы къ сожалѣнью моему,
Не справимся съ временъ Батыя,
У насъ простора нѣтъ уму,
Въ своемъ углу какъ проклятые
Мы неподвижны и гніемъ,
Не помышляя ни о чемъ.

Куда ни взглянешь—все тоска,
На улицахъ все снѣгъ, да холодъ,
Къ томужъ и жизнь намъ не легка:
Вездѣ безденежье да голодъ,
Министромъ Вронченко пока;
Канкринъ ужъ слишкомъ былъ немолодъ,
На лажъ ужасно что то скупъ,
А рубль цѣлковый очень глупъ.

Въ литературѣ, о друзья,
(Хоть самъ пишу, о томъ ни слова)
Не много проку вижу я.
Въ Москвѣ все проза Шевырева—
Весьма фразистая статья,
Даютъ Парашу Полеваго
И плачетъ публика моя;
Пѣвцы замолкли, Пушкинъ стихъ,
Хромаетъ тяжко вялый стихъ.

Нѣтъ виноватъ!—есть, есть поэтъ,
Хоть онъ и офицеръ армейской;
Что дѣлать, такъ нашъ созданъ свѣтъ,—
У насъ въ странѣ Гиперборейской
Чуть есть талантъ, ужъ съ раннихъ лѣтъ—
Иль подъ надзоръ онъ полицейской
Попалъ, иль вовсе сосланъ онъ.
О немъ писалъ и Виссаріонъ.

Но перервемте эту рѣчь,
Литература надоѣла;
Пусть пишетъ Несторъ, пишетъ Гречь,
Что намъ до этого за дѣло?
Позвольте на диванъ мнѣ лечь;
Закуримъ трубку—вотъ въ чемъ смѣло
Могу увѣрить васъ: сей дымъ
Ужъ нынче дамамъ невредимъ.

Да, въ этомъ есть успѣхъ у насъ,
Ужъ вовсе время исчезаетъ
Олигархическихъ проказъ;
Насъ спѣсь уже не забавляетъ,
Въ гостинныхъ скучно намъ подъ часъ,
На балахъ молодежъ зѣваетъ,
Гулять не ходитъ на бульваръ,
У ней въ чести Швалье да Яръ.

Порой и я—извѣстно вамъ,
Люблю одну, двѣ, три бутылки
Хоть съ вами выпить пополамъ;
Умы становятся такъ пылки,
Дается воля языкамъ,
А тамъ ложись хоть на носилки...
Но я боюся за одно:
Ну надоѣстъ намъ и вино?..

Тогда что дѣлать? Часъ избравъ
Ступай въ деревню, мой пріятель,
Агрономическихъ забавъ,
Усердный сдѣлайся искатель,
Паши три дня и будешь правъ;
Я о крестьянахъ какъ писатель
Сказалъ бы много—но молчу;
Не то чтобъ...просто не хочу.

Но мнѣ въ деревнѣ не живать;
Какъ запереться въ юныхъ лѣтахъ!
Я въ полкъ сбираюсь, щеголять
Хочу въ усахъ и въ эполетахъ,
Скакать верхомъ и разсуждать
О разныхъ воинскихъ предметахъ;
Навѣрно быть могу я, другъ,
Монтекукулли иль Мальбругъ.

А можетъ быть и сей удѣлъ
Пройдетъ сквозь пальцы—и на свѣтѣ
Останусь я безъ всякихъ дѣлъ,
Подумаю о пистолетѣ,
Скажу, что свѣтъ мнѣ надоѣлъ,
Что ничего ужъ нѣтъ въ предметѣ,
Взведу курокъ...о человѣкъ!
Минута, и твой конченъ вѣкъ!

Скажу и брошу пистолетъ,
Спрошу печально чашку чая,
Торговли нашей лучшій цвѣтъ;
А жалокъ мнѣ удѣлъ Китая.
У Альбіона чести нѣтъ;
Святую совѣсть забывая,
Имѣя очень жадный нравъ,
Не знаетъ онъ народныхъ правъ.

Хотѣлъ еще о томъ, о семъ,
О Франціи сказать два слова!
И съ вами разойтись потомъ,
Но мы до времени другаго
Отложимъ это—да о чемъ
Я началъ бишь? А! Вспомнилъ снова
О родинѣ. О край родной!
Но спать пора намъ, милый мой.

II.

А! Вы опять пришли ко мнѣ.
Давайтежъ говорить мы съ вами
О Франціи. Наединѣ
Оно позволено съ друзьями
И даже въ здѣшней сторонѣ,
Но съ затворенными дверями;
Не то, безъ церемоній васъ
Попросятъ къ Цынскому какъ разъ.

Я самъ былъ взятъ и потому
Кой что могу сказать объ этомъ;
Сперва я запертъ былъ въ тюрьму,
Гдѣ находился подъ секретомъ,
То есть, въ подвалѣ жилъ зиму
И возлѣ кухни грѣлся лѣтомъ,
Потомъ рѣшилъ нашъ приговоръ
Чтобъ былъ я сосланъ подъ надзоръ.

Но *satis, sufficit*, мой другъ,
То есть, объ этомъ перестану.
Мнѣ грустно нынче. Все вокругъ
Такъ вяло—самъ я духомъ вяну;
Самъ разстравляю свой недугъ,
Тревожу въ сердцѣ гдѣ-то рану.
Занятье глупое! Оно
И больно очень и смѣшно.

Да какъ же быть? И еслибъ вамъ
Въ себя всмотрѣться откровенно,
Вы грусть и съ желчью пополамъ
Въ душѣ нашли бы непремѣнно.
Въ халатѣ,дома, по коврамъ
Ходилибъ молча совершенно,
Иль напѣвалибъ—и въ такой
Прогулкѣ шелъ бы день другой.

Сказать вамъ правду—это мы
Давно привыкли звать хандрою,
Недугъ, рожденный духомъ тьмы
И вѣка странной пустотою,
Охотой въ лѣсу средь зимы,
Разладомъ съ міромъ и съ собою,
Стремленьемъ наконецъ къ тому,
Что недается никому.

Возмите факты, древній міръ
Весь только жилъ для наслажденья;
Но этотъ сверженъ былъ кумиръ,
И стали жить для размышленья—
Тамъ съ міромъ, здѣсь съ собою миръ;
У насъ же глупое смѣшенье:
Всегда, одно другимъ губя,
Мы только мучимъ лишь себя.

Неправда-ль сказано умно,
Хотя поэзіи тутъ мало?
Да что? Признаться вамъ, давно
Все какъ то въ жизни прозой стало,
Какъ отшипѣвшее вино
Въ стеклѣ непитаго бокала,
Отвыкли мы отъ сладкихъ слезъ,
Отъ юныхъ шалостей и грезъ.

Какъ вспомнишь радость и печаль
Что въ прежни годы волновали,
Какъ намъ становится ихъ жаль!
Какъ возвратить бы ихъ желали!
Свята для насъ былаго даль....
И вотъ еще грустнѣй мы стали!
Гдѣ сердца жаръ? Гдѣ пылъ въ крови?
Гдѣ міръ мечтательной любви?

Быть влюблену въ то время мнѣ
Быть можетъ раза два случилось,
Тогда я плакалъ въ тишинѣ,
При встрѣчѣ съ нею сердце билось,
Блѣднѣли щеки,—въ каждомъ снѣ
Передо мной она носилась,
Я просыпался, а мой сонъ
И на яву былъ продолженъ.

Но къ дѣлу, не теряя словъ.
Великій прахъ изъ заточенья
Прибылъ въ Парижъ—и Хомяковъ
На этотъ счетъ стихотворенье
(Прескверныхъ нѣсколько стиховъ)
Въ журналѣ тиснулъ къ сожалѣнью.
И потому, позвольте дать
Совѣтъ, стиховъ вамъ не читать.

Да вообще журналовъ сихъ,
Вы—много дѣлъ другихъ имѣя
И не читайте. Что вамъ въ нихъ?
Сенковскій все не любитъ Сея,
Хотя и экономъ an sich,
И деньги любитъ не краснѣя,
(Что быть посажену въ тюрьму
Преградъ не сдѣлало ему).

Потомъ объ укрѣпленьяхъ толкъ
Въ Парижѣ очень долго длился,
Ихъ строютъ чтобы рускій полкъ
Въ столицу міра не пробился.
Я патріотъ, свой знаю долгъ,
Но взять Парижа бъ не рѣшился.
Я думаю, довольно съ насъ,
Когда мы усмиримъ Кавказъ.

Я на Кавказъ сбираюсь самъ,
Быть можетъ нынѣшнимъ же лѣтомъ,
Взглянуть на горы и къ водамъ
(Больнымъ считаясь и поэтомъ).
Что жъ ? Вмѣстѣ не угодно-ль вамъ ?
Со мною согласитесь въ этомъ,
Что съ вами время тамъ вдвоемъ
Мы тихо, свято проведемъ.

Тамъ снѣжныхъ горъ...Но Боже мой
Объ этомъ сказано такъ много !
Замѣчу только — трудъ большой
Пускаться въ длинную дорогу, -
Вы тамъ на станціи иной
Умрете съ голоду, ей Богу !
— Въ Парижѣ больше ничего
Нѣтъ для разбора моего.

III.

Снѣгъ желтый таетъ здѣсь и тамъ;
Ужъ въ Мартѣ намъ не страшны стужи,
Весною вѣетъ воздухъ намъ,
Намъ ясный день сулитъ весну же,
И безбоязненно ушамъ
Торчать позволено наружѣ.
Хочу я васъ просить, другъ мой,
Пѣшкомъ гулять идти со мной.

Пойдемте прямо на бульваръ
Въ среду толпы надменно-праздной
Давнишнихъ барышень и баръ,
Гуляющихъ въ одеждѣ разной:
Б.....ъ Szafi, Jean Sbogar,
И рыцарь все однобразной,
Все вѣрный прежнихъ лѣтъ любви—
И всѣ они друзья мои.

Неправда-ль? Какъ кажусь я вамъ?
Годился бъ я въ арыстократы?
Но мнѣ не ловко быть средь дамъ;
Я primo человѣкъ женатый,
Secondo мнѣ не по чинамъ
(Хоть всѣмъ знакомъ я, какъ богатый;)
О tertio я умолчу,
Его сказать я не хочу.

Къ томужъ во мнѣ другая кровь,
Въ душѣ совсѣмъ другая вѣра:
Есть къ массамъ у меня любовь
И въ сердцѣ злоба Робеспьера,
Я гильотину ввелъ бы вновь...
Вотъ исправительная мѣра!
Но нѣтъ ее и только въ нихъ
Могу я бросить желчный стихъ.

Признайтесь, горекъ нашъ удѣлъ:
Здѣсь никого не занимаетъ
Ходъ права и гражданскихъ дѣлъ.
Иной лишь деньги наживаетъ,
Другой чины, а тотъ не смѣлъ;
Одинъ о выборахъ болтаетъ
(Quoique, à vrai dire, on en rit)
Дворянства Секретарь....

Я съ тѣми врагъ кому знакомъ
Разсудокъ черствый и не болѣ:
Кто даже мертвымъ языкомъ
Толкуетъ о широкой волѣ,
Кто только всѣхъ своимъ умомъ
Занять стремится по неволѣ,
Кому природы запертъ храмъ,
Кто чуждъ поэзіи мечтамъ.

Пойдемте же! Вотъ здѣсь, другъ мой,
Увидимъ домъ, гдѣ я жилъ прежде,
Любилъ любовь, былъ юнъ душой
И вѣрилъ жизни и надеждѣ;
Сперва (обычай ужъ такой)
Былъ Нѣмцу отданъ я невѣждѣ,
Потомъ одинъ и въ двадцать лѣтъ
Уже философъ и поэтъ.

О! годы свѣтлыхъ вольныхъ думъ
И безпредѣльныхъ упованій!
Гдѣ смѣхъ безъ желчи? пира шумъ?
Гдѣ трудъ столь полный ожиданій?
Ужель совсѣмъ зачерствѣлъ умъ?
Ужели въ сердцѣ нѣтъ желаній?
Друзья! Ужели въ тридцать лѣтъ
Отъ насъ остался лишь скелетъ?

Прошу не слушать, милый другъ,
Когда я сѣтую, тоскую,
Что все безжизненно вокругъ,
Что самъ веду я жизнь пустую.
Минутенъ право мой недугъ,
Его я твердостью врачую
И снова прежней вѣры полнъ
Плыву противъ житейскихъ волнъ.

Къ чему грустить, когда съ небесъ
Намъ блещетъ солнца лучь такъ ясно?
Вотъ запоютъ "Христосъ воскресъ"
И мы обнимемся прекрасно,
А тамъ и лугъ и шумный лѣсъ
Зазеленѣютъ ежечасно,
И птицъ веселый караванъ
Къ намъ прилетитъ изъ южныхъ странъ.

Къ чему грустить? Опять весна
Восторговъ свѣтлыхъ, упованья
И вдохновенія полна,
И сердца скорбнаго страданья
Развѣетъ такъ тепло она...
Но мы оставимте гулянье—
Имѣя въ мысли ширь полей
Смотрѣть мнѣ скучно на людей.

IV.

Ужъ полночь. Дома я одинъ
Сижу и радъ уединенью.
Смотрю какъ гаснетъ мой каминъ
И думаю — все дня движенье,
Весь быстрый рядъ его картинъ
Въ душѣ рождаютъ утомленье.
Блаженъ кто можетъ хоть на мигъ
Урваться наконецъ отъ нихъ.

Я ѣзжу и хожу. Зачѣмъ?
Кого ищу? кому я нуженъ?
Съ людьми всегда я глупъ и нѣмъ,
(Не говорю о тѣхъ съ кѣмъ друженъ)
Свѣтъ не влечетъ меня ничѣмъ,
Въ немъ блескъ ничтоженъ и наруженъ.
Не знаю право, о друзья,
Къ чему весь день таскаюсь я!

Ужъ не душевный ли недугъ.
Не сердца-ль тайная тревога
Меня толкаютъ? Шумъ и стукъ
Не усыпляютъ ли не много
Волненья нашихъ странныхъ мукъ
И скуку жизни? Нѣтъ, ей Богу,
Во внѣшности смѣшно искать
Чѣмъ духъ развлечь бы и занять.

Каминъ погасъ. Въ окно луна
Мнѣ смотритъ блѣдно. Въ отдаленьи
Собака лаетъ — тишина
Потомъ; — забытыя видѣнья
Встаютъ въ душѣ — она полна
Давно угасшаго стремленья
И тихо воскресаютъ въ ней
Всѣ ощущенья прежнихъ дней.

Въ такую жъ ночь я при лунѣ
Впервые жизнь созналъ душою,
И пробудилась мысль во мнѣ,
Проснулось чувство молодое
И робкій стихъ я въ тишинѣ
Чертилъ тревожною рукою.
О Боже! въ этотъ дивный мигъ
Что есть святаго я постигъ.

Проснулся звукъ въ ночи нѣмой —
То звонъ заутрени несется,
То съ дѣтства слуху звукъ святой.
О! какъ отрадно въ душу льется
Опять торжественный покой,
Слеза дрожитъ, колѣно гнется,
И я молюся, мнѣ легко
И грудь вздыхаетъ широко.

Не все не все, о Боже, нѣтъ!
Не все въ душѣ тоска сгубила,
На днѣ ея есть тихій свѣтъ,
На днѣ ея еще есть сила,
Я тайной вѣрою согрѣтъ
И чтобы жизнь мнѣ ни сулила,
Спокойно я взгляну вокругъ —
И ясенъ взоръ и свѣтелъ духъ!

V.

Меня вы станете бранить,
Что патетическія строки
Сюда я вставилъ — я шутить
Готовъ опять и за уроки
Благодарю васъ. Можетъ быть
Въ моихъ стихахъ и есть пороки,
Но гдѣ жъ ихъ нѣтъ? А въ свѣтлый часъ—
Какъ чувству не предаться разъ.

Вѣдь нуженъ же душѣ покой.
Вѣдь сердцу нужно наслажденье,
Не все же шляться день деньской
Отъ апатіи и къ волненью,
Изъ клуба, да на балъ большой,
Отъ скуки важной да къ мученью
Отъ........
Вѣдь силъ нѣтъ что ни говори.

По четвергамъ иль въ день другой
Вы не являлися ни разу?
Съ ученой женщиной иной
Выдумывать несносно фразу;
Ее бѣгите вы, другъ мой
Какъ ядовитую заразу...
Я лучше между всѣхъ сихъ лицъ
Люблю хорошенькихъ дѣвицъ.

Онѣ такъ молоды; ихъ взоръ
Такъ простудушно милъ и нѣженъ,
Ихъ шаловливый разговоръ
Скользитъ шутя, всегда небреженъ,
Люблю ихъ слушать легкій вздоръ,
Я съ ними веселъ, безмятеженъ
И какъ то молодѣю я,
Иль даже становлюсь дитя.

И право счастливъ каждый разъ,
Когда средь жизни обвѣтшалой
Ребенкомъ дѣлаюсь подъ часъ;
Забывъ тоску и нравъ мой вялый,
Отъ заднихъ мыслей отступясь,
Я вспоминаю мигъ бывалой,
Моихъ младенческихъ забавъ;
А въ лѣтахъ человѣкъ лукавъ.

Я помню домъ, пруды и садъ,
И няню...толстаго сосѣда
Съ гурьбой его румяныхъ чадъ,
Къ намъ прiѣзжавшихъ въ часъ обѣда.
О какъ тогда я жить былъ радъ!
Но тѣхъ дѣтей не знаю слѣда,
Мой садъ заглохъ, ужъ няни нѣтъ
И умеръ толстый нашъ сосѣдъ.

Проходитъ все, всему свой вѣкъ,
Бородъ не брили наши дѣды
И глупъ былъ рускiй человѣкъ,
Его тогда бивали Шведы,
Палачъ пыталъ его и сѣкъ;
Теперь же мы вожди побѣды
И предковъ Петръ пересоздавъ,
Пожаловалъ имъ много правъ.

Не рѣжетъ кнутъ дворянскихъ спинъ,
Налоги платитъ только масса,
Служить мы можемъ до сѣдинъ
Начавъ съ четырнадцата класса,
(Вѣдь надо же имѣть намъ чинъ)
А если служба не далася,
Мы регистраторомъ всегда
Въ отставку выйдемъ, господа.

И выйдемте! что намъ служить?
И гдѣ? помилуйте, въ Сенатѣ?
Черно! Да что и говорить;
Безъ службы дома я въ халатѣ,
Могу съ утра сидѣть, ходить,
Иль тщетно времени не тратя
Могу читать — хоть Пантеонъ,
Въ немъ есть...но впрочемъ плохъ и онъ.

Со временемъ навѣрно книгъ
Я никакихъ читать не стану,
Что? Скучно! Не найдете въ нихъ
Ни мысли свѣжей; нѣтъ романа
Который занялъ бы на мигъ
Хоть ночью васъ, хоть утромъ рано
И право лучше стану я
Сидѣть и думать про себя.

Я иногда лежать привыкъ
И такъ мечтать въ припадкѣ лѣни,
Я прелесть этого постигъ;
Знакомыя мелькаютъ тѣни,
То ножка, то прекрасный ликъ,
То улицъ шумъ, то миръ селеній...
Въ семъ духѣ я теперь точь въ точь,
И такъ, мой другъ, подите прочь.

VI.

Простите, что разстался я
Отчасти не учтиво съ вами,
Но церемониться нельзя
Между короткими друзьями,
И откровенно говоря —
Могу-ль я словомъ иль дѣлами
Васъ оскорбить, когда межъ насъ
Прямая дружба завелась.

Мнѣ милы дружескихъ бесѣдъ
Просторъ и воля и оргія;
Вино струится, тайны нѣтъ
И торжествуетъ симпатія.
Но горекъ праздничный обѣдъ,
Гдѣ гости по душѣ чужіе,
Гдѣ вѣчно на застежкѣ умъ
Вино першитъ и скученъ шумъ.

Что если, другъ мой, съ пиромъ намъ
Сравнить теченье жизни шумной?
Не ради часто мы гостямъ,
Тяжелъ сосѣдъ благоразумный,
Несносна сердцу и ушамъ
Длина его бесѣды умной.
Пиръ все становится скучнѣй
И ждешь десерта поскорѣй.

Совѣтовъ слушайте моихъ,
Бѣгите, другъ, людей отличныхъ,
Извѣстныхъ, гордыхъ, но пустыхъ,
Блестящихъ умниковъ столичныхъ;
Любите добрыхъ и прямыхъ,
Немножко глупыхъ, не привычныхъ
Блистать ни домомъ, ни умомъ
Въ простосердечіи святомъ.

Я въ жизни опытный старикъ
Всѣ перечелъ ея страницы,
Ко всѣмъ вещамъ давно привыкъ
И приглядѣлися всѣ лицы,
Блаженъ кто хоть въ единый мигъ
Могъ утереть слезу съ рѣсницы,
Когда любилъ или жалѣлъ,
Иль просто на небо смотрѣлъ.

А иногда такъ станешь сухъ,
Что невозможно умиленье;
Все намъ досадно такъ вокругъ;
Смѣшно философа сомнѣнье,
Къ восторгамъ не способенъ духъ,
Въ нихъ видишь только напряженье,
Намъ глупъ влюбленный въ двадцать лѣтъ,
Мы всё клянемъ чего въ насъ нѣтъ.

Вамъ скучно! я опять хандрю,
Я закоснѣлъ въ привычкѣ старой
И про тоску все говорю;
Люблю лежать въ зубахъ съ сигарой,
Печально въ потолокъ смотрю,
Аккомпанируюсь гитарой,
И напѣваю Casta div',
Отъ Пасты какъ то затвердивъ.

Вы музыкантъ въ душѣ какъ я,
Бетговенъ вамъ всего дороже,
Но южный край боготворя
Люблю я и Беллини тоже.
Слыхали-ль вы "Жизнь за царя"?
Нѣтъ—ну и впредъ спаси васъ Боже
И русскихъ оперъ вообще
Не нужнобъ намъ имѣть еще.

Въ концертъ любителей я васъ
Прошу не ѣздить. Очень скверно
Поютъ любители у насъ,
Совсѣмъ безъ такту и невѣрно,
Писклив дишкантъ и хрипелъ басъ;
Но помагать въ нихъ страсть безмѣрна,
Любовь прямая къ ближнимъ есть —
Что впрочемъ дѣлаетъ имъ честь.

Ахъ, еслибъ можно было мнѣ
Поѣздить наконецъ по волѣ,
Въ любимой южной сторонѣ!
Въ Венеціи, катясь въ гондолѣ
При блескѣ волнъ и при лунѣ,
Внимать безпечно баркаролѣ
И видѣть въ сумракѣ ночей,
Огонь полуденныхъ очей.

Но я въ Россіи, милый другъ,
Какъ жукъ привязанный за ножку
Могу летать себѣ вокругъ
И не далеко и немножко;
А нить не вытащишь изъ рукъ...
Что значитъ жукъ—простая мошка
Въ сравненьи съ толстымъ паукомъ
Въ мундирѣ свѣтло-голубомъ.

Но разсказать могу я вамъ,
Какъ путешествовалъ пріятель,
Всю жизнь его вамъ передамъ;
Увидите какъ мой мечтатель,
Безумно предаваясь снамъ,
Чего то вѣчный былъ искатель,
И какъ изъ странствія его
Не вышло послѣ ничего.

VII.

Но нѣтъ! за чѣмъ мнѣ мучить васъ
Исторьей длинной и безсвязной?
Не лучше-ль будетъ мой разсказъ
Мнѣ написать вамъ сообразно
Порядку тайному, что въ насъ
Не болтовней безумно праздной,
Но смысломъ внутреннимъ души
Опредѣляется въ тиши?

Хочу чтобъ списокъ съ нашихъ дней,
Избытокъ чувствъ, живыя лицы
Нашли вы въ повѣсти моей;
Но будутъ многія страницы
Написаны слезой очей
И кровью сердца... Лучъ денницы —
Какъ быть — не въ радужномъ огнѣ
Рисуетъ наше время мнѣ.

Не думайте, чтобъ я отвыкъ
На будущность имѣть надежды,
Мнѣ чуждъ отчаянья языкъ
Достойный дикаго невѣжды.
Но тяжекъ въ вѣкѣ этотъ мигъ,
Отъ частыхъ слезъ распухли вѣжды;
Въ грядущемъ, вѣрю я, свѣтло,
Но намъ ужасно тяжело.

Мы съ жизнью встрѣтились тепло,
Къ прекрасному простерли руки,
Участье къ людямъ насъ вело,
Любовь къ искуству, свѣтъ науки...
И чтожъ насъ затереть могло
Въ тиски непроходимой скуки?
Не вы тоскуете, не я,
А всѣ друзья и не друзья.

Друзья, невинны мы въ иномъ,
Во многомъ виноваты сами;
Міръ ждетъ чего то, спорить въ томъ
Отнюдь я не намѣренъ съ вами,
Пророки сильнымъ языкомъ
Уже вѣщали между нами
И Charles Fourrier и St-Simon
Чертили планъ иныхъ временъ.

Видали-ль вы какъ срѣдь небесъ
Проходитъ туча надъ землею?
Удушливъ воздухъ, черный лѣсъ
Недвиженъ, все покрыто мглою,
И птицъ веселый рой изчезъ,
Чуть дышатъ звѣри предъ грозою
И въ трепетѣ чего то ждутъ;
Вотъ наше время вамъ все тутъ.

Минуетъ бури череда,
И жизнь свѣтлѣе разольется;
Но скучно ждать намъ господа
Пока вся туча пронесется.
Мы славы жаждемъ иногда
Безъ всякихъ правъ на то; духъ рвется
Къ самолюбивѣйшимъ мечтамъ...
Чтобъ ни было, не легче намъ.

Вотъ видите ужъ кромѣ сихъ
Въ семъ вѣкъ общихъ всѣмъ мученій
Есть много мукъ у насъ иныхъ,
Съ людьми обидныхъ столкновеній,
Несносный холодъ къ намъ однихъ
Другихъ любовь — все рядъ волненій;
Съ инымъ сойдешся, а потомъ,
Несогласишся съ нимъ ни въ чемъ.

Все это грустно! Счастливъ, другъ,
Кто запирается безпечно,
Въ свой узенькій домашній кругъ,
Спокоенъ, веселъ, жиренъ вѣчно,
И дѣти прыгаютъ вокругъ,
Жена отличная конечно,
Хозяйка, вѣрно сводитъ счетъ,
А мужъ по службѣ вверхъ идетъ.

Скажу вамъ просто — домъ такой
Благословенъ, мой другъ, отъ Бога;
Всегда въ немъ каждому покой,
Обѣдъ въ немъ сытенъ, денегъ много.
Ну что—намъ съ вами прокъ какой
Дала душевная тревога?
За чѣмъ намъ тотъ удѣлъ дать Богъ
Незахотѣлъ, или не могъ?

Не могъ, не могъ! Вотъ дѣло въ чемъ.
Натура въ насъ совсѣмъ другая,
Въ насъ въ вѣкѣ можетъ быть иномъ
Была бы тишина святая;
Но въ тѣлѣ дрябломъ и больномъ
Теперь живетъ душа больная;
Мы суждены желать, желать
И все томиться и страдать.

Давайте же страдать, другъ мой,
Есть право въ грусти наслажденье
И за безсмысленный покой
Не отдадимъ души мученье;
Въ немъ много есть любви святой,
Возмемъ страданье и стремленье
Себѣ въ удѣлъ—онъ чистъ и святъ
Ему какъ счастію я радъ.

VIII.

Въ вѣнцѣ изъ розъ была она,
Стояла опустивши руки,
Но пѣснь ея была полна
Какой то безконечной муки,
И долго мнѣ была слышна,
И вслѣдъ за мной гналися звуки—
Ich bin ein Fremdling überall—
И на сердцѣ легла печаль.

И мнѣ казалось, что какъ тотъ
Безродный странникъ въ край изъ края
И мы весь вѣкъ идемъ впередъ—
Вы, я, пѣвица молодая...
Какая цѣль? и что насъ ждетъ?
И гдѣ для насъ страна родная?
И все звучитъ одинъ отвѣтъ:
Блаженство тамъ лишь гдѣ насъ нѣтъ.

Но мы ужъ такъ и быть, другъ мой;
Пѣвицу жалко мнѣ; изъ платы
Ей надо звонкій голосъ свой,
Изъ глубины душевной взятый,
Напрасно тратить предъ толпой,
Предъ чернью деньгами богатой
И думать, что отъ жизни сей
Совсѣмъ не то ждалося ей.

Но ужъ концертовъ будетъ съ насъ,
Дошли мы до страстной недѣли,
Говѣютъ люди; ночью, въ часъ,
Встаютъ невыспавшись съ постели,
Ихъ будитъ колокола гласъ,
Салопы, шубы, иль шинели
Надѣвъ—уже они пѣшкомъ
Идутъ молиться въ Божій домъ.

Тамъ тускль огонь свѣчей. Въ алтарь
Сердито входитъ попъ косматый,
Угрюмо бродитъ пономарь,
Дьячекъ бормочетъ бородатый
И дьяконъ ищетъ свой стихарь;
Просвирня зябнетъ сномъ объята,
Кадило рой дѣтей несетъ
И вѣетъ ладонъ на народъ.

Но признаюсь, не вижу я
Особенной отрады въ этомъ,
Говѣйте вы себѣ, друзья,
Я развѣ послѣ стану—лѣтомъ.
Попы, дьячки и эктинья
Не могутъ быть любви предметомъ,
Весь этотъ пародіальный тонъ
Меня вгоняетъ въ гнѣвъ иль сонъ.

Но еслибъ жилъ я въ вѣкѣ томъ,
Когда Христосъ училъ народы,—
Его бъ я былъ ученикомъ
Во имя духа и свободы;
Оставилъ бы семью и домъ,
Не побоялся бы невзгоды
И радостно бъ за вѣру палъ
И свой удѣлъ благословлялъ.

Бывало часто въ часъ ночной
Передъ распятьемъ на колѣни
Я падалъ съ теплою мольбой,
Чтобы онъ далъ среди мученій
Мнѣ тотъ безоблачный покой,
Съ которымъ онъ безъ злобы, пени,
Съ любовью крестъ тяжелый несъ
И всѣмъ прощенье произнесъ.

О другъ мой! какъ бы намъ дойти,
Чтобъ духомъ выше стать страданья
И ровно жизнь свою вести,
Какъ свѣтлое души созданье,
Встрѣчаться съ каждымъ на пути
Съ любовью полной упованья,
Привлечь его, не дать коснѣть
И сердце сердцемъ отогрѣть.

Но мы вліянье на другихъ
Въ тоскѣ разстратили невольно;
Мы слишкомъ любимъ насъ самихъ,
Людей же любимъ недовольно;
Мы нашей скорбью мучимъ ихъ,
Что многимъ скучно, близкимъ больно,
А жизни лучшей идеалъ
Для насъ невыполнимымъ сталъ.

Но впрочемъ что же? На кого
Прикажите имѣть вліянье?
Собрать людей вокругъ чего?
Къ чему имъ указать призванье?
Какая мысль скорѣй всего
Ихъ разшатать бы въ состояньи?
Какъ, эгоизмъ изгнавъ изъ нихъ,
Направить къ высшей цѣли ихъ?

Не знаю право. Цѣлый вѣкъ
Изъ этого я крѣпко бился,
На поискъ направлялъ свой бѣгъ,
Вездѣ знакомился, дружился;
Но современный человѣкъ
Былъ глухъ на крикъ мой. Я смирился
И только малый кругъ друзей
Я затворилъ въ любви моей.

Въ наукѣ весь нашъ міръ идей;
Но Гегель, Штраусъ, не успѣли
Внѣдриться въ жизнь толпы людей,
И лишь на тѣхъ успѣхъ имѣли;
Которые для жизни всей
Науку цѣлью взять умѣли.
А еслибъ понялъ ихъ народъ,
Навѣрнобъ былъ переворотъ.

И такъ, мой другъ, когда пять, шесть
Друзей къ намъ вышло на дорогу,
То, право, мы должны принесть
Большую благодарность Богу,
И въ этомъ много счастья есть,
Онъ далъ намъ много, очень много,
И грѣхъ великій намъ хандрить
И дара неба не цѣнить.

Съ немногими свершимъ нашъ путь,
Но не погибнетъ наше слово;
Оно отыщетъ гдѣ нибудь,
Средь поколѣнья молодаго
Способныхъ далѣе шагнуть;
Они пусть идутъ въ бой суровой,
А мы умремъ среди тоски,
Страданья съ вѣрою легки.

IX.

Вдоль улицъ фонари горятъ,
Еще безмолвна мостовая,
И лужи кое гдѣ блестятъ,
Огонь печально отражая;
Но фонарей огнистыхъ рядъ
Въ ночи горитъ не озаряя
И звѣзды ярко смотрятъ въ ночь,
Но тьмы не могутъ превозмочь.

Раздался ровно въ полночь звонъ
Въ церквахъ 'Христосъ воскресъ' запѣли,
Бѣжитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
Кареты дружно зашумѣли,
Вы спите, другъ мой? Сладкій сонъ
Дай Богъ на мягкой вамъ постелѣ.
А я пойду...Но грустно мнѣ,
Я лучшебъ плакалъ въ тишинѣ.

Но нѣту слезъ и вѣры нѣтъ
Младенческой къ душѣ усталой,
На ней сомнѣній грустный слѣдъ,
На ней печали покрывало
И радость прежнихъ дѣтскихъ лѣтъ
Давно ей незнакома стала.
На звонъ безъ цѣли я иду,
Подарковъ отъ родныхъ не жду.

И гдѣ родные всѣ мои?
Въ тиши могилъ, отсель далече,
Заснули вѣчнымъ сномъ одни,
Съ другими мнѣ не нужно встрѣчи;
Межъ нами вовсе нѣтъ любви,
Докучны мнѣ ихъ видъ и рѣчи;
Конечно есть еще друзья,
Но и они грустятъ какъ я.

Смотрю съ Кремлевскихъ теремовъ
Куда то вдаль. Воспоминанье
Живитъ черты былыхъ годовъ,
Назадъ влечетъ меня желанье;
Тамъ міръ любви и свѣтлыхъ сновъ
И молодаго упованья...
Но какъ кругомъ въ—душѣ моей
Ночь, ночь и блѣденъ свѣтъ огней.

Съ чего грущу? Не знаю самъ,
Пойду домой. Какъ грудь изныла!
Какъ сердце рвется пополамъ!
О если бы имѣлъ я силу
На ложѣ волю дать слезамъ—
Быть можетъ мнѣ бы легче было;
Но Боже мой! какъ старъ я сталъ,
Ужъ я и плакать пересталъ.

X.

Я ѣду завтра. Можетъ быть
Меня отпустятъ за границу
И въ жизни новую раскрыть
Тогда придется мнѣ страницу,
Но не могу я позабыть
Ни васъ, ни древнюю столицу;
Пожалуйста, мой другъ, вдвоемъ
Послѣдній день мы проведемъ.

Садитесь! Много кой о чемъ
Поговорить намъ съ вами можно.
Есть тайный страхъ въ умѣ моемъ,
Отъ думы на сердцѣ тревожно...
Какъ знать? Вдали, въ краю чужомъ
(Хотя я ѣзжу осторожно)
Умру быть можетъ. Жалко вамъ?
Да не желалъ бы я и самъ.

Вотъ воля вамъ моя одна,
Скажите тѣмъ кого любилъ я,
Что въ смертный часъ ихъ имена
Произнося, благословилъ я,
Что смерть моя была ясна,
Что помнить обо мнѣ просилъ я,
Смирясь покорствовалъ судьбѣ
И скоро жду ихъ всѣхъ къ себѣ.

А можетъ быть изъ дальнихъ странъ
Я возвращусь здоровѣй втрое,
Очищенъ отъ сердечныхъ ранъ,
И вылеченъ отъ гемороя,
И довезетъ мой чемоданъ
Мнѣ фракъ послѣдняго покроя;
А на прощаніе вдвоемъ,
Бутылки двѣ мы разопьемъ.

Сперва въ бокалъ зеленый лью
Струю янтарную Рейнвейна,
Во славу рыцарства я пью
И береговъ цвѣтущихъ Рейна.
Отвагу прежнихъ лѣтъ люблю
Отъ Карла и до Валленштейна,
И пѣснь любви средь жаркихъ сѣчь,
Гдѣ въ латы билъ тяжелый мечь.

Пристрастенъ къ среднимъ я вѣкамъ
Люблю ихъ замки и ограды,
Балконъ высокій нѣжныхъ дамъ,
И подъ балкономъ серенады...
Луна плыветъ по небесамъ
А звуки такъ полны отрады,
И ропотъ Рейна вторитъ имъ...
Съ зарей походъ въ Іерусалимъ.

Но что мечтать о старинѣ—
Аи ужъ въ розовомъ бокалѣ
Звѣздясь, мечты другія мнѣ
Несэтъ игриво...чтожъ вы стали
И устъ не мочите въ винѣ?
Разъ въ разъ, бокалы застучали...
На югъ, на югъ хочу друзья!
Да здраствуетъ Италія!

Цвѣтетъ лимонъ и золотой
Межъ листьевъ померанецъ рдѣетъ,
И воздухъ теплою струей
Съ небесъ лазурныхъ тихо вѣетъ;
Лавръ гордый поднялся главой
И скромно мирта зеленѣетъ.
Туда, туда! Среди Друидъ
Тамъ голосъ Нормы мнѣ звучитъ.

Но прежде чѣмъ увижу югъ,
Услышу музыку Беллини,
Заѣду въ Питеръ я мой другъ,
Гдѣ не бывалъ еще до нынѣ.
Аристократовъ рабскій кругъ
Тамъ жаждетъ царской благостыни,
И ползая у царскихъ ногъ,
Радъ облизать на нихъ сапогъ.

Скорѣй оставлю скучный градъ,
Пущусь на пароходѣ въ море.
О какъ въ первые буду радъ
Я на морскомъ дышать просторѣ!
Далеко оттолкну назадъ
Хандру и истинное горе,
И буду, вдохновенья полнъ,
Внимать немолчный говоръ волнъ,

И буду взоромъ я тонуть
Въ безбрежьи неба голубаго...
Но Боже! вдругъ стѣснилась грудь
И грустно сердце бьется снова.
Мнѣ жаль пускаться въ дальній путь,
И жалко края мнѣ роднаго...
Вѣдь я люблю его, мой другъ,
Одно я тѣло съ нимъ и духъ.

Я много покидаю въ немъ,
Разставшись съ нимъ теряю много
Едваль, я не увѣренъ въ томъ,
Мнѣ чужеземная дорога
Его замѣнитъ...А потомъ
Какъ разбирать всѣ вещи строго—
Чего бы кажется искать?...
Я впрочемъ буду къ вамъ писать.

Кудабъ ни ѣхать—все равно,
Вездѣ съ собою сами въ спорѣ,
Мученье мы найдемъ одно;
Будь то на сушѣ иль на морѣ,
Какъ прежде, какъ давнымъ давно—
За нами вслѣдъ помчится горе,
Аккордъ намъ полный, господа,
Звучать не станетъ никогда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Farewell!

Byron.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный
Скука, холодъ и гранитъ.

Пушкинъ.

Ye see and read
Admire and sigh and then succomb and bleed.

Byron.

Письмо первое

3 Апрѣля. Станція.

Я начинаю къ вамъ писать,
Мой другъ, уже съ полу-дороги.
Мнѣ на шоссе не льзя пенять,
Онъ гладокъ, горы всѣ отлоги,
Но въ дилижансѣ плохо спать,
И протянуть не ловко ноги.
Я этимъ началъ, чтобъ потомъ
Не говорить ужъ мнѣ о томъ.

Когда Москву оставилъ я,
Въ послѣдній разъ пожалъ вамъ руку,
Невольно сжалась грудь моя
И сердце ощутило муку.
О, съ вами горьки для меня
Невыносимо несть разлуку.
Какъ ни крѣпился я—слеза
Мнѣ навернулась на глаза.

Я ѣхалъ. Надъ моей Москвой
Ночное небо ясно было,
И тихо такъ на городъ мой
Звѣздами яркими свѣтило.
А впереди, передо мной
Все небо тучей обложило,
Меня встрѣчалъ зловѣщій мракъ;
Я думалъ: то недобрый знакъ!

Такъ, недовольные ничѣмъ,
Богъ вѣсть куда стремимся все мы,
Толкаемы не знаю кѣмъ
И въ даль не знаю чѣмъ влекомы,
Безумно разстаемся съ тѣмъ
Что мило намъ; друзей и домы
Бросаемъ—сколько ихъ ни жаль...
И ищемъ новую печаль.

Ужъ право не вернуться-ль мнѣ?
А вы, мой другъ! Теперь чай сѣли
Передъ каминомъ, въ тишинѣ;
Къ вамъ думы грустныя слетѣли,
Не разъ, гадая на огнѣ,
Мою судьбу вы знать хотѣли...
Чтожъ? вспыхнетъ синій огонекъ?
Да! нѣтъ! и гаснетъ уголекъ.

А предо мной во тьмѣ ночной
Равнина тянется печально,
И вѣтви сосны молодой
Чернѣютъ грустно въ рощѣ дальней.
Плетется дилижансъ рысцой,
Какъ полъ лощенный въ залѣ бальной
Гладка дорога, скатовъ нѣтъ...
Въ степи печаленъ и разсвѣтъ.

Разсвѣтъ! съ улыбкой на устахъ
Земной печали ввѣкъ не зная,
Восходитъ солнце; на поляхъ
Кой гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ блистая,
И листьевъ нѣтъ еще въ лѣсахъ,
Не вышла травка молодая;
А жаворонокъ, средь небесъ
Ужъ съ вольной пѣснію изчезъ.

И грустно мнѣ пѣвцу весны
Внимать въ раздумьи и печали
Среди пустынной стороны;
Передо мною смутно встали
Всѣ недоконченные сны,
Которыми полны бывали
Мои мечты въ родной странѣ...
Опять вздохнуть пришлося мнѣ!

Но полно. Перейти должны.
Мы вновь къ практическимъ предметамъ.
Мы разъѣзжать пріучены
Въ Россіи и зимой и лѣтомъ;
Но всежъ, подъ часъ поражены,
Должны критическимъ замѣтамъ
Отвесть мы мѣсто хоть слегка
Средь путеваго дневника.

Во первыхъ я замѣчу вамъ,
По непривычкѣ ли къ свободѣ,
По непривычкѣ ли къ правамъ,
Вездѣ у насъ въ простомъ народѣ
Пристрастье къ площаднымъ словамъ,
Ругаться—въ чрезвычайной модѣ...
Не деликатно и смѣшно,
И оскорбительно оно.

Люблю когда передъ избой
Въ кафтанѣ, шапка на бекрени,
Ямщикъ съ широкой бородой
Сидитъ въ припадкѣ русской лѣни,
Склонясь на руки головой,
Поставивъ локти на колѣни,
И про себя поетъ въ тиши
Про очи дѣвицы души.

И смотритъ въ даль...и ждетъ, и ждетъ,
Вотъ колокольчикъ раздается
И по мосту, стуча, впередъ
Телѣга тройкою несется,
Къ нему—и стала у воротъ,
И паръ отъ коней клубомъ вьется.
И вотъ ямщикъ ужъ ямщикомъ,
Встрѣчаемъ бранью иль толчкомъ.

Характеръ русской на пути
Мнѣ сталъ предметомъ изученья,
И въ немъ я долженъ былъ найти—
Лѣнь, удальство и грусть въ смѣшеньи
Съ лукавствомъ (Боже насъ прости!)
Къ обманамъ гнуснымъ угнетенье
Насъ пріучило, также кнутъ...
Мудренаго не вижу тутъ.

Всегда мы встрѣтясь съ кѣмъ нибудь,
Врага въ нимъ видя иль Іуду,
Его же ищемъ обмануть.
Я это порицать не буду,
Весьма естественъ этотъ путь;
А лѣнь хвалить я просто буду:
Какъ мужику любить свой трудъ?
Богатъ онъ—больше оберутъ.

Я это говорю смѣясь,
Но, другъ мой, еслибы вы знали
Какъ желчь бунтуетъ каждый разъ,
Какъ вся душа полна печали,
Когда я думаю о насъ!
Надежды всѣ почти пропали,
Свое безсилье я созналъ
И нравъ мой золъ и мраченъ сталъ.

Но виноватъ! зовутъ меня—
Ужъ пристягнули торопливо
Къ постромкамъ пятаго коня;
Кондукторъ ждетъ меня учтиво,
Сурово нищихъ прочь гоня;
Ужъ сѣлъ ямщикъ нетерпливый...
Мой другъ, пора, пора! Спѣшу!
Изъ Петербурга напишу.

II.

Петербургъ.

Я прибылъ вечеромъ, другъ мой.
Шелъ дождикъ мелкой, по немногу
Дома скрывались въ тьмѣ ночной...
Свершивъ трехъ дневную дорогу,
Хотѣлъ скорѣй я на покой;
Но сердца странную тревогу
Преодолѣть никакъ не могъ
И долго спать еще не легъ.

Хотѣлъ я тутъ же къ вамъ писать,
Но какъ то глупъ былъ; сталъ уныло
По комнатѣ моей шагать,
И что меня тогда томило
Не въ силахъ я пересказать,
Утраты ли того что было,
Иль недовѣрчивость къ судьбѣ,
Не могъ отчета дать себѣ.

Но было на душѣ темно,
Я поздно легъ, проснулся рано;
Мнѣ вѣтръ сырой пахнулъ въ окно,
Сѣдое небо сверхъ тумана
На міръ смотрѣло холодно,
И будто призракъ великана,
Въ сырую мглу погружена,
Мнѣ каланча была видна.

Вы согласитесь, что плохой
Пріемъ мнѣ сдѣлала погода;
Я еслибъ не страдалъ хандрой,
Ее туманная природа
На умъ навѣяла бы мой...
Здѣсь говорятъ, что середь года
Выходитъ солнце только разъ...
Блеснетъ и спрячется тотчасъ.

Я думалъ житель здѣшнихъ странъ
Быть долженъ мраченъ, даже злобенъ,
Всегда недугъ сердечныхъ ранъ
Въ себѣ самомъ таить способенъ,
Угрюмъ, задумчивъ какъ туманъ,
Во всемъ странѣ своей подобенъ,
И даже пѣснь его должна
Быть однозвучна и грустна.

Хотѣлось городъ видѣть мнѣ
Я на проспектъ пошелъ зѣвая—
И изумился! Намъ во снѣ
Толпа не грезилась такая
Въ Москвѣ, гдѣ мы по старинѣ
Всѣ по домамъ сидимъ скучая;
А здѣсь, напротивъ, круглый годъ
Какъ бы на ярмаркѣ народъ.

Безъ стуку по торцамъ катясь
Стремятся дрожки и кареты,
Заботой праздною томясь
Толпы людей, съ утра одѣты,
Спѣшатъ толкаясь и бранясь.
Мелькаютъ перья, эполеты,
Бурнусы дамъ, пальто мущинъ;
Въ одеждахъ всѣхъ покрой одинъ.

Чѣмъ эти люди заняты?
Какая цѣль? Къ чему стремленье?
Какая мысль средь суеты,
Среди всеобщаго движенья,
Средь этой шумной нестроты?
Ужъ не народное-ль волненье?
И! что вы? право никакой
Тутъ мысли вовсе нѣтъ, другъ мой.

Толпа стремится просто такъ,
Поѣсть иль пробѣжать глазами
Какъ Мегеметъ, Султана врагъ,
Гонимъ союзными дворами
И день убить ужъ кое какъ.
Съ косой въ рукѣ, на лбу съ часами,
Сѣдой Сатурнъ на нихъ на всѣхъ
Глядитъ сквозь ядовитый смѣхъ.

Мнѣ стало страшно...предо мной
Явилась вдругъ жизнь милліоновъ
Людей, объятыхъ пустотой,
Къ стыду всѣхъ божескихъ законовъ...
Въ толпѣ одинъ пріятель мой
Мнѣ указалъ двухъ-трехъ шпіоновъ,
И царь проѣхалъ мимо насъ,
И сняли шляпы мы тотчасъ.

Потомъ пошли и время шло,
И длинный день тянулся вяло,
И все мнѣ было тяжело.
Толпа шумѣть не переставала.
Обѣдъ; вино лилось свѣтло,
Но ужъ меня не забавляло;
Такъ я являяся на балъ
Всегда угрюмъ и дикъ бывалъ.

Мнѣ страненъ смѣхъ казался ихъ
Въ огромной освѣщенной залѣ,
Я былъ среди людей чужихъ,
И самъ чужой былъ всѣмъ на балѣ,
И мысли далеко отъ нихъ
Меня печально увлекали
Туда куда то въ мирный долъ,
Гдѣ годы дѣтства я провелъ.

Но я кладу письмо въ пакетъ,
Его съ оказіей вамъ шлю я,
Для васъ вѣдь новаго въ томъ нѣтъ,
Писать по почтѣ не люблю я;
Случиться можетъ и секретъ,
А ужъ никакъ не потерплю я
Чтобъ мнѣ Коко какой нибудь
Смѣлъ въ жизнь и душу заглянуть.

III.

Ложилась ночь, росла волна
И льдины проносились съ трескомъ;
Сѣдою пѣною полна,
Подернута свинцовымъ блескомъ,
Нева казалася страшна,
Стуча въ гранитъ съ сердитымъ плескомъ.
Въ туманѣ тускломъ рядъ домовъ
Смотрѣлъ печально съ береговъ.

Уже огни погашены,
Безпечно люди сномъ объяты;
Подъ ропотъ плещущей волны,
Поденщики, аристократы,
Свои всѣ люди грезятъ сны,
Безмолвны стогны и палаты...
Одинъ недвиженъ на конѣ
Огромный всадникъ видѣнъ мнѣ.

Чернѣя сквозь ночной туманъ
Съ подъятой гордо головою,
Надменно выпрямивъ свой станъ,
Куда то кажетъ въ даль рукою
Съ коня могучій великанъ;
А конь притянутый уздою,
Поднялся вверхъ съ переднихъ ногъ,
Чтобъ всадникъ дальше видѣть могъ.

Куда рукою кажетъ онъ?
Куда сквозь тьму вперилъ онъ очи?
Какою мыслью вдохновленъ,
Не знаетъ сна онъ середь ночи?
Съ чего онъ гордъ? Чѣмъ увлеченъ
Изъ всей онъ будто конской мочи
Вскакалъ безстрашно на гранитъ
И неподвиженъ тутъ стоитъ?

Онъ тутъ стоитъ за тѣмъ, что тутъ
Построилъ онъ свой городъ славный;
Съ разсвѣтомъ корабли придутъ—
Онъ кажетъ вдаль рукой державной;
Они съ собою привезутъ
Европы умъ въ нашъ край дубравной,
Чтобъ въ наши дебри свѣтъ проникъ;
Онъ гордъ за тѣмъ что онъ великъ!

Благоговѣлъ я въ поздній часъ
И трепетъ пробѣгалъ по тѣлу;
Я самъ былъ гордъ на этотъ разъ,
Какъ будтобъ былъ причастенъ къ дѣлу,
Которымъ онъ великъ для насъ.
Надменно вмѣстѣ и не смѣло
Предъ нимъ колѣно я склонилъ
И чувствовалъ что Русскій былъ.

Поднявъ я голову потомъ
Въ лице взглянулъ ему—и было
Какъ будто грустное что въ немъ;
Онъ на меня смотрѣлъ уныло
И все мнѣ въ даль казалъ перстомъ.
Какая скорбь его томила?
Куда казалъ онъ мнѣ съ коня?
Чего хотѣлъ онъ отъ меня?

И я невольно былъ смущенъ,
Печально робкими шагами
Я отошелъ, но долго онъ
Былъ у меня передъ глазами;
Я отъ него былъ отдѣленъ
Адмиралтейскими стѣнами,
А онъ за мною все слѣдилъ,
И видъ его такъ мраченъ былъ.

И вотъ дворецъ передо мной
Стоялъ угрюмо и высоко;
Въ полу дремотѣ часовой
Шагалъ у двери одиноко
И страхомъ вѣялъ мнѣ покой,
Въ которомъ спалъ дворецъ глубоко.
У ногъ моихъ Нева одна
Шумѣла ярости полна.

А тамъ далеко за Невой
Еще страшнѣй чернѣлось зданье
Съ зубчатой, мрачною стѣной
И рядомъ башенъ. Вопль, рыданья
И жертвъ напрасныхъ стонъ глухой,
Проклятій полный и страданья,
Мнѣ вѣтеръ несъ съ тѣхъ береговъ,
Сквозь стуки льдинъ и плескъ валовъ.

Дворецъ! Тюрьма! За чѣмъ сквозь тьму
Глядите вы здѣсь другъ на друга?
Ужель на вѣкъ она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель взирая на тюрьму
Дворецъ свободенъ отъ испуга?
Ужель тюрьмою силенъ онъ
И слышать радъ печальный стонъ?

О! Сройте, сройте поскорѣй,
Вы эти стѣны, эти своды!
Замки отбейте у дверей,
Зовите всѣхъ на пиръ свободы!
Тогда, тогда толпы людей,
Тогда изъ вѣка въ вѣкъ народы
Благословятъ васъ и почтутъ
И васъ святыми назовутъ.

Но глухъ дворецъ, глуха тюрьма
И голосъ мой звучитъ въ пустынѣ,
Кругомъ туманъ, да ночи тьма
И съ шумомъ валъ бѣжитъ по льдинѣ...
Тоска души, тоска ума,
Еще сильнѣе чѣмъ донынѣ,
И тяжелѣе жизни крестъ...
И я бѣжалъ отъ этихъ мѣстъ.

И снова онъ, все тотъ же онъ,
Явился всадникъ предо мною,
Все также гордъ и вдохновленъ,
Все въ даль съ простертою рукою.
И мнѣ казалось, какъ сквозь сонъ,
Съ подъятой гордо головою,
Надменно выпрямивъ свой станъ,
Смѣялся горько великанъ.

IV.

Что я писалъ вамъ въ этотъ разъ?
Письмо ли это или ода,
Или элегія? У насъ
Послѣдняго не терпятъ рода...
А было время—развелась
На вздохи, слезы, стоны, мода;
Всѣ вспоминали юны дни
И лезли въ Пушкины они.

Да я и самъ...но Боже мой!
Кого я назвалъ? Плачь надгробный
Ужели смолкъ въ странѣ родной?
Гдѣ нашъ пѣвецъ, душой незлобный?
Гдѣ дивныхъ пѣсенъ даръ святой
И голосъ шуму водъ подобный?
Гдѣ слава нашихъ тусклыхъ дней?
Внимайте повѣсти моей.

О! тамъ...въ тиши родной Москвы
Отъ бурь мірскихъ задвинувъ ставень,
И не предчувствуете вы
Какъ душу здѣсь сжигаетъ пламень;
Но будьте вы какъ ледъ Невы,
Или безчувственны какъ камень,
Все жъ васъ растопитъ мой разсказъ
И выжметъ слезъ ручей изъ васъ.

Когда молву что нѣтъ его
Въ столицѣ древней услыхали,
Всѣмъ было грустно отъ того,
Всѣ посердились, покричали;
Но черезъ день какъ ничего,
Опять спокойно замолчали;
Такъ шумный рой спугнутыхъ мухъ,
Взлетѣвъ на мигъ, садится вдругъ.

Вчера я встрѣтилъ невзначай
Два мальчика прошли съ лотками
Статуекъ. Тутъ былъ попугай,
Качали кошки головами,
Наполеонъ и Николай
Стояли обратясь спинами,
И Пушкинъ голову склоня,
Скрестивши руки, близь коня.

И равнодушною толпой
Шли люди мимо безъ вниманья,
И каждый занятъ былъ собой,
Не замѣчая изваянья.
Да хоть взгляните, Боже мой!
На ликъ исполненный страданья
И думъ и грезъ...Вѣдь онъ поэтъ!
Да дайтежъ лептъ свой за портретъ.

Поэтъ не надобенъ для нихъ,
Ему внимать имъ даже скучно,
И звонкій, грустный, яркій стихъ
Они услышатъ равнодушно,
Какъ скрипъ телѣгъ на мостовыхъ,
Пѣснь аматера въ залѣ душной.
Они согласны быть скорѣй
Часъ цѣлый у рѣзныхъ дверей,

Пока лакей имъ въ галунахъ
Отворитъ входъ жилищь священныхъ,
Гдѣ можно ползать имъ въ ногахъ
Временщиковъ и баръ надменныхъ
И цаловать ничтожный прахъ
Людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ,
Которыхъ кознями поэтъ
Погибъ въ всей силѣ лучшихъ лѣтъ.

Ему дасадой сердце жгли,
И дѣло быстро шло къ дуэли ;
Предотвратить ее могли,
Но не хотѣли, не хотѣли.
Къ нему на похороны шли,
Лишь люди въ фризовой шинели,
И тѣхъ обманомъ отвели,
И гробъ тихонько увезли.

Поэта мучить и терзать,
Губить со злобою холодной,
На тѣло мертвое не дать
Пролить слезу любви народной,—
Чтожъ можно вамъ еще сказать
Чтобъ было хуже? Благородный,
Священный гнѣвъ въ душѣ моей
Кипитъ—чѣмъ скрытѣй, тѣмъ сильнѣй.

Но только втайнѣ пару словъ
Могу сказать въ кругу собратій,
Боясь тюрьмы, боясь оковъ,
Боясь предательскихъ объятій.
А какъ бы на его враговъ
Я, сколько есть въ душѣ проклятій—
Собрать былъ радъ въ единый мигъ,
Чтобы въ лице имъ плюнуть ихъ.

И вашъ еще спокоенъ духъ
И не дрожите вы съ досады,
Что такъ безсильны мы мой другъ,
И что намъ правду прятать надо,
И мнѣнью высказаться вслухъ
Вездѣ поставлены преграды?
Да еслибъ кто чужой узналъ,
Онъ насъ бы трусами назвалъ.

V.

Но мы оставимъ мрачный тонъ,
Задернемъ скорбную картину,
Вашъ духъ тоскою удрученъ
Я вижу вы ужъ близки къ сплину;
Я вамъ кажуся Цицеронъ
Который мещетъ въ Катилину
Неумолимый приговоръ
И гнѣвный, безпощадный взоръ.

А я скажу вамъ между тѣмъ,
Что Цицерона я бывало
И не читалъ почти совсѣмъ,
Покрайней мѣрѣ очень мало;
За длинный слогъ его дилеммъ
Я съ жаромъ принялся спачала,
Потомъ за чтеньемъ сонъ клонилъ,
А нынче все я позабылъ.

Вотъ здѣсь ораторовъ вѣнецъ
Блистаетъ Гречь, скажу безъ лести;
Булгаринъ выше какъ мудрецъ
Всѣхъ стоиковъ хоть взятыхъ вмѣстѣ,
Сознавъ презрѣнье наконецъ
Не только къ смерти, даже къ чести;
Но полно, другъ мой, Гречь, Ѳаддей
Внѣ всякой критики, ей, ей!

Пожалуйста на этотъ мигъ
Забудемъ дюжину журналовъ,
Въ форматахъ малыхъ и большихъ,
Забудемъ кучу Генераловъ,
Темно-зеленыхъ, голубыхъ
И всѣхъ начальниковъ кварталовъ,
И всѣхъ шпіоновъ записныхъ—
Элькана, Фабра и другихъ.

Меня влечетъ иной предметъ,
Но всежъ замѣчу непремѣнно
Шпіонами чрезъ десять лѣтъ
Всѣ будутъ на Руси священной;
Ну, въ цѣлой Руси можетъ нѣтъ,
А въ Петербургѣ несомнѣнно.
Князь Метерних, забудьте спѣсь...
И царствовать учитесь здѣсь.

Въ углу театра я сидѣлъ
Въ расположеніи угрюмомъ,
На ложи холодно глядѣлъ,
Гдѣ дамы пышныя костюмомъ
Блистали—и скорѣй хотѣлъ,
Чтобъ занавѣсь взвилася съ шумомъ;
За чѣмъ не знаю право самъ,
Хотѣлъ я волю дать слезамъ.

Вы согласитеся, другъ мой,
Есть въ жизни странныя мгновенья,
Желчь не кипитъ, въ груди больной
Стихаетъ жгучее мученье,
Но грусть глубокая съ душой
Дружится тихо... Безъ сомнѣнья
Благословенъ кто въ этотъ часъ
До слезъ разтрогать можетъ насъ.

Душа такъ живо сознаетъ
Любви неопытной страданья,
И внѣшней жизни тяжкій гнетъ,
И сладость перваго признанья,
И нечувствительно встаетъ
Неясное воспоминанье...
Предъ вами драма, а за пей
Мелькаетъ даль минувшихъ дней.

Mme. Allan, о! какъ она
Постигла жизнь, глубоко, вѣрно!
Какъ ею роль вся создана!
И любитъ какъ она безмѣрно
И какъ страдаетъ! какъ полна
Тоски она нелицемѣрно!
Движенье, поступь, взглядъ очей
Все сильно поражаетъ въ ней.

Я плакалъ какъ дитя, другъ мой;
Тревожно грудь моя дышала,
За мной сидѣлъ старикъ сѣдой
И плакалъ и рука дрожала,
И жилъ онъ старою душой,
А публика рукоплескала;
Лишь двое чувствами души
Мы увлекалися въ тиши.

И я взглянулъ на старика
Такъ симпатически...готова
Была руки искать рука;
Но я не смѣлъ, но ни пол-слова
Не сорвалося съ языка,
Я недвижимъ остался снова;
Разставшись молча съ старикомъ,
Я не встрѣчался съ нимъ потомъ.

Но въ этотъ вечеръ я унесъ
Съ собой толпу воспоминаній,
Слѣды душевныхъ теплыхъ слезъ,
И много сладостныхъ мечтаній,
И ночью, средь неясныхъ грезъ,
Я чье то сердце отъ страданій
Спасалъ—и смутно предо мной
Въ слезахъ носился ликъ сѣдой.

VI.

Была ужъ майская пора,
И солнце жаркими лучами
Палило пышный градъ Петра;
По улицамъ народъ толпами
Стремился съ самаго утра,
Ходили стройными рядами
Отряды длинные солдатъ;
Въ тотъ день назначенъ былъ парадъ.

Направилъ любопытный шагъ
И я тудажъ, хоть въ самомъ дѣлѣ
Я былъ непримиримый врагъ
Забавамъ воинскимъ доселѣ,
И не умѣлъ понять никакъ
Какъ человѣкъ, въ комъ уцѣлѣли
Двѣ мысли здравыхъ какъ нибудь,
На нихъ могъ съ радостью взглянуть.

Но увлекаюсь часто я...
Лѣса и степь, весна и роза,
И ропотъ при лунѣ ручья,
И яркій иней въ день мороза,
Все тотчасъ радуетъ мёня,
Теперь *Allegro maestoso*,
Обнявъ торжественно мой слухъ,
Душею завладѣло вдругъ.

Толпы несчетные полковъ,
Стоятъ на площади широкой,
Густая масса ихъ рядовъ
Недвижна въ тишинѣ глубокой,
На солнцѣ блещетъ сталь штыковъ
Такъ что смотрѣть не можетъ око,
И кажетъ кирасировъ рядъ
На бѣломъ фондѣ чернеть латъ.

Между уланъ и казаковъ
Гусары съ грудью золотою;
Лишь оторвавшись отъ полковъ
Гремя желѣзной чешуею,
Летитъ черкесъ между рядовъ,
На мѣстѣ быстрою рукою
Вертитъ коня, и конь заржавъ
Назадъ несетъ его стремглавъ.

Всѣ въ ожиданіи нѣмомъ.
Вотъ скачетъ царь съ блестящей свитой,
Играетъ вѣтръ его перомъ,
Онъ гордъ и насмуренъ. Сердито
Онъ озирается кругомъ
И ѣдитъ въ рядъ. Въ едино слито
Ура полковъ и трубный звукъ
На встрѣчу раздаются вдругъ.

Маршъ заигралъ. Пошла разъ въ разъ
Пѣхота массою спокойной;
За нею конница вилась
Колонной пестрою и стройной.
Я самъ былъ воинъ въ этотъ часъ!
Въ душѣ проснулась безпокойно
Потребность крови и войны...
Какъ люди странно созданы!

Что, еслибъ я на этотъ мигъ,
Прямаго полный вдохновенья
Могъ прокричать отважный кликъ
Священнаго освобожденья?
За мной! точите мечъ и штыкъ!
Я поведу васъ въ направленьи,
Въ которомъ эти господа
Не поведутъ васъ никогда.

Но мы объ этомъ помолчимъ
Мечтой не увлечемся даромъ;
Солдатъ нашъ глупъ еще—Богъ съ нимъ,
Привыченъ къ палочнымъ ударамъ,
И вольность не любима имъ,
Живущимъ въ предразсудкѣ старомъ.
Да вольность, другъ мой, вообще
Народу рано дать еще.

По крайней мѣрѣ всѣ пока
У насъ еще такого мнѣнья,
Пускай намъ будетъ жизнь легка,
Народу отдадимъ мученье,
На чернь взирая свысока,
Въ залогъ мы ей пошлемъ терпѣнье.
А почему все это такъ —
Я не могу понять никакъ.

Печально глядя на полки
Я думалъ—Боже, Боже правый!
Страданья наши велики!
И долго деспотизмъ лукавый,
Опершись злобно на штыки
И развращая наши нравы,
Ругаться будетъ надъ людьми;
Проклятье войску—чортъ возьми!

VII.

"Сіи огромные сфинксы привезены и поставлены здѣсь."

Ну виноватъ! Не могъ въ стихахъ
Я передать вамъ фразы странной,
Въ академическихъ умахъ
Мелькнувшей какъ то въ день туманный;
Глупа она, конечно, страхъ,
И поражаетъ васъ нежданно,
И пахнетъ пудрой, парикомъ
И Семинаріи перомъ.

Чтожъ дѣлать? глупость съ давнихъ дней
Всѣхъ академій достоянье,
Временъ новѣйшихъ Фарисей
Имѣетъ въ оныхъ засѣданье;
Но хуже не найти ей, ей,
Людей духовнаго намъ званья;
Изъ всѣхъ апостоловъ святыхъ
Іуда лишь въ чести у нихъ.

Здѣсь кстати я сказалъ бы вамъ,
Законы разбирая строго,
О томъ, что всѣмъ у насъ къ чинамъ
Открыта быстрая дорога,
Но о чиновничествѣ намъ
Говорено, мой другъ, такъ много,
Что признаюся—мнѣ оно
Уже наскучило давно.

Къ томужъ скажу безъ дальнихъ словъ
Я радъ что нѣтъ аристократовъ,
И еслибъ не было рабовъ,
Я всѣхъ бы счелъ за демократовъ;
Но этотъ вѣчный Хлестаковъ,
Съ гурьбой военныхъ нашихъ хватовъ,
Невольно желчь вливаютъ въ кровь.
Но къ сфинксамъ возвратимся вновь.

Забавно видѣть какъ уста,
Лицо, глаза уродовъ Нила,
Какой то нѣжности черта
Роскошно, страстно озарила.
Востока жизнь, моя мечта
Въ душѣ внезапно воскресила;
Передо мной лежала степь,
И пирамидъ огромныхъ цѣпь.

Воскресла мыслію полна
Страна гдѣ воплощался Брама,
И съ Богомъ мстительнымъ страна
Сыновъ лукавыхъ Авраама;
Потомъ другія времена...
Люблю мечтать про рай Ислама,
Смотрѣть какъ скачетъ Бедуинъ,
Песокъ взметая средь равнинъ.

Люблю я пальмы и цвѣты,
Безбрежность полную покоя,
Оливъ зеленые листы,
И часъ полуденнаго зноя,
И прелесть смуглой красоты,
И запахъ мирры и алоя,
И жизни лѣнь и пылъ въ крови,
И нѣгу жгучую любви.

Я не скрывалъ, мой другъ, отъ васъ —
Происхожденьемъ я Татаринъ,
Во время оно окрестясь
Мой прадѣдъ вышелъ русской баринъ,
Съ тѣхъ поръ ужъ было много насъ;
Я Богу очень благодаренъ,
Что наконецъ рожденъ на свѣтъ,
Такой же баринъ какъ мой дѣдъ.

Дворянство наше все почти
Татаръ крестившихся потомки,
Но можно изрѣдка найти
Фамилій княжескихъ обломки,
Да какъ то мало въ нихъ пути;
Ихъ имена конечно громки,
Но представители именъ
Глупѣютъ въ быстротѣ временъ.

Какъ я досадовать привыкъ,
Волненью тайному послушный,
Я позабылъ любви языкъ,
Нѣтъ въ мысли шутки простодушной,
Пропало все!... Лишь боли крикъ
Живетъ въ груди неравнодушной,
Негодованіе растетъ,
И все внутри палитъ и жжетъ.

Вы помните, что нравомъ я
Былъ тихій, кроткій, даже нѣжный,
Любилъ зеленыя поля
И темный лѣсъ и скатъ прибрежный,
Друзей бесѣду, шумъ ручья
Въ тиши ночной напѣвъ мятежный
И Теклу Шиллера и сны,
И лучь задумчивый луны.

Здѣсь все пропало! Цѣлый день
Ношусь я въ сердцѣ съ злобой скрытой,
Не сплю ночей. То будто тѣнь
Блуждаю съ думой ядовитой,
То въ апатическую лѣнь
Впадаю вдругъ, тоской убитый,
И политическій нашъ бытъ
Меня безъ отдыха томитъ.

VIII.

Есть домикъ старый. Онъ стоитъ
Давно одинъ на брегѣ плоскомъ,
У двери ходитъ инвалидъ.
Двѣ комнаты. Съ златистымъ лоскомъ
На лѣво образъ, и горитъ
Предъ нимъ свѣча и каплетъ воскомъ;
На право стулъ простой съ столомъ,
Нева течетъ передъ окномъ.

Тутъ онъ сидѣлъ и создавалъ...
Великъ и простъ. Сюда порою
Пословъ заморскихъ принималъ;
А здѣсь онъ оскорбленъ борьбою
Съ людьми предъ образомъ стоялъ
И духъ крѣпилъ себѣ мольбою,
И грудь широкая не разъ
Вздыхала тяжко въ поздній часъ.

Теперь все пусто. Этотъ домъ
На васъ могильнымъ хладомъ вѣетъ,
И будто въ склепѣ гробовомъ
Душа тоскуетъ и нѣмѣетъ,
Ей тяжело и страшно въ немъ,
И такъ она благоговѣетъ,
Какъ будто что то тутъ давно
Великое схоронено.

Есть замокъ на горѣ крутой,
Онъ дышетъ роскоши отрадой,
Тѣнистыхъ липъ дряхлѣетъ строй
Предъ нимъ зеленою оградой,
Сверкая шумною струей
Фонтаны внизъ бѣгутъ каскадой
И море синее легло
У ногъ горы и вдаль пошло.

Была блестящая пора...
Здѣсь прежде женщина живала
И блескомъ пышнаго двора
Себя тщеславно окружала,
И съ полуночи до утра
На ложѣ мягкомъ отдыхала,
Несытой нѣгою полна,
Въ рукахъ любовниковъ она.

Но все прошло — и простота
Царя великаго Россіи,
Царицы умной красота,
Обоихъ замыслы большіе,
Цивилизаціи мечта,
И нынче времена другія—
Развратъ запачканный и лесть,
Вражда съ свободой, мелкость, месть...

Падешь ты гордый Вавилонъ!
Ужъ Божій гнѣвъ тебѣ пророки
Давно сулятъ со всѣхъ сторонъ.
Ты глухъ пока на ихъ упреки,
Надменной злобой напыщенъ:
Но кары Божія жестоки!
Бѣдой грозитъ народный стонъ,
Падешь ты гордый Вавилонъ!

Томимъ глубокою тоской
Сошелъ я къ морю. Вѣтеръ злился,
Свистя надъ мрачной глубиной,
За валомъ валъ сѣдой клубился
И злобно прыгалъ, и порой
О берегъ каменный дробился,
И брызги дико вверхъ кидалъ,
И съ тяжкимъ стономъ упадалъ.

Я былъ доволенъ. Я внималъ
Такъ жадно реву непогоды,
Лицо на брызги выставлялъ;
Борьба души съ борьбой природы
Такъ были дружны...И я зналъ,
Что весь мой вѣкъ прося свободы,
Какъ валъ морской я промечусь
И послѣ съ стономъ разшибусь.

IX.

Ну радуйтесь! Я отпущенъ!
Я отпущенъ въ страны чужія!
Я этой мыслью оживленъ;
Но были хлопоты большія...
Да это полно ли не сонъ?
Нѣтъ! Завтражъ кони почтовые
И я скачу vom ort zu ort,
Отдавши деньги за паспортъ.

Конечно и въ краю чужомъ —
Въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Вѣнѣ въ Прагѣ
(Хоть смысла много нѣтъ и въ томъ)
Берутъ налогъ съ листа бумаги;
Тутъ цѣнность дѣлъ—вотъ дѣло въ чемъ;
Но нѣтъ нигдѣ такой отваги,
Чтобъ на людей начесть налогъ
Съ движенья рукъ ихъ или ногъ.

Но чтожъ? Привычка и нужда,
Я заплатилъ безъ возраженья.
Не такъ ли всѣ мы господа?
Иной воскликнетъ — угнетенье!
Другой ему отвѣтитъ — да!
И общее то будетъ мнѣнье,
Всѣ покричатъ себѣ, потомъ
Такъ и останется на томъ.

Но вамъ признаться долженъ я,
Что мнѣ въ пути хотя не маломъ
Быть много времени нельзя.
Когда представленъ Генераломъ
Царю докладъ былъ про меня,
Чтобъ я не вышелъ либераломъ
Царь подписалъ: быть по сему,
Гулять шесть мѣсяцевъ ему.

Полгода! только! о другъ мой,
Какъ это мало! И за что же
Предѣлъ поставленъ мнѣ такой?
Что воли можетъ быть дороже?
Но благодарною душой
Я одаренъ тобой, мой Боже!
И потому на счетъ сего
Я не скажу ужъ ничего.

Поѣду. Что то будетъ тамъ?
Воскресну ли я къ жизни новой,
Всегда предаться новымъ снамъ
И новымъ мнѣніямъ готовый?
Иль странствуя по тѣмъ мѣстамъ,
Съ душой печальной и суровой
Останусь я, какъ здѣсь бывалъ,
Гдѣ столько скорбнаго встрѣчалъ.

На умъ приходятъ часто мнѣ
Мои младенческіе годы,
Село въ вечерней тишинѣ,
Въ саду свѣтящіяся воды
И жизнь въ какомъ то полуснѣ,
Въ кругу семьи, среди природы,
И въ этой сладостной тиши.
Порывы первые души.

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней
Вновь оживаютъ по немногу;
И грусть и радость тѣже въ ней,
И знаетъ тужъ она тревогу,
И также вновь тѣснится грудь,
И также хочется вздохнуть.

И вотъ теперь въ вечерній часъ
Заря блетститъ стезею длинной,
Я вспоминаю какъ у насъ
Давно обычай былъ старинной,
Предъ воскресеньемъ каждый разъ
Ходилъ къ намъ попъ сѣдой и чинной
И передъ образомъ святымъ
Молился съ причетомъ своимъ.

Старушка бабушка моя
На кресла оперши́сь стояла,
Молитву шопотомъ творя,
И четки все перебирала;
Въ дверяхъ, знакомая семья
Дворовыхъ лицъ, мольбѣ внимала,
И въ землю кланялись они,
Прося у Бога долги дни.

А блескъ вечерній по окнамъ
Межъ тѣмъ горѣлъ. Деревья сада
Стояли тихо. По холмамъ
Тянулась сельская ограда,
И расходилось по домамъ
Уныло медленное стадо.
По залѣ изъ кадила дымъ
Носился клубомъ голубымъ.

И все такою тишиной
Кругомъ дышало, только чтенье
Дьячковъ звучало, а съ душой
Дружилось тайное стремленье,
И смутно съ дѣтскою мечтой
Ужъ грусти тихой ощущенье
Я безсознательно сближалъ,
И все чего то такъ желалъ.

Къ чему все это вспомнилъ я?
Мой другъ, я самъ не знаю право;
Припадки это у меня
Меланхолическаго нрава,
Быть можетъ важность всю храня,
Вы улыбнетеся лукаво,
А можетъ быть мечтой своей
Забудетесь средь дѣтскихъ дней.

X.

Всходило утро. Небеса
Румянцемъ розовымъ сіяли,
Какъ первой юности краса;
Но улицы еще дремали
Съ домами бѣлыми. Роса
Кой гдѣ блистала. Люди спали,
И только бѣлый голубокъ
Кружился въ небѣ одинокъ.

Ворча сквозь зубъ попался мнѣ
Одинъ гуляка запоздалый,
Рукой цѣпляясь по стѣнѣ;
Да дворникъ, свечера усталый,
Съ глазами слипшими во снѣ,
Держа метлу рукою вялой,
Зѣвая громко во весь ротъ,
Стоялъ крестяся у воротъ.

Нева спокойною струей
Лилась въ теченіи лѣнивомъ,
И утро ярко надъ водой
Сверкало радужнымъ отливомъ;
Я въ лодку сѣлъ и слѣдъ за мной
Пошелъ въ волненіи игривомъ,
И брызги искрились кругомъ,
Взлетая звонко подъ весломъ.

Я выплылъ въ море, и оно
Безбрежно синее лежало,
Сіяньемъ дня озарено,
И тихо воды колыхало,
Спокойной думою полно,
И лодку медленно качало...
Но съ береговъ ко мнѣ въ тотъ мигъ
Звукъ ни единый не достигъ.

И было море все кругомъ...
Лишь у меня надъ головою,
Носился радужнымъ крыломъ
Жужжащій шмѣль, и той порою
Мы были только съ нимъ въ двоемъ
Затеряны надъ глубиною.
Волну, жужжаніе его
Я слышалъ, больше ничего.

И хорошо такъ было мнѣ,
И я забылъ про всѣ печали,
Безпечно ввѣряся волнѣ,
Терялись взоры въ синей дали,
Иль утопали въ глубинѣ,
Иль въ небѣ ясномъ исчезали
И чувствовалъ въ раздольи я
Лишь безконечность, да себя.

Я въ этотъ дивный свѣтлый часъ
Благословилъ Неву и море;
Душа покою предалась
На голубомъ его просторѣ,
И я въ столицу возвратясь,
Забылъ и ненависть и горе,
Ее безъ злобы увидалъ,
И въ этотъ разъ не проклиналъ.

XI.

Варшава

Такъ я отъ невскихъ береговъ,
Поѣхалъ мирно, рысью ровной;
Пять, шесть уѣздныхъ городовъ,
Еще попались мнѣ до Ковно,
Потомъ пошли корчмы жидовъ,
Клевы свиней вонючихъ словно;
Всѣхъ монополій вѣчный врагъ
Я подъ полой провезъ табакъ.

И вотъ я въ новой сторонѣ,
И вотъ ужъ я середь Варшавы;
Дома твердятъ о старинѣ,
По мраченъ городъ величавый,
Какъ витязь падшій на войнѣ.
Вездѣ сидитъ орелъ двуглавый,
Надъ жертвой крылья разпустивъ
И когти хищныя вонзивъ.

Мнѣ жалко жертву. Не легка
Ей тяжесть этой звѣрской длани!
И если трону Поляка
Когда нибудь я словомъ брани,
Пусть высохнетъ моя рука,
И пусть прильнетъ языкъ къ гортани;
Во мнѣ вражды народной нѣтъ,
Дай руку, бѣдный мой сосѣдъ!

Твои права подавлены,
Трофеи древніе отъяты
И дерзко прочь увезены;
Твоихъ царей, сады, палаты,
Сатрапамъ жалкимъ отданы,
Тебѣ не счесть твои утраты!..
Безсильный стонъ одинъ тебѣ
Остался въ горестной судьбѣ.

Нѣтъ я не врагъ тебѣ сосѣдъ!
Какъ ты и я люблю свободу
И далъ ей жертвовать обѣтъ.
Я пострадавшему народу
Теперь шлю братственный привѣтъ;
Твою жестокую невзгоду
Съ слезою вижу Польши сынъ,
Какъ человѣкъ и Славянинъ.

Віяся темной полосой
У ногъ Варшавы вьется Висла
И ропщетъ быстрою волной,
И этотъ ропотъ полный смысла,
Звучитъ мучительной тоской;
И туча черная нависла
Надъ городомъ, какъ мрачный сводъ
Надъ гробомъ. Спи мертвецъ народъ!

На берегу Полякъ сидитъ,
Полякъ задумчивъ. Головою
Склонясь кудрявой, въ даль глядитъ,
И взоръ безвыходной тоскою
Такъ полонъ. Блѣденъ цвѣтъ ланитъ.
Полякъ, Полякъ! Съ твоей страною
Что сталось бѣдный человѣкъ?
Что Польша? умерла на вѣкъ?

Такъ въ Вавилонѣ при рѣкахъ
Они печальные сидѣли
Съ молчаньемъ грустнымъ на устахъ
И пѣсни вольныя не пѣли,
Повѣся арфы на вѣтвяхъ,
И все о родинѣ скорбѣли,
И ждали—выведетъ пока
Изъ плѣна Божія рука.

—

Жди Польша молча, и повѣрь
Все это было въ Божьей волѣ;
Спроси поповъ своихъ теперь,
Они научатъ какъ въ неволѣ
Смиряться должно; рая дверь
Тебѣ покажутъ. Что же болѣ?
А въ жизни этой ты страдай,
Носи ярмо и умирай.

Все это видно надо такъ!
Несите крестъ съ благословеньемъ,
Любви достоинъ каждый врагъ,
Вооружайтеся терпѣньемъ;
Но къ Вислѣ не ходи Полякъ
Сидѣть съ печальнымъ размышленьемъ,
Вода заманчива—и въ ней
Легко укрыться отъ скорбей.

XII.

Есть близь Варшавы дивный садъ,
Каштановъ темная аллея
И тополей высокихъ рядъ
Къ нему ведутъ; тамъ зеленѣя
Сирени пахнутъ и шумятъ,
И роза юная краснѣя,
Въ тѣни листовъ цвѣтетъ пышна,
Душистой жизнію полна.

Лазенки! Мнѣ вы навсегда
Въ воспоминаньи сохранились,
Мы тамъ на берегу пруда
Съ весной другъ другу поклонились.
Свѣтла какъ зеркало вода
И къ ней деревья наклонились,
Фонтанъ журчитъ и межъ вѣтвей
Не умолкаетъ соловей.

Не знаетъ птичка нашихъ бѣдъ,
Для пѣсенъ ей вездѣ свобода;
Спокоенъ розы пышный цвѣтъ,
И отъ заката до восхода,
И до конца съ начала лѣтъ,
Себялюбивая природа
Блистаетъ дивною красой
Средь жизни вѣчно молодой.

И безъ участія глядитъ
Какъ мимо съ вѣчною тоскою,
Вѣнцомъ страдальческимъ покрытъ,
Дыша сердитою враждою,
Не выпуская мечь и щитъ,
Окровавленною стопою,
Идетъ угрюмъ изъ вѣка въ вѣкъ
Себялюбивый человѣкъ.

Въ саду стоитъ высокій домъ,
Король живалъ въ немъ для забавы;
Теперь живетъ враждебно въ немъ
Вождь подозрительный, лукавый,
Чужимъ поставленный царемъ,—
Но въ дни безславья, какъ въ дни славы,
Журчитъ фонтанъ и межъ вѣтвей
Не умолкаетъ соловей.

XIII.

Калишъ

Граница! Черезъ пол-часа
Я въ Шлезіи. И вотъ смущенье
Тѣснитъ мнѣ грудь. Поля, лѣса,
И запахъ розъ и птичекъ пѣнье,
И голубые небеса –
Чужое все! Еще мгновенье
И закричу невольно я;
Ужъ вотъ не Русская земля!

Какъ это чувство странно, другъ!
Конечно разницы ни малой
Нѣтъ въ двухъ шагахъ; но какъ то вдругъ
Я отдохнулъ душой усталой,
Какъ будто цѣпь свалилась съ рукъ,
И такъ легко, легко мнѣ стало,
И съ вѣрой я на жизнь взглянулъ,
И вольно, широко вздохнулъ!

Въ столицѣ Сѣвера, потомъ
Въ столицѣ Польши, я душою
Былъ просто мученикъ. Огнемъ
Мнѣ сердце жгло; ужъ не хандрою,
То что меня томило днемъ
И ночью мучило тоскою,
Я назову—а было, другъ,
Отчаянье мой злой недугъ.

Ужъ въ будущность страны моей
Никакъ не могъ я вѣрить болѣ,
И думалъ, видно вѣчно ей
Судилъ Господь страдать въ неволѣ...
И начиналъ я видѣть въ ней
Одно заброшенное поле,
Безплодную глухую степь,
И жизнь звучала мнѣ какъ цѣпь.

Но другъ, едва ли я былъ правъ.
Когда бъ съ холоднымъ разсужденьемъ,
Всѣ вещи строго разобравъ,
На все я могъ взглянуть съ терпѣньемъ—
Не тобъ нашелъ. Но слабый нравъ
Увлекся внутреннимъ мученьемъ,
И какъ разтоптанный цвѣтокъ
Я только грустно вянуть могъ.

Что жъ съ жизнью сладитъ ли мой умъ
И заживетъ ли сердца рана,
Когда предстанутъ мнѣ—средь думъ
Германія? Средь океана
Смышленный Лондонъ? Вѣчный шумъ
Парижа? Снѣжный верхъ Мон-Блана
И съ небомъ вѣчно голубымъ
Надъ старымъ Тибромъ старый Римъ?

Не знаю! вѣрю! но темно
Грядущее передъ очами;
Богъ вѣсть что мнѣ сулитъ оно!
Стою со страхомъ предъ дверями
Европы. Сердце такъ полно
Надеждой, смутными мечтами—
Но я въ сомнѣніи другъ мой,
Качаю грустно головой.

И вотъ я вспомнилъ какъ подъ часъ
Мы съ вами вечеромъ сидѣли
Передъ каминомъ, и у насъ
Подъ вопль пронзительной мятели,
Бесѣда мирная велась.
Признаться вамъ, часы летѣли
И даже дѣло къ утру шло
А было на сердце свѣтло.

Я стану вѣрить. Много есть
Чудесныхъ въ жизни сей мгновеній
И еслибъ намъ и — перечесть!
Вотъ хоть теперь ночныя тѣни
Изчезли; радостную вѣсть
Съ залогомъ новыхъ наслажденій
Несетъ мнѣ радужный востокъ.
Свѣтя на бѣдный городокъ.

Addio! Мнѣ пора, другъ мой!
Длинна, длинна моя дорога!
Съ слезою я, мой край родной,
Стою у твоего порога.
Да будетъ свято надъ тобой
Во вѣкъ благословенье Бога!
Гляжу полу-печально въ даль,
И право—какъ мнѣ всѣхъ васъ жаль!

ИЗБА.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечеръ зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь

И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ:
Все въ избушкѣ бѣдной
Тишиной томитъ.

Лишь звучитъ докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

—

НЕАПОЛЬ.

1.

Въ часъ полуденный, на склонѣ
Раскаленныхъ береговъ,
Дремлетъ смуглый lazzarone,
Врагъ заботы и трудовъ.
Въ шапкѣ красной на бекрени,
Грудь широко распахнувъ,
И отъ зноя, и отъ лѣни
Разметался онъ, заснувъ;
Брови черныя нависли,
Пышетъ жаръ отъ желтыхъ щекъ,
Руки жилистыя свисли
На разсыпчатый песокъ.
Нищъ и босъ, и грёзъ не зная,
Вѣкъ безпеченъ онъ лежитъ,
И надъ соннымъ пролетая
Чайка сѣрая кричитъ.
Съ неба лучь палитъ и блещетъ,
И, на скатъ береговой
Набѣгая, море плещетъ

Вѣчно-шумною волной.
Strada nuova, садъ и Chiaia,
И Везувій, думы полнъ—
Растянулись, облегая
Ширь серебрянную волнъ.
Съ лона водъ въ нѣмомъ покоѣ
Капри синій тихо всталъ...
Ясно небо голубое,
Жарокъ воздухъ, звученъ валъ:
Хорошо, мой lazzarone,
Спать, не вѣдая трудовъ,
Въ зной полуденный на склонѣ
Итальянскихъ береговъ!

2.

За утесами Puzziole
Солнце клонится свѣтло
И лучи свои оттолѣ
Въ небѣ синемъ разнесло.
Западъ красный жарко пышетъ,
Чистъ широкій небосклонъ,
Теплый воздухъ робко дышетъ,
Пахнетъ роза и лимонъ.
Въ блескѣ позднемъ длинной лентой—
Сквозь туманъ прозрачный—мнѣ
Виденъ берегъ, гдѣ Сорренто
Дремлетъ въ свѣтлой тишинѣ.

По лиловому играетъ
Морю золото лучей,
Море тихо гладь вздымаетъ
Переливчатыхъ зыбей.
Взоры тонутъ въ отдаленьи,
Внемлетъ слухъ волнѣ морской
И послѣднему движенью
Опустѣлой мостовой.
Челнъ качается лѣниво
У прибережья забытъ,
Вечеръ пышный молчаливо
Въ небѣ гаснетъ и горитъ.

3.

Середь улицы Толедо—
Не для драки или ссоръ,
Не для дружеской бесѣды,
Не на грозный приговоръ—
Собралась, полна вниманья,
Любопытная толпа,
Но стеклася на вѣщанье
Черноризаго попа.
Lazzarone босоногой
И зѣвакъ прохожихъ рядъ,
И старуха и убогой,
Дѣти, женщины, солдатъ—
Взоръ недвиженъ, рты раскрыты,—
Всѣ уставились кругомъ

И глядятъ на Іезуита
Въ ожиданіи нѣмомъ.
Изъ-подъ черной длинной шляпы
Школъ духовныхъ учениковъ,
Вѣрный рабъ святаго папы,
Кажетъ блѣдно-смуглый ликъ.
Въ вдохновеньи заученомъ
Онъ, бѣснуясь предъ толпой,
Машетъ съ жестомъ затверженнымъ
Угрожающей рукой:
"Jesus Christus! Dio Santo!
Гадокъ нашъ подлунный міръ;
Слово полное таланта
Разобьетъ людской кумиръ.
Люди! вами путь спасенья
Средь земныхъ утѣхъ забытъ;
Въ жизни вѣчной вамъ мученье
Церковь кроткая сулитъ!
Духъ упалъ среди разврата,
Гнѣвенъ Богъ на небесахъ!"...
И латинская цитата
На толпу наводитъ страхъ.
Но я видѣлъ—это вѣрно—
Итальянкѣ молодой,
Іезуитъ мой лицемѣрный,
Бросилъ взоръ ты огневой,
И незнаю, послѣ рѣчи,
Какъ, куда, святой отецъ,
Для какой нежданной встрѣчи,
Забредешь ты наконецъ...

4.

Въ мглѣ вечерней дремлетъ Chiaia,
И расходится народъ;
Итальянка молодая
Одинокая идетъ.
Станъ роскошный стройно-тонокъ,
Грудь высокая пышна;
А давно-ль была ребенокъ
Беззаботная она?
Нынче-жъ страсть во взорахъ яркихъ,
Щеки смуглыя горятъ,
И уста лобзаній жаркихъ,
Можетъ-быть, уже хотятъ:
Ужъ не спросту завитъ смѣло
Локонъ черный по вискамъ,
И съ косы платочекъ бѣлый
Спущенъ въ складкахъ по плечамъ;
Платьемъ длиннымъ чуть прикрыта
Пара маленькая ногъ,
И легко стучитъ о плиты
Деревянный башмачокъ.
Вотъ она, стопой смущенной,
Робко входитъ въ Божій храмъ;
Помолилась предъ Мадонной,
Поклонилась образамъ,
Тихо стала у рѣшетки,
За которой въ мглѣ сидитъ,
Разбирая молча четки,
Престарѣлый кармелитъ.

"Padre mio! я не знаю
Прегрѣшенья за собой,
Но я стражду и сгараю
Безотходною тоской.
Кровь какъ пламень льется въ тѣлѣ,
День несносенъ, ночь длинна—
Я не знаю на постелѣ
Освѣжающаго сна.
Сердце проситъ все чего-то,
И о чемъ-то я грущу,
И во тмѣ ночной кого-то
Тщетно страстно я ищу!"
— Часто-ль ты творишь молитву?—
"Я молюсь, отецъ святой!"
— Зналъ, дитя, я эту битву;
Тожъ я молодъ былъ, другъ мой,
Также кровь огнемъ горѣла,
Я ловилъ мечту и тѣнь,
И покоя не имѣла
Грудь моя ни ночь, ни день.
Но я сталъ поститься строго,
И постриженъ и разутъ,
Отдалъ я на службу Бога
Каждый мигъ и каждый трудъ.—
"Чтожъ мнѣ дѣлать?" — Сдѣлай то-же:
Монастырь пріютъ святой;
Да пошлетъ тебѣ въ немъ Боже
Силу, святость и покой! —
Старъ ты сталъ, служитель Бога,
Смутно помнишь вѣкъ былой!...

Но предъ дѣвой у порога
Итальянецъ молодой.
Оба вздрогнули и стали —
Ужъ скорѣй бы ей бѣжать!
Вѣдь о нѣй теперь едва-ли
Не встревожилася мать...
Тьмою улицы покрыты—
Слышенъ шагъ двухъ крѣпкихъ ногъ.
И за нимъ стучитъ о плиты
Деревянный башмачокъ.

5.

Надъ Везувіемъ восходитъ,
И спокойна и пышна,
И на море блескъ наводитъ
Лучезарная луна.
По лазури неба темной
Звѣзды ярко зажжены,
Тихо дышетъ въ нѣгѣ томной
Ночь полуденной страны.
Тихъ Везувій. Груды лавы
Вкругъ себя онъ набросалъ
И, дымяся величаво,
Середь ночи задремалъ.
Я смотрю съ Villa reale
Вдаль по искристымъ водамъ:
Тѣни легкой дымкой пали

По далекимъ берегамъ;
Море, въ сладкомъ усыпленьи,
Звучно зыблетъ лоно водъ,
И въ туманномъ отдаленьи
Смутно Капри предстаетъ;
Въ думѣ мрачной и суровой,
Какъ преступникъ въ часъ ночной,
Одинокъ Castel del ovo
Омываемый волной.
Спитъ Неаполь, нѣгой свѣта
Лунной ночи озаренъ;
Я гляжу — и мнѣ все это
Предстаетъ, какъ пышный сонъ.

—

GASTHAUS ZUR STADT ROM.

Луна печально мнѣ въ окно
Сквозь сѣрыхъ тучь едва сіяла;
Ужъ было въ городѣ темно,
Пустая улица молчала,
Какъ будто вымерли давно
Всѣ люди...Церковь лишь стояла
Въ срединѣ площади одна
Столѣтней жизнію полна.

Свѣча горѣла предо мной;
Исполненъ внутреннимъ страданьемъ,
Безъ сна сидѣлъ я въ часъ ночной,
Сидѣлъ, томимъ воспоминаньемъ
И безпредметною тоской,
И безотчетливымъ желаньемъ, —
И сердце ныло, а слеза
Не выступала на глаза.

Но вотъ коснулись до меня
Изъ комнаты сосѣдней звуки :
Какъ вихрь, по клавишамъ звеня,
Тревожно пронеслися руки ;
Потомъ аккорды слышалъ я,
И женскій голосъ, полный муки,
Любви тоскующей души,
Мнѣ зазвучалъ въ ночной тиши.

Qual cuor tradesti ! Кто же могъ
Встревожить женщину обманомъ?
Кто душу свѣтлую облекъ
Тоски безвыходной туманомъ?
Любовь проснулась на упрекъ
И совѣсть встала великаномъ,
Но слишкомъ поздно онъ узналъ
Какое сердце разорвалъ.

Любовь проходитъ, и темно
Становится въ душѣ безродной ;
Былое будишь—спитъ оно,
Какъ вялый трупъ въ землѣ холодной,
И сожалѣнье намъ одно
Дано съ небесъ, какъ даръ безплодный...
Но смолкла пѣснь ; они потомъ
Иную пѣснь поютъ вдвоемъ.

И въ этой пѣсни дышетъ вновь
Души невольной умиленье,
И сердца юнаго любовь,
И сердца юнаго стремленье;
Не бурно въ жилахъ бьется кровь,
Но только тихое томленье
Отъ полноты вздымаетъ грудь
И сладко хочется вздохнуть.

Я имъ внимаю въ тишинѣ —
Они поютъ, а сердцу больно;
Они поютъ мнѣ о веснѣ,
Какъ птички въ небѣ—звучно, вольно,
И хорошо ихъ слушать мнѣ,
А всежъ страдаю я невольно;
Ихъ пѣснь свѣтла, въ ней вѣра есть—
Мнѣ сердца ранъ не перечесть.

Они счастливы, Боже мой!
Кто вы, мои пѣвцы — не знаю,
Но съ наслажденьемъ и тоской
Я, странникъ грустный, вамъ внимаю.
Блаженствуйте! я со слезой
Васъ въ тишинѣ благословляю.
Любите вѣчно! жизнь въ любви
Блаженный сонъ, друзья мои.

Живите мало. Странно вамъ?
Ромео умеръ, съ нимъ Джульета—
Шекспиръ зналъ жизнь какъ Богъ,—мы снамъ
Роскошно вѣримъ въ юны лѣта,
Но сухость жизнь наводитъ намъ...
Да мимо идетъ чаша эта,
Гдѣ сожалѣнье и тоска
И грустный холодъ старика!

Блаженны тѣ, что въ утрѣ дней
Въ послѣднемъ замерли лобзаньѣ,
Въ тѣни развѣсистыхъ вѣтвей,
Подъ вечеръ майской, при журчаньѣ
Бѣгущихъ водъ, — и соловей
Имъ пѣлъ надгробное рыданье,
А воронъ тронуть ихъ не смѣлъ
И робко мимо пролетѣлъ.

—

ХАРАКТЕРЪ.

Ребенкомъ онъ упрямъ былъ и рѣзовъ,
И гордо такъ его смотрѣли глазки ;
Лишь матери его смиряли ласки,
Но не внималъ онъ звуку грозныхъ словъ.
Про витязей безстрашныхъ слушать сказки
Любилъ въ тиши онъ зимнихъ вечеровъ,
Любилъ безбрежіе степи раздольной,
Слѣдилъ полетъ далекій птицы вольной.

Провелъ онъ буйно юные года :
Его вездѣ пустымъ повѣсой звали,
Но жажды дѣлъ они въ немъ не узнали,
Да воли сильной, въ мірѣ никогда
Нростора не имѣвшей...Дни бѣжали,
Жизнь тратилась безъ цѣли, безъ труда;
Кипѣла кровь безплодно...Онъ былъ молодъ,
А въ душу сталъ закрадываться холодъ.

Влюбленъ онъ былъ и разлюбилъ; потомъ
Любилъ, бросалъ, но—слабыхъ душъ мученья—
Не зналъ раскаянья и сожалѣнья.
Онъ рано посѣдѣлъ. Въ лицѣ худомъ
Явилась блѣдность. Дерзкое презрѣнье
Одно осталось въ взорѣ огневомъ,
И рѣчь его, сквозь устъ едва раскрытыхъ,
Была полна насмѣшекъ ядовитыхъ.

—

ДИЛИЖАНСЪ.

Ужъ смерклося почти, когда мы сѣли,
И различить моихъ сосѣдей я
Совсѣмъ не могъ. Они еще шумѣли,
Бесѣдою несносною меня
Терзали. Всѣ мнѣ такъ ужасно были
Противны. Трескъ колесъ и глупый звукъ
Бича мнѣ слухъ докучливо томили.
Печально въ уголъ я прилегъ. Но вдругъ
Изъ хижинъ къ намъ на мигъ блеснули свѣчи,
Я женщину увидѣлъ близь меня:
Мантильей черной покрывая плечи,
Она сидѣла, голову склоня;
Глаза ея горѣли грустью томной,
И блѣденъ былъ печальный ликъ ея,
И изъ - подъ шляпки вился локонъ тёмный...
Какое сходство, Боже! Грудь моя
Стѣснилась, холодъ обдалъ тайный...
Опять оно, видѣнье давнихъ дней
Передо мной воскресло такъ случайно!

И я съ нея не могъ свести очей ;
Сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный,
Тревожно жизнь мою я повторялъ,
И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взиралъ,
И я любилъ такъ полно и глубоко —
О, какъ же я былъ счастливъ въ этотъ разъ !
И я желалъ, чтобъ намъ еще далеко,
Далеко было ѣхать ; чтобы насъ
Безъ отдыха везла, везла карета,
И не имѣлъ бы этотъ путь конца,
И лучшія я пережилъ бы лѣта,
Смотря на очеркъ этого лица !

—

СОСѢДКѢ.

Въ деревнѣ, въ мирномъ уголкѣ,
Я помню, въ дѣтствѣ мы играли
Въ саду весною на пескѣ,
По вечерамъ осеннимъ — въ залѣ.
Меня въ столицу увезли;
Я выросъ — вы большія тоже,
Но вы въ деревнѣ расцвѣли
На блѣдный цвѣтъ полей похоже.
Я не забочусь о себѣ —
Нѣтъ нужды, что бъ со мной ни сталось;
Но въ вашей будущей судьбѣ
Прочесть страницу бы желалось.
Что? влюблены вы, или нѣтъ?
Мечтаете-ли ночью звѣздной?
Иль безъ любви, не зная свѣтъ,
Взросли вы барышней уѣздной,
И просто надо наконецъ
Вамъ замужъ — и безъ нѣжной страсти
Вы побредете подъ вѣнецъ,
Покорны папенькиной власти?
Гадали - ль вы про жениховъ?

Ктожъ вышелъ? Тотъ-ли сердцу близкій,
Или сосѣдъ, что любитъ псовъ,
Плечами дюжій, ростомъ низкій?
Да въ нашей грустной сторонѣ —
Скажите — чтожъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ,
А мужу съ псами ѣздить въ поле!

—

Стучу—мнѣ двери отперъ ключникъ старый,
Я зналъ, что нѣтъ хозяйки, что давно
Она уже уѣхала далеко
И странствуетъ теперь подъ небомъ чуждымъ;
Но мнѣ на домъ хотѣлось посмотрѣть.
Какъ все знакомо! Зала длинная,
Гдѣ позднимъ вечеромъ, при слабомъ свѣтѣ,
Какія - то таинственныя тѣни
Уныло бродятъ; кабинетъ безмолвный,
Гдѣ часто мы вдвоемъ сидѣли близко...
Я, молча, темнымъ локономъ игралъ,
Иль говорилъ, что было на душѣ,
А на душѣ тогда такъ было полно!
И все на томъ же мѣстѣ, какъ и было:
Диванъ въ углу, передъ каминомъ кресло,
Цвѣты на окнахъ, на стѣнахъ портреты,
А на столѣ развернутая книга.
Я взялъ и пыль съ нея обтеръ рукой,
Скамейку шитую толкнулъ къ дивану
И у окна гардину бѣлую
Расправилъ. Солнце зимнее свѣтило
Печально...Уходя, спросилъ я: есть-ли
Оттуда письма. — Нѣтъ-съ, не получаемъ.—
Она меня теперь забыла вѣрно;
А я? — и у меня любви нѣтъ въ сердцѣ,
Одно воспоминанье!

—

ДОРОГА.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь тумана
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную.

—

На Сѣверѣ туманномъ и печальномъ
Стремлюся я къ роскошнымъ берегамъ
Иной страны — она на югѣ дальнемъ.
Лечу чрезъ степь къ знакомымъ мнѣ горамъ—
На нихъ заря блеститъ лучемъ прощальнымъ;
Я далѣ къ югу — наконецъ я тамъ,
И, нѣжась, взоръ гуляетъ на просторѣ,
И Средиземное шумитъ и плещетъ море.

Италія! опять твой полдень жаркій,
Опять твой темно - синій небосклонъ,
И ропотъ волнъ немолчный, блескъ ихъ яркій,
При лунной ночи пахнущій лимонъ,
Рыбакъ на морѣ тихомъ съ утлой баркой,
И черный локонъ смуглолицыхъ женъ.
И все тамъ страсть, да пѣсни, да картины,
Да Рима стараго роскошныя руины.

Въ Италіи брожу и вновь тоскую:
Мнѣ хочется опять къ моимъ снѣгамъ,
Послушать пѣсню грустную, родную,
Летѣть на тройкѣ вихремъ по степямъ,
Съ друзьями выпить чашу круговую
Да поболтать по длиннымъ вечерамъ,
Увидѣть взоръ спокойный, русый локонъ,
Да небо сѣрое сквозь полумерзлыхъ оконъ.

—

AURORA-WALZER.

Въ моей глуши однообразной,
Съ незримыхъ струнъ легко звѣня,
Напѣвъ знакомый безотвязно
Весь день преслѣдуетъ меня.

Не будитъ онъ въ воспоминаньи
Ни томный блескъ лазурныхъ глазъ,
Ни часъ блаженнаго свиданья,
Или разлуки скорбный часъ.

Подъ звукъ его, главой усталой
Склоняся, сновъ я не видалъ,
И, мчась безумно въ вихрѣ бала,
Я ручки бѣленькой не жалъ;

Но страннымъ полонъ онъ томленьемъ,
Но имъ душа увлечена,
И въ даль съ мучительнымъ стремленьемъ
За нимъ уносится она.

—

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.
Шло время — ласки были рѣже
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣже
Желанья съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ просило вновь,
И новыхъ ласкъ и вдохновеній,
Просило новую любовь.
Пришла пора — прошло желанье
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

—

ВЕСНА.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится и дремлетъ.
Люблю я этотъ переходъ: живёшъ
Какъ на канунѣ праздника, и ждешъ
Какъ колоколъ пробудитъ гулъ далекой,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая—и крикъ
И пѣсни не умолкнутъ ни на мигъ.
И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется,
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щебеча, принесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ давно...Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ сторонѣ-ль прекрасной побывала,
Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,

Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...

И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ и будетъ шуменъ лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоетъ.

И я пойду на берегъ одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью пѣснь услышу издалёка,
И время вспомню я другой весны...
Наполнитъ душу смутное томленье
И встанутъ вновь забытыя видѣнья.

—

Еще любви безумно сердце проситъ,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уноситъ,
Не губитъ свѣтъ мертвящей суетой;
Безумно сердце проситъ женской ласки
И чудная мечта нашептываетъ сказки.

Но тщетно все!...отвѣта нѣтъ желанью;
Въ испугѣ мысль опять назадъ бѣжитъ
И бродитъ трепетно въ воспоминаньи...
Но прошлаго ничто не воскреситъ!
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ
И память только онъ гнететъ или тревожитъ.

И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась:
Хозяинъ умеръ — пусто и темно;
Лепечетъ попъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лицы.

—

Къ подъѣзду!—Сильно за звонокъ рванулъ я—
Что, дома?—Быстро я взбѣжалъ на верхъ.
Уже ее я не видалъ лѣтъ десять;
Какъ хороша она была тогда!
Вхожу. Но въ комнатѣ все дышетъ скукой.
И плющъ завялъ, и сторы спущены.
Вотъ у окна, безмолвно за газетой,
Сидитъ какой-то толстый господинъ.
Мы поклонились. Это мужъ. Какъ дуренъ!
Широкое и глупое лицо.
Въ углу сидитъ на креслахъ длинныхъ кто-то,
Въ подушки утонувъ. Смотрю—не вѣрю!
Она—вотъ эта тѣнь полуживая?
А есть еще прекрасныя черты!
Она мнѣ тихо машетъ: "подойдите!
Садитесь! рада я вамъ, старый другъ!"
Рука какъ желтый воскъ, чуть внятенъ голосъ,
Взоръ мутенъ. Сердце сжалось у меня.
"Меня теперь вы вѣрно не узнали...
Да—я больна; но это все пройдетъ:
Весной поѣду непремѣнно въ Ниццу".

Что отвѣчать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули къ глазамъ отъ сердца,
А слово такъ и мретъ на языкѣ.
Мужъ улыбнулся, что я такъ неловокъ.
Какую-то я пошлость ей сказалъ
И вышелъ. Трудно было оставаться—
Поѣхалъ. Мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо,
И небо было тускло...

—

Въ пирахъ безумно молодость проходитъ;
Стакановъ звонъ да шутки, смѣхъ да крикъ
Не умолкаютъ. А межъ тѣмъ не сходитъ
Съ души тоска ни на единый мигъ;
Межъ тѣмъ и жизнь идетъ и тяготѣетъ
Надъ ней судьба и страшной тайной вѣетъ.
Мнѣ пиръ наскучилъ — онъ не шлетъ забвенья
Душевной скорби; судорожный смѣхъ
Не заглушаетъ тайнаго мученья!...

—

ИСПОВѢДЬ.

Мой другъ, тебѣ хотѣлъ бы я
Сказать, что душу мучитъ;
Я знаю, исповѣдь моя
Тебѣ вѣдь не наскучитъ.
Да только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ я вспыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну.
А все бы я сказалъ тебѣ:
Люблю иль ненавижу,
Какъ я не вѣрую судьбѣ,
Какъ мало въ жизни вижу;
Да стыдно жаловаться мнѣ,
А въ томъ, что какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ,
Мнѣ высказаться трудно.

Домой я воротился очень поздно;
Съ друзьями я весь день пропировалъ,
А не было мнѣ весело нисколько:
Тоска мнѣ тяжко угнетала душу.
Я воротился — ночь была безгласна
И обдавала черной тьмой меня
Враждебно, такъ что было страшно.
Одна свѣча горѣла предо мной—
Единый другъ среди пустынной ночи,
Единый другъ, но безотрадный!...

—

По тряской мостовой я ѣхалъ молча,
Усталый отъ дневныхъ заботъ и шума.
Мнѣ день, утраченный въ пустомъ чаду,
Холоднымъ падалъ на душу упрекомъ,
И ночь мнѣ не была отрадна...
На мѣсяцъ блѣдный облако нашло —
Онъ сквозь него просвѣчивалъ печально;
Пустыя улицы безмолвны были,
И только песъ съ досадою въ просонкахъ
На встрѣчу мнѣ сквозь зубы проворчалъ;
При поворотѣ бѣлый домъ угрюмо
Рядъ оконъ темныхъ на меня уставилъ.
Знакомый домъ!... Но вотъ свѣча блеснула
И въ комнатахъ задвигалася тихо...
Я встрепенулся. Сердце билось сильно—
Я видѣлъ платье бѣлое
И чей-то медленно идущій образъ.
Свѣча исчезла — я проѣхалъ мимо,
И тяжело мнѣ было на душѣ.

—

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой
И съ упряжью печальной дроги—
А мнѣ не льзя свернуть съ дороги,—
Мнѣ мысль о смерти тяжела.
Не то, чтобъ жизнь была мила ;
Жить скучно — горе да сомнѣнье,
Бѣда извнѣ, внутри мученье, —
Да вотъ, когда воображу,
Что мертвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой;
Да и засыпали землей —
Душѣ обидно такъ и больно
И тѣло дрожь беретъ невольно.

—

НА МОРѢ.

Бутылка выпита до дна—
Ее я брошу въ море,
И долго будетъ плыть она
Съ волной въ безсильномъ спорѣ.
А можетъ быть, когда нибудь
Попутный валъ повалитъ,
Она, свершая дальній путь,
Къ роднымъ брегамъ причалитъ;
Къ ней склонится знакомый ликъ
И взоръ знакомый взглянетъ,
И сердце близкое въ тотъ мигъ
О странникѣ вспомянетъ.

—

LIVORNO.

Подъѣзжая подъ Livorno,
Видѣлъ я какъ Аппенины
Цѣпью длинной и узорной
Растянулись вкругъ равнины.

Выѣзжая изъ Livorno,
Съ сигаретами въ карманѣ,
Былъ обысканъ я позорно
На предательской доганѣ.

Экой дьяволъ ты проворной!
Экой ты мошенникъ скверный,
Возлѣ города Livorno
Надзиратель доганьерный!

—

НОЧЬ.

Когда во тмѣ ночной, въ мучительной тиши
Мои глаза дремотой не сомкнуты —
Я въ безотвязчивомъ томленіи души
Переживаю трудныя минуты.
Все лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
Передо мной проносятся какъ тѣни ;
Но чувства прежняго во мнѣ ужъ больше нѣтъ :
Я холодно гляжу на рядъ видѣній.
Напрасно силюсь я будить въ душѣ моей,
Что жило въ ней такъ сладко иль тревожно;
Любовь, страданіе, блаженство прежнихъ дней
Мнѣ кажется или смѣшно, иль ложно.
И мнѣ грядущее замѣны не сулитъ ;
Вся жизнь пройдетъ несносною ошибкой,
И слезы горькія, текущія съ ланитъ,
Уста глотаютъ съ горькою улыбкой.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Ночная тма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

—

СТАНСЫ.

(Изъ Байрона)

Ни одна не станетъ въ спорѣ
Красота съ тобой,
И какъ музыка на морѣ
Сладокъ голосъ твой.
Море шумное смирилось —
Будто звукамъ покорилось,
Тихо лоно водъ блеститъ,
Убаюканъ вѣтеръ спитъ.

На морскомъ дрожитъ просторѣ
Лучь луны блестя,
Тихо грудь вздымаетъ море,
Какъ во снѣ дитя.
Такъ душа, полна вниманья,
Предъ тобой въ очарованьи —
Тихо все, но полно въ ней,
Будто лѣтомъ зыбь морей.

—

У МОРЯ.

(Изъ Гейне)

Надъ моремъ позднею порой
Еще лучи блестѣли,
А мы близъ хижины съ тобой
Въ безмолвіи сидѣли.
Туманъ вставалъ, росла волна
И чайка пролетала,
А у тебя, любви полна,
Изъ глазъ слеза упала.
Катилась по рукѣ твоей—
И на колѣни палъ я,
И медленно съ руки твоей
Твою слезу спивалъ я.
Съ тѣхъ поръ сгараю тѣломъ я,
Душа въ тоскѣ изныла —
Ахъ, эта женщина меня
Слезою отравила!

—

ХАНДРА.

Бываютъ дни, когда душа пуста;
Ни мыслей нѣтъ, ни чувствъ, молчатъ уста,
Равно печаль и радости постылы,
И въ тѣлѣ лѣнь, и двигаться нѣтъ силы.
Напрасно ищемъ чѣмъ бы умъ занять—
Противно видѣть, слышать, понимать,
И только безконечно давитъ скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бѣжать? чѣмъ облегчить бы грудь?
Вотъ ночи ждешъ—въ постель! скорѣй заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сонъ нейдетъ, а тма томитъ докучно!

—

Я наконецъ оставилъ городъ шумный,
Изъ душныхъ стѣнъ я вырвался на мигъ;
За мною смолкнулъ улицъ трескъ безумный
И въ далекѣ докучный говоръ стихъ,
И вотъ поля равниною безбрежной
Въ вечернемъ блескѣ дремлятъ безмятежно.

Люблю я васъ, вечерніе отливы
И съ далью неба слитый край земли,
Цвѣтокъ лазурный между желтой нивы
И птички пѣсню звонкую вдали.
О, какъ давно уже въ тиши раздольной
Я не дышалъ безпечно и привольно!

Мнѣ хорошо... по отчегожъ такъ грустно?
Душа мягка и вмѣстѣ больно ей,
И сельскій бытъ невинный, безъискусный
Меня томитъ, какъ память дѣтскихъ дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскуетъ грудь въ тяжеломъ умиленьи.

О, по душѣ прошло съ тѣхъ поръ такъ много—
Гнетъ истины, ошибокъ суета,
Порокъ, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Разсудка власть и грозная работа
И мелкой жизни мелкая забота.

Поля, поля! вашъ миръ меня объемлетъ,
Но кроткихъ чувствъ онъ не приноситъ мнѣ;
Какъ прежде сердце въ тихомъ снѣ не дремлетъ...
Вы мнѣ теперь, въ вечерней тишинѣ,
Растроганность болѣзненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

—

КЪ

Разстались мы—то можетъ нужно,
То можетъ должно было намъ —
Ужъ мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни по-поламъ;
И можетъ, врознь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они, какъ ядъ.
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно въ многомъ виноватъ;
Но было время—вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливъ могъ,
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!
Но замеръ онъ среди печали;
И кто изъ пасъ виновенъ въ томъ
Какое дѣло—ты-ли, я-ли—
Его назадъ мы не вернемъ.

Еще слезу зоветъ съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль, какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрыта книга— наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ;
Я не далъ только-бъ имъ забвенья,
А горечь радостно-бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ... дай руку!
Прощай! Не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблужденія тревогъ...
Ирощай! на жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ.

—

МОНОЛОГИ.

I.

И ночь и мракъ! Какъ все томительно-пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучь свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно.
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима какъ сама судьба.
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня на вѣкъ въ броженье вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тмою назвала.
Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,

Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться,
И видѣть вкругъ безсиліе людей,
И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться,
А правду высказать еще труднѣй.
Предъ истиной нагой исчезъ и призракъ бога,
И гордость личная и сны любви,
И впереди лежитъ пустынная дорога,
Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

II.

Скорѣй, скорѣй топи средь дикихъ волнъ разврата
И мысль и сердце, ношу чувствъ и думъ;
Насмѣйся надо всѣмъ, что такъ казалось свято
И смѣло жизнь растрать на пиръ и шумъ!
Сюда, сюда бокалъ съ играющею влагой!
Сюда Вакханка! слухъ мнѣ очаруй
Ты пѣсней полною разгульною отвагой!
На—золото, продай мнѣ поцалуй...
Вино кипитъ во мнѣ и жжетъ меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишкомъ хороша!...
За чѣмъ опять въ груди проснулося страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешъ вновь?
Твоихъ томящихъ ласкъ постыдное искуство
Ужель во мнѣ встревожило любовь?
Любовь, любовь!... о нѣтъ, я только сожалѣнье,

Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...
Поди, ты мнѣ гадка! я чувствую презрѣнье
Къ тебѣ, продажной, купленной рабѣ!
Ты плачешь? Нѣтъ, не плачь. Какъ? Я тебя обидѣлъ?
Прости, прости мнѣ—это наръ вина;
Когдабъ я не любилъ, вѣдь я бъ не ненавидѣлъ.
Постой, душа къ тебѣ привлечена—
Ты болѣ съ устъ моихъ не будешъ знать укора.
Забудь всю жизнь прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мнѣ прекрасной головой,—
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебѣ навѣю сны,
Ее вновь оживитъ любви моей дыханье,
Какъ бабочку дыханіе весны.
Чтожъ ты молчишъ, дитя, и смотришъ въ удивленьи,
А я не пью мой налитой бокалъ?
Проклятіе! опять ненужное мученье
Внутри души я гдѣ-то отыскалъ!
Но на плечо ко мнѣ она, склоняся, дремлетъ
И что во мнѣ—ей непонятно то;
Недвижно я гляжу какъ сонъ ей грудь подъемлетъ
И глупо трачу сердце за ничто!

III.

Чего хочу?...чего?...О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,

Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять за разъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется что жить — отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленіи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!...чего?...О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

IV.

Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
И съ жадностью внимаю и молчу;
Пусть длиненъ знанья путь, но духъ мой крѣпокъ волей,
Не страшенъ трудъ — я вѣрю и хочу.
Вокругъ все юноши: учительское слово,
Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши;
Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново,
Въ нихъ судитъ пылъ неопытной души.
Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
Сомнѣніемъ испытанный боецъ,
Но не убитый имъ...Я съ призраками смѣло
И искренно расчелся наконецъ;
Я отстоялъ себя отъ внутренной тревоги,
Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь
И не собьюсь теперь съ расчитанной дороги—
Свободна мысль и силой дышетъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья;
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить—отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть его къ тому, что рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.

РАЗГОВОРЪ.

(Изъ Мицкевича)

Мой другъ, для насъ что могутъ разговоры значить?
Что я такъ чувствую — къ чему мнѣ говорить?
Когда нельзя всю душу въ душу перелить
Къ чему въ словахъ ее дробить и тратить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь
Слова уже остынутъ, съ устъ моихъ сдыхаясь.

Люблю, люблю тебя! сто разъ я повторяю:
Ты сердишся и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совсѣмъ не знаю
Ни высказать, ни выразить, ни въ пѣснь излить,
И будто въ летаргіи не имѣю силу
Иной дать признакъ жизни какъ сойти въ могилу.

Мой другъ, уста скучаютъ тщетнымъ изліяньемъ,
А я хочу мои уста съ твоими слить,
Хочу съ тобой біеньемъ сердца говорить,
Да вздохомъ только, да лобзаньемъ,
И такъ проговорю часы и дни и лѣта,
И до скончанія и по скончаньи свѣта.

Бываю часто я смущенъ внутри души
И трепетомъ исполненъ и волненьемъ:
Какой-то ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.
Въ движеньи шумномъ дня, въ молчаньи тмы ночной,
Въ толпѣ-ль, одинъ-ли, средь забавъ иль скуки—
Вездѣ болезненно я слышу за собой
Изъ жизни прежней схваченные звуки.
Мнѣ чувство каждое, и каждый новый ликъ,
И каждой страсти новое волненье
Все кажется уже давно прожитый мигъ,
Все стараго пустое повторенье.
И скука страшная лежитъ на днѣ души,
Межъ тѣмъ какъ я внимаю съ напряженьемъ,
Какъ тайный ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.

—

FATUM.

Вхожу я въ церковь — тамъ стоятъ два гроба,
Окружены молящимися оба.
Одинъ былъ длинный гробъ, и видѣлъ въ немъ
Я мертвеца съ измученнымъ лицомъ,
Съ улыбкою отчаянья глухаго,
И кости лишь да кожа — такъ худаго,
Казался онъ не старъ, но былъ ужъ сѣдъ,
Какъ будто бы погибъ подъ ношей бѣдъ.
Блѣдна, какъ онъ, и столько же худая
Стояла возлѣ женщина, рыдая;
И дѣти нищіе на мертвеца
Смотрѣли съ дѣтской глупостью лица.

А гробъ другой былъ малъ, и въ немъ лежало
Дитя — такъ тихо, будто задремало.
Отецъ и мать у гроба, а вокругъ,
Одѣтыхъ въ трауръ, было много слугъ.
Печально мать — красавица — молчала,
То плакала, то тяжело вздыхала.
Отецъ въ себя казался углубленъ
И все шепталъ: "зачѣмъ онъ былъ рожденъ?"

И я тоски не въ силахъ былъ сносить;
Я вышелъ вонъ, и въ лѣсъ ушелъ бродить—
И вѣтеръ вылъ, и тучи тяготѣли,
И на корняхъ, треща, качались ели.

ЗАБЫТО.

Я ему сказала:
"Возвратился милый!
Дни прошли и годы—
Я не позабыла;
Я все также, также,
Какъ въ ту ночь — что знаешь,
Все люблю какъ прежде;
Такъ какъ ты желаешь".
Онъ пожалъ плечами,
Не сказалъ ни слова,
И хотѣлъ онъ тутъ-же
Удалиться снова.
Я его схватила,
Я его держала
За руки, за платье—
Все не отпускала.
Пала на колѣни,
Цаловала руки,
Ноги цаловала,
Плакала отъ муки.

Онъ взглянулъ мнѣ въ очи...
Тутъ мнѣ показалось,
Что меня онъ любитъ,
Что въ немъ сердце сжалось.
Онъ взглянулъ мнѣ въ очи —
Отвернулся снова,
И прошелъ онъ мимо —
Не сказалъ ни слова.

—

СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ.

Спокойно вижу я годовъ минувшихъ даль,
Грядущее встрѣчаю безъ волненья,
И нѣтъ разкаянья, и прошлаго не жаль,
Нѣтъ передъ тѣмъ что будетъ — опасенья,
На грезы юности смотрю я безъ презрѣнья,
Пусть было многое въ нихъ жалко и смѣшно,
Но подлости на нихъ не брошено пятно;
Развратъ, любовь, иль трудъ—пусть все безплодно
Въ душѣ кипѣло, но все было благородно.

Съ ошибкой дѣтскою раздѣлаться я радъ
И веселѣй встрѣчаю горечь истинъ
Чѣмъ малодушіе мечтательныхъ отрадъ;
Я въ дѣлѣ счастья гордъ и безкорыстенъ!
Но міръ, который мнѣ какъ гнусность ненавистенъ,
Міръ угнетателей, обмана и рабовъ—
Его пока я живъ подкапывать готовъ
Съ горячимъ чувствомъ мести или права,
Не думая о томъ—что—гибель ждетъ иль слава.

Пусть иногда тоска тѣснитъ мнѣ жизнь мою,
И я шепчу проклятья или пени,
Но сердцемъ молодъ я. Еще я жизнь люблю,
Люблю я видѣть синей ночи тѣни
И мирный проблескъ дня; люблю внимать средъ лѣни
Волны плесканіе, лѣсовъ зеленыхъ шумъ,
Съ восторгомъ предаюсь работѣ ясной думъ
И все что живо полюбилъ когда то —
Осталось мнѣ на вѣкъ и сладостно и свято.

—

ИСКАНДЕРУ.

Я ѣхалъ по полю пустому,
И свѣжъ и сыръ былъ воздухъ и луна
Скучая шла по небу голубому
И плоская синѣлась сторона,
Въ моей душѣ мѣнялись скорбь и сила
И мысль моя съ тобою говорила.

Все степь, да степь! нѣтъ ни души, ни звука;
И ѣду въ даль я гордъ и одинокъ —
Моя судьба во мнѣ. Ни скорбь, ни скука
Не утомятъ меня. Всему свой срокъ,
Я правды рѣчь велъ строго въ дружнемъ кругѣ —
Ушли друзья въ младенческомъ испугѣ.

И онъ ушелъ — котораго какъ брата
Иль какъ сестру такъ нѣжно я любилъ!
Мнѣ тяжела какъ смерть его утрата;
Онъ духомъ чистъ и благороденъ былъ,
Имѣлъ онъ сердце нѣжное какъ ласка
И дружба съ нимъ мнѣ памятна какъ сказка.

Ты мнѣ одинъ остался неизмѣнный,
Я жду тебя. Мы въ жизнь вошли вдвоемъ;
Таковъ остался нашъ союзъ надменный!
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо
И пусть мечты и люди идутъ мимо.

ГОДЪ 1848.

Anno cholerae morbis.

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
Что воздухъ зараженъ и смертью вѣетъ;
На улицу боятся выходить.
Кто встрѣтитъ гробъ — трепещетъ и блѣднѣетъ,
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
Еще дышу я, всею мыслью вѣка
Я жизненно проникнутъ до ногтей,
И впереди довольно много дѣла,
Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.
Что мнѣ чума? — Я слышу чуткимъ слухомъ
Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова:
Вблизи, вдали однимъ все полно духомъ,
Всѣ воли ищутъ! тихо голова
Приподнялась, проходитъ сонъ упрямый
И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.
Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ
Рука преданья дряхлаго лежала,
Что страшно страшенъ новый свѣтъ сначала.
Но свыкнись узникъ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
Когда выходятъ — взору трудно, больно,
А послѣ станетъ ясно и раздольно!
О! изъ глуши моихъ родныхъ степей
Я слышу васъ далекіе народы

И что то бьется тутъ въ груди моей
На каждый звукъ торжественный свободы.
Мнѣ съ юга моря синяя волна
Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ...
Роскошныхъ сновъ лѣнивая страна —
И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
Еще унылъ ave Maria гласъ
И дремлетъ вкругъ семи холмовъ поляна,
Но въ тайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
Готовится проклятье Ватикана.

Чтожъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ
Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
Упрямо воли жаждущій вассалъ
Грозитъ остаткамъ феодальныхъ башенъ.
На западѣ какимъ то новымъ днемъ,
Изъ хаоса корыстей величаво
Какъ разумъ свѣтлое восходитъ право,
И нѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
Какъ волхвъ хочу съ востока въ путь суровый
Идти и я, дабы вѣщать о томъ,
Что видѣлъ я какъ міръ родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тутъ
Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
Еще за то, что вмѣстѣ изнывая
Съ тобою я и плакалъ и страдалъ
И цѣпью насъ одною рокъ связалъ,—
И ты подъ сводъ дряхлѣющаго зданья,
Въ глуши трудясь, подкапываешъ взрывъ?
Что скажешъ міру ты? Какой призывъ?

Не знаю я! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣніи и съ твердостію многой,
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой!

—

1849 ГОДЪ.

Вы знаете: побѣда дряхлой власти
Свершилася. Погибло какъ мятежъ
Свободы дѣло, рушилось на части
И деспотизмъ помолодѣлъ и свѣжъ.
Безропотно, какъ маленкія дѣти,
Они свободу отдали тотчасъ,
Въ смущеніи боясь отцовской плети,
И весь восторгъ какъ шалость въ нихъ погасъ.
Вы знаете: въ Европѣ уже нынѣ
Не сыщется ни одного угла,
Гдѣбъ наша жизнь, вѣрна своей святынѣ,
Свѣтло и мирно кончиться могла.
Вы не зарѣзались? Еще быть можетъ
Жить хочется? Такъ чтожъ? Скорѣй, скорѣй
Бѣгите въ степь, гдѣ развѣ вихрь тревожитъ,
Въ Америку—туда, гдѣ нѣтъ людей!
И до сѣдинъ безплодно доживая,
Съ отчаяньемъ въ груди умрите тамъ,
Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что въ жизни было свято вамъ,
Мечты свободы, ваши убѣжденья
Ненужны никому—и всѣ замрутъ,
Какъ всякія безумныя мученья,
Какъ всякій мозга безполезный трудъ!

—

ПОРТРЕТЫ.

Печально я смотрю на дружніе портреты—
Черты знакомыя и полныя тоски!
Такіе-ль были мы, друзья, въ былыя лѣта,
Когда, еще унынья далеки,
Мы бодро вѣрили, въ надеждѣ благородной,
Что близокъ новый міръ, широкій и свободный?
И вотъ теперь разсѣялися мы...
Иные въ гробъ сошли, окончивъ подвигъ трудный
Жить въ этомъ мірѣ хаоса и тмы.
Мы проводили ихъ. Въ пустынѣ многолюдной
Не многіе осталися въ живыхъ:
Они должны свершить остатокъ дней своихъ,
Томясь въ трудѣ безвѣстномъ и безплодномъ,
Въ уединеніи безцвѣтномъ и холодномъ.

—

DIE GESCHICHTE.

За днями идутъ дни, идетъ за годомъ годъ—
Съ вопросомъ на устахъ, въ сомнѣніи печальномъ
Слѣжу я робко ихъ однообразный ходъ:
И будто гдѣ-то я затерянъ въ морѣ дальнемъ—
Все тотъ же гулъ, все тотъ же плескъ валовъ
Безъ смысла, безъ конца, не видно береговъ;
Иль будто грежу я во снѣ безъ пробужденья,
И длинный рядъ бѣсовъ мятется предо мной;
Фигуры дикія, тяжелаго томленья
И злобы полныя; враждуя межъ собой,
Въ безвыходной и безконечной схваткѣ
Волнуются, кричатъ и гибнутъ въ безпорядкѣ.
И такъ за годомъ годъ идетъ, за вѣкомъ вѣкъ,
И дышетъ произволъ, и гибнетъ человѣкъ.

—

АРРЕСТАНТЪ.

Ночь темна. Лови минуты!
По стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.
Чуть дрожитъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой
И звѣнитъ о шпору шпорой,
Житъ скучая, часовой.

"Часовой!"—"Что, баринъ, надо?"
"Притворись, что ты заснулъ:
Мимо бъ я, да за ограду
Тѣнью быстрою мелькнулъ!
Край родной повидѣть нужно,
Да жену поцаловать,
И пойду подъ шелестъ дружный
Въ лѣсъ зеленый умирать!.."

"Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь чай тожъ и я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюся батожья!
Посѣдѣлъ подъ шумъ военный...
А сквозь полкъ какъ проведутъ
Только комъ окровавленный
На тѣлежкѣ увезутъ!"

Шопотъ смолкъ... Все тихо снова...
Гдѣ то Богъ подастъ прiютъ?
Толь схоронятъ здѣсь живаго?
Толь на каторгу ушлютъ?
Будетъ вѣчно цѣпь надѣта,
Да начальство станетъ бить...
Ни ножа! ни пистолета!...
И конца нѣтъ сколько жить!

КЪ. Н.....

На нашъ союзъ святой и вольный—
Я знаю—съ злобою тупой
Взираетъ свѣтъ самодовольный,
Бродя обычной колеей.
Грозой намъ вѣетъ съ небосклона!
Уже не разъ терпѣла ты
И кару дряхлаго закона,
И кару пошлой клеветы.
Съ улыбкой грустнаго презрѣнья
Мы вступимъ въ долгую борьбу,
И твердо вытерпимъ гоненья
И отстоимъ свою судьбу.
Еще не разъ весну мы встрѣтимъ
Подъ говоръ дружныхъ намъ лѣсовъ
И жадно въ жизни вновь отмѣтимъ
Счастливыхъ нѣсколько часовъ.
И день придетъ: морскія волны
Опять привѣтъ заплещутъ намъ
И мы умчимся, волей полны,
Туда къ свободнымъ берегамъ.

ВОСПОМИНАНІЕ ДѢТСТВА.

Мнѣ дѣтство предстаетъ, какъ въ утреннемъ туманѣ
Долина мирная. Подъ дымчатый покровъ,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Лѣса зеленые и линіи холмовъ,
А утро юное бросаетъ въ ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сіянье.
Всѣ образы свѣтлы и всѣ неуловимы.
Знакомаго куста тревожно ищетъ взоръ,
Подслушать хочется, какъ шепчетъ листъ незримый,
Студеный ключь ведетъ знакомый разговоръ;
Но смутно все... Душа безгрѣшный сонъ лелѣетъ—
Отвсюду свѣжесть ей благоуханно вѣетъ.

И—РУ.

О! еслибъ ты подумать только могъ,
Что пробудилъ во мнѣ твой голосъ издалека,
Какъ вызвалъ тьму заглохнувшихъ тревогъ,
Какъ рану старую разбередилъ глубоко!
Въ испугѣ ты и съ воплемъ бы ко мнѣ
На шею кинулся, любя меня какъ прежде;
Но свидясь вновь мы въ скорбной тишинѣ
Уже не ввѣримся ребяческой надеждѣ.
Нѣтъ! проклятъ будетъ этотъ вѣкъ,
Гдѣ торжествуетъ все, что низко и лукаво
И гдѣ себѣ хорошій человѣкъ
Страданья пріобрѣлъ убійственное право.
Но всежъ впередъ! Быть можетъ намъ дано
Прожить еще года въ безплодномъ этомъ спорѣ
И—какъ святыня глупая—одно
Для насъ останется—безвыходное горе!

—

AURORA MUSAE AMICA.

Зимой люблю я встать по утру рано,
Когда еще все тихо, какъ въ ночи,
Деревня спитъ и снѣжная поляна
Морозомъ дышетъ, звѣздные лучи
Горятъ и гаснутъ въ ранней мглѣ тумана.
Одинъ, при дружнемъ трепетѣ свѣчи
Любимый трудъ уже свершать готовый—
Я бодръ и свѣжъ, и жажду мысли новой.

Передо мной знакомыя преданья,
Гдѣ собранъ опытъ трудный долгихъ лѣтъ
И разума пытливыя гаданья...
Спокойно шлю имъ утренній привѣтъ
И въ тишинѣ, исполненный вниманья,
Я слушаю, ловя летучій слѣдъ,
Біенье жизни отъ начала вѣка,
И новый міръ творю для человѣка.

Но гонитъ день туманы ночи сонной,
Проснулся гулъ—подобіе волнѣ,
Зоветъ звонокъ къ работѣ обыденной.
И все, что могъ создать я въ тишинѣ,
Развѣетъ дико день неугомонный…
И въ жизни вновь звучитъ уныло мнѣ
Одно и тоже непрерывной цѣпью,
Какъ вѣтра шумъ надъ безконечной степью.

А ввечеру, всѣхъ дѣлъ окончивъ смѣту,
Засядемъ мы, мой другъ, предъ камелькомъ:
Намъ принесутъ печальную газету,
И грустно мы всѣ новости прочтемъ
И ничего по цѣлу бѣлу-свѣту
Отраднаго ни капли не найдемъ,
И молча, мы пожмемъ другъ другу руку,
Чтобъ выразить любовь и скорбь и скуку.

—

Старикъ, какъ прежде въ часъ привычный,
Сидѣлъ за книгою обычной,
Но не тревожила слегка
Страницъ безсильная рука;
Взоръ устремленъ былъ, но безъ цѣли;
Уста какъ бы шептать хотѣли,
Но мысль не находила словъ.
Старушка, глядя сквозь очковъ,
Въ оцѣпенѣньи отупѣломъ
Съ чулкомъ сидѣла у окна—
И не вязала. Въ домѣ цѣломъ
Была нѣмая тишина.

Межъ тѣмъ давно-ли здѣсь, бывало,
Все свѣжей жизнію дышало,
И дѣвушка въ осмнадцать лѣтъ
Вносила мирно въ домъ старинный
Даръ звонкихъ пѣсенъ, смѣхъ невинный
И милый, ласковый привѣтъ?

И чтожъ? такъ просто, такъ ничтожно!
Морозъ дохнулъ неосторожно,
И вотъ горячка; ей во слѣдъ
Томящій жаръ, тяжелый бредъ,
Потомъ и кровь чуть бьется въ жилахъ,
Потомъ и грудь дышать не въ силахъ,
Потомъ и блескъ въ глазахъ потухъ
И блѣдный трупъ и нѣмъ и глухъ.

И старики остались оба,
Какъ будто тяжкой жизни нить
Пресѣчена, а ихъ сложить
Забыли въ мирный холодъ гроба.
И въ домѣ царствуетъ одна
Теперь нѣмая тишина;
И если есть хоть что живое
Такъ развѣ солнце золотое,
Когда играетъ здѣсь и тамъ
И на полу и по стѣнамъ,
Да бродятъ мѣрно, какъ живыя,
По кругу стрѣлки часовыя...

—

КУПАНЬЕ.

Чьей легкой ножки при рѣкѣ
Слѣды остались на пескѣ?
За чѣмъ раздвинутъ кустъ прибрежный?
Чья шаловливая рука
Листки цвѣтовъ его слегка
Щипала въ рѣзвости мятежной?
Чу! спрячься—брызнула струя—
И стой, дыханье притая.
Смотри, какъ, воды разсѣкая,
Встаетъ головка молодая,
Съ улыбкой дѣтской на устахъ
И нѣгой южною въ очахъ.
А солнце утреннее блещетъ
На черный лоскъ ея волосъ;
Плечо изъ водъ приподнялось
И грудь роскошная трепещетъ.
Вотъ косу бѣлою рукой
Она сжимаетъ надъ водой,
И влага—медленно стекая—
Звѣнитъ, по каплѣ упадая.
Вотъ повернулась и плыветъ—

Съ змѣиной ловкостію вьётся,
То прячется въ прохладу водъ,
То чуть касаясь ихъ несётся.
Остановилась и, шутя,
Волною плещетъ, какъ дитя.
Потомъ задумалась—и видно,
Пора оставить ей потокъ—
Выходитъ робко на песокъ,
Какъ будто ей кого-то стыдно.
Уже одну изъ рѣзвыхъ ногъ
Сжимаетъ узкій башмачекъ,
Уже и ткань рубашки бѣлой
Легла на трепетное тѣло...
Не подходи теперь ты къ ней—
Она дика и боязлива,
И, серны вѣтреной быстрѣй,
Отъ насъ умчится торопливо.
Но знаю я, предъ кѣмъ она
Всегда покорна и смирна;
Я знаю, кто рукой небрежной
Ласкаетъ станъ красотки нѣжной,
Кому на грудь во тмѣ ночей
Разсыпанъ шелкъ ея кудрей.

—

КАВКАЗСКОМУ ОФИЦЕРУ.

Огни, и музыка, и балъ!
Красавицъ рой, кружась, сіялъ.
Среди толпы, кавказскій воинъ,
Ты мнѣ казался одинокъ!
Твой взглядъ былъ грустенъ и глубокъ,
Отъ тайнаго движенья неспокоенъ.
Тупой ли доглъ, любви ль печаль
Тебя когда то гнали въ даль?
Или безвыходное горе?
Иль жажда молодой мечты—
Увидѣть горные хребты
И посмотрѣть на югъ и сине-море?
И возвратясь изъ тѣхъ сторонъ
Ты, можетъ, мыслью удрученъ,
Что рабъ безумія и вѣка—
Ты на войнѣ былъ палачемъ,
И стало жаль тебѣ потомъ,
Что ни съ чего зарѣзалъ человѣка?
А впрочемъ—можетъ быть, что ты
Питомецъ праздной пустоты—
Сидѣлъ усталый и бездушный,
А я сочувствіе къ тебѣ
Смѣшно натягивалъ въ себѣ—
По прежнему мечтатель простодушный.

—

СПЛИНЪ.

(Посвящено Н.....)

Да къ осени сворачиваетъ лѣто.
Ужъ ночью былъ серебряный морозъ;
И воздухъ свѣжъ, и — грустная примѣта —
Желтѣетъ листъ сквозь зелени березъ,
Какъ волосокъ сѣдой сквозь локонъ темный
Красавицы кокетливой и томной;
Уже и вѣтръ брюзгливый и сырой
Колеблетъ лѣсъ и свищетъ день деньской,
И облаковъ отрядъ сгоняетъ сѣрый;
И вечера становятся безъ мѣры.

Уже пришла печальная пора:
Туманами окресности покрыты,
И мелкій дождь съ утра и до утра
Сырою пылью сыплетъ, какъ сквозь ситы;
Чернѣясь грязь по улицамъ видна,
День холоденъ, глухая ночь темна.
Затопимъ мы каминъ. Средь позднихъ бдѣній
Люблю, когда причудливыя тѣни
Враждебнымъ мракомъ дышатъ по угламъ,
А красный блескъ трепещетъ по стѣнамъ

Но въ этотъ часъ я не люблю бесѣды
И многихъ лицъ шумливый разговоръ:
Меня томитъ, какъ длинные обѣды,
Хоть умный, но всегда безплодный споръ.
Иное дѣло — заниматься дѣломъ,
Или хотѣть, въ тщеславьи закоснѣломъ,
Сомнительной ученостью блеснуть
И времени теченье обмануть,
Праздноглагольствуя литературно
О томъ, что въ мірѣ хорошо иль дурно.

У стариковъ есть дѣтская черта—
Разсказывать отлично анекдоты,
Гдѣ на концѣ всегда есть острота;
Но этотъ родъ погибъ среди зѣвоты.
Чтожъ дѣлать, другъ, намъ въ эти вечера?
Болтать о томъ, что дѣлалось вчера?
Нашъ statu quo такъ глупъ, что лучше мимо.
Ужъ не заняться-ль намъ дѣлами Крыма?
Но вѣдь ни вы, ни я не офицеръ—
Изгнать враговъ не сыщемъ новыхъ мѣръ.

Не вдаться-ль въ жаръ се[illegible]ъ изліяній?
Но вѣдь оно покажет[illegible]
Къ лицу-ли намъ [illegible]й
И радостей, зам[illegible]...
Не вынуть-л[illegible]
Не принест[illegible]

За здравье чтоль, не то за упокой
Намъ чокнуться?...А лучше намъ, другъ мой,
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

И вѣтръ и дождь всю ночь въ окно стучатъ,
Колеблятся таинственныя тѣни,
Дрова, горя, блѣднѣютъ и трещатъ,
И вновь встаетъ забытый рядъ видѣній.
Вотъ дѣтство глупое; какъ и всегда
Бываютъ глупы дѣтскіе года,
Но многое въ нихъ мирно улыбалось
И сохранить иное бы желалось...
Вотъ юность — вотъ играетъ кровь,
И сердце жжетъ ненужная любовь.

А тамъ идутъ подъ рядъ все гробъ за гробомъ:
Вотъ мретъ старикъ, сердяся и крехтя,
Вотъ другъ погибъ съ чахоточнымъ ознобомъ,
Въ волнахъ морскихъ умолкнуло дитя,
И милое и свѣтлое созданье
Туда-жъ пошло на вѣчное молчанье!
Но вы, мой другъ, ни слова ни о чемъ;
Вы знаете — вѣдь лучше намъ вдвоемъ
Безмолоствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

—

Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ
  И счастья дѣтскія воспоминанья!
Я отвыкалъ отъ нихъ...и снова грустно радъ
  Подслушивать неясный звукъ преданья.
Люблю-ли я людей, которыхъ больше нѣтъ,
  Чья жизнь истлѣла здѣсь въ тиши досужной?
Но въ памяти моей давно остылъ ихъ слѣдъ,
  Какъ слѣдъ любви случайной и ненужной.
А все же здѣсь меня преслѣдуетъ тоска —
  Припадокъ безъименнаго недуга,
Все будто предо мной могильная доска
  Какого-то отвергнутаго друга...

—

АФРИКА.

(Отрывокъ)

Sic transit gloria mundi!

То было время грозной славы:
Междоусобіемъ томимъ,
Грань расширялъ своей державы
И задыхался старый Римъ.
Уже въ коварную угоду
Или сенату, иль народу—
Вожди, заспоря межъ собой
Властолюбивою враждой,
Топтали древнюю свободу.
Въ то время Силла казнью мстилъ
Своимъ врагамъ и травлей новой
Роскошно тѣшилъ Римъ суровый,
А старый Марій уходилъ
И въ дальней Африкѣ за моремъ
Блуждалъ, несокрушимый горемъ.

Клонился въ море знойный день,
И блескомъ позднимъ позлащенный,
Ждалъ ночи берегъ раскаленный,

И тихо подступала тѣнь.
Бродящаго роптанья полны,
Средь колебанья дня и мглы,
Залива голубыя волны
Плескались въ бѣлыя скалы,
И воздухъ жаркій и лѣнивый
На берегъ вѣялъ молчаливый.
Тиха печальная страна!

Не нарушалъ уже полвѣка
Ея безвыходнаго сна
Ни трудъ, ни говоръ человѣка
Давно въ пустынный край не шли,
Стремясь какъ птицъ крылатыхъ стоя,
По морю веслами махая,
Съ товаромъ дальнимъ корабли;
Отъ Нила по степямъ песчанымъ
Не приходили съ караваномъ,
Рукой рабовъ навьючены,
Тяжелоступные слоны.
Давно съ жестокостью безумной
Здѣсь пронеслась чрезъ городъ шумный
Война кровавою пятой,
Оставя пепелъ за собой.
Добыча смерти или плѣна,
Исчезли люди Карѳагена;
Торговли жадной дни прошли,
Замолкли клики пышныхъ брашенъ,
Обломки гордыхъ стѣнъ и башенъ

Безмолвной грудою легли.
Съ тѣхъ поръ, спаленные, истлѣли
Цвѣты садовъ и злаки нивъ,
И лавры больше не шумѣли,
Ни зелень томная оливъ:
Лишь жизни волею могучей
Наслѣдникъ рушенныхъ дворцовъ—
Зеленой сѣтью плющъ ползучій
Разросся мирно вкругъ столбовъ,
И въ часъ полдневнаго досуга
Понѣжиться на солнцѣ юга
Изъ-подъ камней скользитъ змѣя,
Иль рѣзвыхъ ящерицъ семья;
И вновь въ томительномъ молчаньи
Лежитъ пустынная страна,
И только дышитъ въ колыханьи
Неугомонная волна.

Но Римскій вождь, вѣнчанный славой
Среди развалинъ одинокъ
Скитался тѣнью величавой,
Какъ бы преступникъ иль пророкъ.
Суровъ былъ взглядъ его; ланиты
И лобъ морщинами изрыты
И въ кудряхъ черной бороды
Годовъ бѣлѣлися слѣды.
Но крѣпость мышцъ не измѣнила:
Все таже въ жилистой рукѣ
Плебейская дремала сила,

Какъ въ ненатянутомъ лукѣ;
Въ груди, покрытой броней мѣдной
Таился тотъ же гласъ побѣдный,
Передъ которымъ вражья рать,
Смутясь, не въ силахъ устоять.
Давно-ли онъ съ трибунъ народныхъ
Громилъ сенатъ въ рѣчахъ свободныхъ?
Давноль средь боевыхъ тревогъ
Онъ былъ для войска нѣкій богъ?
Смиритель Кимвровъ и Тевтоновъ,
Давноль онъ съ сонмомъ легіоновъ
Лавровѣнчанный въ Римъ вступалъ
И Римъ ему рукоплескалъ?
Но втунѣ смолкли клики славы,
Исчезла власть!... Предъ нимъ возникъ
Соперникъ смѣлый и лукавый,
Его же дерзкій ученикъ,
И старый вождь унесъ въ изгнанье,
Въ пріютъ далекій отъ людей—
Обиды горечь и сознанье
Величья гордаго скорбей.
Но не грустить орелъ нагорный
Подобно горлицѣ лѣсной:
Вождь терпѣливый и упорный
Томился думою иной.
Въ себя въ немъ вѣра не уснула!
Онъ все жъ былъ грозенъ какъ судьба:
Его зарѣзать не дерзнула
Рука наемнаго раба!
И тѣже волновали страсти

Скитальца непреклонный умъ—
Любовь къ свободѣ, жажда власти
И жизни сильной блескъ и шумъ;
И мыслилъ онъ: еще поспоримъ!
И взоромъ Римъ искалъ за моремъ.

А съ неба знойнаго сходя,
Вечерній лучь сіялъ печаленъ
На груды тихія развалинъ
И образъ стараго вождя,
И вѣчнаго роптанья полны,
Далеко колыхались волны.

—

БѢГСТВО.

"Ступай" сказалъ онъ, "подъ вѣнецъ!"
А я:—не принуждай, отецъ!
Мнѣ рано замужъ; дай подолѣй
Потѣшиться дѣвичьей волей!—
Отецъ сдержалъ привычный гнѣвъ
И, злобы дрожь преодолѣвъ,
Сказалъ, что я сама не знаю,
Какъ глупо счастіе теряю.
Я все свое; но наконецъ
Личину сбросилъ мой отецъ
И закричалъ, что вовсе мнѣнья
Онъ моего не хочетъ знать,
Что долгъ мой есть повиновенье,
Что онъ привыкъ повелѣвать.
Я въ страхѣ на колѣни стала,
И плакала, и умоляла,
Чтобы меня онъ пощадилъ,
Ужъ лучшебъ въ монастырь пустилъ.
Онъ топнулъ... А ему я снова:
Отецъ! вѣдь я люблю другаго!

А онъ меня ударилъ... Какъ,
Что послѣ—помню какъ сквозь мракъ.
Вскочивъ, отца не видя болѣ,
Тайкомъ ушла я садомъ въ полѣ,
Забыла холодъ, голодъ, трудъ—
Ушла искать себѣ пріютъ.

—

Проклясь бы могъ свою судьбу,
Кто весь свой вѣкъ, какъ жалкій нищій,
Велъ безконечную борьбу
Изъ-за куска вседневной пищи;
Кто въ вѣтхомъ рубищѣ встрѣчалъ
Зимы суровые морозы;
Кто въ отупѣньи забывалъ
Пролить надъ милымъ прахомъ слезы,
Не слушалъ томно при лунѣ
Ни шумъ ручья, ни звукъ свирѣли,
А ждалъ въ печальной тишинѣ
Пустаго дня подъ свистъ мятели;
Кто ликованій и пировъ
Не зналъ на жизненномъ просторѣ,
Не вѣдалъ сладкой грусти сновъ,
А зналъ одно сухое горе.
Но много сноситъ человѣкъ
Средь жажды жить неутолимой,
И какъ бы жалокъ ни былъ вѣкъ—
Страшитъ конецъ неотразимый.

—

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ вечернемъ сумракѣ долина
Синѣла тихо за ручьемъ,
И запахъ розы и ясмина
Благоухалъ въ саду твоемъ;
Въ кустахъ прибережныхъ влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близь тебя стоялъ смущенный,
Томимый трепетомъ любви.
Уста отъ полноты дыханья
Остались нѣмы и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука — пожатія руки.

Пусть этотъ сонъ мнѣ жизнь смѣнила
Тревогой шумной пестроты;
Но память вѣрно сохранила
И образъ тихій красоты,
И садъ, и вечеръ, и свиданье,
И нѣгу смутную въ крови,
И сердца жаръ и замиранье —
Всю эту музыку любви.

—

СТАРИКЪ.

Еще я бодръ! Еще тоскуя,
Желанье разжигаетъ кровь,
Еще я жажду поцѣлуя,
Еще я грежу про любовь!
Но дѣвы отъ моихъ нападокъ
Бѣгутъ, исполнены стыда,
И старый видъ мой сталъ имъ гадокъ,
Страшна сѣдая борода.
Подчасъ ищу попасться въ сѣти
Иной красавицы лихой,
Но вижу — юноши и дѣти
Тишкомъ смѣются надо мной.
И опустивъ безмолвно руки,
Воспоминаніемъ томимъ,
Средь тайной злобы или скуки
Я мыслю, тихъ и нелюдимъ:
"Постой, красавица! увянешь
И посѣдѣешь наконецъ,
И если страстнымъ взоромъ взглянешь—
Отвѣтитъ смѣхомъ молодецъ".

—

КОКЕТКѢ.

Зачѣмъ томишь ты друга моего?
Дитя! его ты ни за что погубишь!
Прошу тебя, ты пощади его!
Рѣшись сказать: ты любишь иль не любишь?
Ты знаешь-ли? онъ сердцемъ простъ и смѣлъ,
И умъ его широкъ и благороденъ,
Но страсти ядъ имъ страшно овладѣлъ
И вѣкъ его печаленъ и безплоденъ.
Еще вчера — когда передъ тобой
Стоялъ, красуясь, юноша другой
И на тебя, глядя орлинымъ взоромъ,
Смѣшилъ тебя безпечнымъ разговоромъ, —
Въ углу сидѣлъ онъ мраченъ и угрюмъ,
Убитый горечью ревнивыхъ думъ,
Желая и не слышать и не видѣть....
И всѣжъ любилъ, стараясь ненавидѣть...
Ты поняла-ль, безумное дитя,
Какъ ты его замучила шутя?
Ты помнишъ ли, какъ онъ на пышномъ балѣ
Бродилъ въ толпѣ, не видя никого
И трепетно тебя искалъ по залѣ,

А ты, рѣзвясь, скрывалась отъ него?
Какъ онъ тогда былъ блѣденъ и разстроенъ!
А ликъ твой былъ сіяющъ и спокоенъ!
Ты знаешь ли? когда ты на него
Привѣтно взоръ уронишь одобренья,
Иль за руку, какъ другъ, возьмешъ его,
Иль съ лаской бросишъ слово безъ значенья—
Онъ цѣлый день проходитъ какъ въ чаду,
И радъ и веселъ какъ ребенокъ малый,
И ночью ждетъ, отъ счастія усталый,
Твоей любви въ обманчивомъ бреду.
Ужель тебѣ его не жаль нисколько?
Неужто шутишъ ты, дитя, — и только?
Но тщетно! Ты не слушаешъ меня
И тихо къ ручкѣ бѣленькой и гибкой,
Задумчиво головку наклоня,
Ты блещешъ вся тщеславною улыбкой.

—

БАРЫШНЯ.

Въ деревнѣ барышня стыдливо
Какъ ландышъ майскій разцвѣла
Свѣжа, застѣнчива, красива,
Душой младенчески мила.
Она за чтеніемъ романа
Чего-то въ будущемъ ждала,
Играла вальсъ на фортепьяно
И даже съ чувствомъ пѣть могла.
Привычки жизни, барству сродной,
Невольно какъ-то отклонивъ,
Она имѣла благородный,
Хоть безсознательный порывъ
И плакала, когда бывало,
На слугъ сердясь, шипѣла мать,
И иногда отцу мѣшала
Сурово власть употреблять;
Любила лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь,
Катанья зимняго движенье

И вечеровъ тоску и лѣнь.
И гдѣ она? и что съ ней сталось?
Въ ней сохранился-ль сердца жаръ?
Иль за мужъ вышла какъ попалось?
Заѣзжій-ли плѣнилъ гусаръ,
Или чиновникъ вороватый —
Смиренно-гаденькій чудакъ?
Иль баринъ буйный и богатый —
Любитель водки и собакъ?
Иль, можетъ, по-сердцу героя
Въ степной глуши не находя,
Себя къ хозяйству не пристроя,
Свой міръ заоблачный щадя —
Она осталась дѣвой чинной
Все съ тѣмъ же вальсомъ и умомъ,
Съ душой младенчески невинной,
Но съ увядающимъ лицомъ;
И вѣчно входитъ въ умиленье
И романтическую лѣнь,
Встрѣчая лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь?

—

НА МОСТУ.

Я на мосту стоялъ. Рѣка
Въ ночи недвижно-широка
Подъ ледянымъ своимъ покровомъ
Свѣтилась пологомъ свинцовымъ.
Далеко трепетнымъ огнемъ
Въ туманѣ фонари мерцали ;
Высоко въ воздухѣ ночномъ
Дома угрюмые стояли,
И рѣдко въ тишинѣ звучалъ
По жесткимъ плитамъ шагъ пустынный,
Иль стукъ кареты дребезжалъ
Спѣшащей путь покончить длинный.
Рождало чувство пустоты
Вопросъ — подобіе мечты,
И не могла мнѣ до разсвѣта
Пустая ночь подать отвѣта.

—

КЪ ЛИДІИ.

Когда ты, грустная, слезу стеревъ съ рѣсницы,
Задумчиво глядишь на прошлый путь,
Не видишь въ будущемъ ни проблеска зарницы,
И ищешь день убить бы какъ нибудь :
Вѣдь я сочувствую тебѣ и мнѣ обидно,
Что жить тебѣ такъ страшно тяжело,
А между тѣмъ, мой другъ, и самому мнѣ стыдно
На сколько жить мнѣ вольно и свѣтло !
Печаленъ я теперь ; но вдругъ шипучей влагой,
Иль улицы движеньемъ увлеченъ,
Я полонъ становлюсь разгульною отвагой
И въ эту жизнь младенчески влюбленъ.

ВЕСНОЮ.

Брожу я по лѣсу тропою каменистой:
Трепещутъ и блестятъ въ вѣтвистой вышинѣ
Зеленые листы подъ влагою росистой,
И сосенъ молодыхъ духъ свѣжій и смолистый
Въ весеннемъ воздухѣ отрадно вѣетъ мнѣ;
Пчела жужжитъ, и ранній лучь денницы
Встрѣчаютъ пѣснями ликующія птицы.

Схожу я къ берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю — внизу рѣка клокочетъ и шумитъ,
За нею озимей спокойныя равнины
Съ ихъ юной зеленью...Все нѣжныя картины!
И столько счастливый, и столько ясный видъ,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую въ себѣ раздолье молодое.

—

Ты сѣтуешь, что послѣ долгихъ лѣтъ
Ты встрѣтился съ своимъ стариннымъ другомъ
И общаго межъ вами вовсе нѣтъ....
Не мучь себя ребяческимъ недугомъ!
Люби прошедшее! Его очарованій
Не осуждай! Подъ старость грустныхъ дней
Придется жить на днѣ души своей
Весенней свѣжестью воспоминаній.

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

(Изъ дорожныхъ воспоминаній)

Посвящено. П. В. А.

1.

Въ дорогу я пустился въ ночь.
Привычки трудно превозмочь:
По утру я объятъ дремотой,
Потомъ, ходъ времени цѣня,
Люблю я съ мудрою заботой
Свершить обязанности дня,
То есть вкусить обѣдъ и ужинъ
(Всегда порядокъ въ жизни нуженъ),
А въ ночь свободно ѣхать. Вотъ
Уже и тройка у воротъ,
И вотъ, скрипя, помчалась прытко
По снѣгу мерзлому кибитка.
Путь гладокъ и ярка луна,
Безмолвнымъ свѣтомъ ночь полна,
Студеный воздухъ сжатъ морозомъ;
Иглистый иней по березамъ
Повисъ недвижно и блеститъ;

Поляна снѣжная лежитъ,
Мерцая отблескомъ лиловымъ
И вѣетъ холодомъ суровымъ,
И взоръ съ невольною тоской
Слѣдитъ за смутною чертой,
Гдѣ небо далью блѣдносиней
Слилося съ бѣлою пустыней.

2.

А все знакомыя мѣста!
Все тотъ же скатъ съ горы отлогой,
Сугробъ у вѣтхаго моста;
Все также узкою дорогой
Обозъ ползетъ издалека,
Дразня лихаго ямщика.
Кругомъ разбросаны селенья....
И знаю я на перечетъ
Гдѣ сколько душъ, чьего владѣнья,
И гдѣ, и кто, и какъ живетъ;
Все знаю такъ, что даже скучно!
Но выросъ въ этомъ я краю;
Привычки дѣтской рабъ послушный,
Его быть можетъ я люблю.
Даруй вамъ Боже сны благіе,
Мои сосѣди дорогіе!
Въ дыму удушливой избы
Спи крѣпко труженикъ нашъ вѣчный—

Мужикъ лѣнивый и безпечный,
Прося немного у судьбы!
И ты сосѣдъ, хозяинъ строгой,
Который грозно въ скорби многой
Работаешь такъ много лѣтъ
На обязательный совѣтъ,—
И ты усни!—Во снѣ, пожалуй,
Доходъ увидишь небывалый.
Вкусите мирный сонъ и вы
Сосѣдки, барыни лихія,
Которыхъ ручки боевыя
Легко съ узорчатой канвы
И отъ вареньемъ полныхъ банокъ—
По неизвѣданнымъ путямъ—
Перебираются къ щекамъ
Своихъ запуганныхъ служанокъ!
Да будетъ всѣмъ вамъ мирный сонъ!
Теперь я такъ расположенъ
Учтиво, даже можетъ нѣжно,
Что радостно-бъ простить хотѣлъ
И грѣхъ, по жизни неизбѣжный,
И придурь—общій всѣхъ удѣлъ.

3.

Еще въ избахъ кой гдѣ мерцаетъ
Лучины дымной огонекъ
И дѣва вѣчный свой клубокъ

Въ полу-дремотѣ напрядаетъ.
Я живо помню, какъ порой
Спокойная картина эта
Своею милой простотой
Меня плѣняла въ прежни лѣта;
Но нынѣ дѣвы сонный ликъ,
Храпящій на печи старикъ,
И вѣчно плачущій ребенокъ
Въ дырявой люлькѣ, и теленокъ
Надъ грязнымъ мѣсивомъ—ей—ей—
Какъ жалкій образъ жизни скудной,
Тоской болѣзненной и трудной
Тревожатъ миръ души моей.
Милѣй мнѣ въ этой деревушкѣ
Воспоминанье объ одной
Сосѣдкѣ, добренькой старушкѣ
Съ нехитрой дѣтскою душой.
Она бывало предъ иконой
Взываетъ въ искренней мольбѣ,
Чтобъ Богъ ему былъ обороной
И пекся о его судьбѣ;
Иль молча сидя на диванѣ,
Гадаетъ трепетно о немъ,
И все о немъ, о миломъ Ванѣ,
О внукѣ вѣтреномъ своемъ.
"Ну! что вашъ внукъ?"—"Писалъ недавно".—
"Чай денегъ проситъ милый внукъ?"—
"Ну чтожъ что проситъ? Вотъ забавно!
Ему вѣдь нужно для наукъ.
А мнѣ?.. стара я для наряда

И ничего самой не надо!"
И вынетъ дочери портретъ,
Въ живыхъ которой больше нѣтъ,
И смотритъ съ грустною отрадой,
И смотритъ долго, и потомъ
Утретъ слезу свою тайкомъ.

4.

И вотъ еще, близь церкви бѣлой,
На снѣжномъ холмѣ, при лунѣ,
Я вижу, крестъ осиротѣлый
Стоитъ въ печальной тишинѣ
Надъ безъименною могилой...
И мужа дышащаго силой
Опять на память мнѣ пришло
И величавое чело,
И умъ наукою развитый,
И духъ насмѣшки ядовитой
Надъ всѣмъ, что подло и смѣшно.
Онъ былъ когда-то мнѣ одно,
Одно отрадное явленье
Въ глуши печальныхъ деревень,
Гдѣ торжествующая лѣнь
На умъ наводитъ усыпленье,
И ни одинъ еще вопросъ
Людей глубоко не потрёсъ.
Но мимо, мимо! сердцу больно!

Не вызывай тѣней изъ тьмы!
Зачѣмъ давать слезѣ невольной
Остыть на холодѣ зимы?

5.

И далѣ въ путь! Встрѣчаютъ взоры
Равнины, горки, косогоры,
И вдоль пути рядъ глупыхъ вѣхъ,
И всюду неподвижный снѣгъ.
Вотъ здѣсь пустырь. Была недавно
Деревня. Жили въ ней исправно;
Но отъ нея теперь одни
Торчатъ обугленные пни.
Въ субботу въ ночь оно случилось:
Проснулась баба хлѣбы печь
И затопила—какъ водилось—
Давно натреснутую печь.
На крышѣ вспыхнула солома
И подхвативъ пошла вьюга
Носить огонь отъ дома къ дому
Съ остервененіемъ врага,
И кровли, пламенемъ объяты,
Треща обрушилися въ хаты.
Со сна вскочили мужики,
Стремглавъ пустились бабы въ страхѣ
На улицу въ одной рубахѣ,
За ними дѣти, старики...

Пожаръ! пожаръ! скорѣй! спѣшите!
Багры давайте, топоры!
Ломать!... Да гдѣжъ ихъ взять—багры?
Воды! вези воды! тушите!...

Крикъ, бѣготня, и вопль, и шумъ;
Въ бѣдѣ исчезъ послѣдній умъ.

Хвиталися бабы за пожитки—
Спасать холсты, корыта, нитки,
А по дворамъ поднялся рёвъ
Въ огнѣ покинутыхъ коровъ,
Въ забытой люлькѣ визгъ ребячій
Безсильно замеръ въ общемъ плачѣ.

Спасенья нѣтъ! Толпа глядитъ
Оцѣпенѣвъ—какъ все горитъ;
Багровый блескъ въ мерцаньи длинномъ
Ложится по снѣгамъ пустыннымъ.
Такъ въ пору рапняго утра
Я не засталъ ужь ни двора;
Безъ словъ, безъ дѣлъ, безъ помышленій
Бродили люди словно тѣни.
Съ сѣдою всклоченной косой
Старуха дряхлая сидѣла
У пепла и ребенка грѣла,
Мотая глупо головой.
Тамъ, гдѣ околица бывало,
Въ сугробъ закутавшись дремала—
Спаленный столбъ печальный видъ
Хранилъ, какъ старый инвалидъ.
Но тутъ (у выѣзда иль въѣзда),
Въ порывѣ бурнаго наѣзда

Мнѣ повстрѣчался становой,
Пріятель закадышный мой.
Съ пучкомъ пріятныхъ увѣщаній
По волѣ ревностныхъ властей
Онъ торопился для стяжаній
Недовзнесенныхъ податей;
Но тутъ — хоть въ немъ душа окрѣпла
На службѣ — передъ грудой пепла,
Какъ будто громомъ пораженъ,
Велѣлъ остановиться онъ.
Вздохнулъ, привсталъ, всплеснулъ руками
И вновь ихъ опустилъ...Потомъ
Уныло щелкнулъ языкомъ,
И мы разъѣхались...

6.

.....Полями
Я ѣду долго. Скученъ путь!
Но вотъ на право повернуть,
И видѣнъ лѣсъ въ тиши глубокой.
Луна мерцаетъ сквозь деревъ
И тѣни длинныя стволовъ
По снѣгу стелятся. Далеко
Въ лѣсную глубь уходитъ взоръ;
Унылъ и голъ холодный боръ
И пусто отголосокъ смутный

Блуждаетъ въ чащѣ безпріютной.
За этимъ лѣсомъ на горѣ
Высокій домъ стоитъ дряхлѣя.
Я зналъ его въ иной порѣ!
Къ нему вела дубовъ аллея;
Литой рѣшетчатый заборъ
Каймилъ его широкій дворъ;
Шумѣлъ прохладой садъ столѣтній—
Пріютъ роскошный нѣги лѣтней.
И было время, каждый день
Изъ городовъ и деревень
Съѣзжались гости; дверь подъѣзда
Не умолкала отъ пріѣзда,
И въ домъ богатый принималъ
Гостей радушный генералъ.
Храня временъ минувшихъ нравы,
Онъ жилъ вельможей и любилъ
Пировъ затѣйливыхъ забавы;
Свои доходы не щадилъ
И сотни слугъ рядилъ какъ франтовъ,
Держалъ собакъ и музыкантовъ;
Неистощимъ былъ мшистый кладъ
Душистыхъ винъ въ его подвалахъ,
Достойно царственныхъ палатъ
Сіяла роскошь въ пышныхъ залахъ.
И вотъ къ нему со всѣхъ сторонъ
Спѣшили гости на поклонъ:
Спѣшилъ бѣднякъ, судьбой прижатый.
Искавшій милости богатой,
Спѣшилъ и тотъ, кто отъ него

Не ждалъ конечно ничего,
Но такъ — лелѣялъ вмѣсто чести
Наклонность въ безкорыстной лести, —
И среди нихъ торжествовалъ
Нашъ впрочемъ добрый генералъ.
Онъ находился-ль въ убѣжденьи,
Какъ Цезарь (что извѣстно всѣмъ),
Что лучше первымъ быть въ селеньи,
Чѣмъ гдѣбъ то ни было ничѣмъ;
Иль о покойницѣ супругѣ
Хотѣлъ поплакать на досугѣ —
Сосѣдями не рѣшено.
Извѣстно только, что давно
Онъ прибылъ жить въ свое имѣнье
И скорбь легко могъ превозмочь:
При немъ ему на утѣшенье
Росла единственная дочь.
И онъ любилъ ее—на сколько
Любить способенъ человѣкъ
Чей беззаботно праздный вѣкъ
Какъ непрерывный пиръ летѣлъ—и только!
Онъ дочь обычно цѣловалъ
По утру, съ ложа сна вставая,
Еще—ко сну благословляя;
Какъ куклу въ дѣтствѣ одѣвалъ,
Потомъ цѣною дорогою
Ей гувернантку нанималъ,
Чтобы обычной чередою
Учила барышню всему,
Что не полезно никому.
Еще таилася въ немъ вѣра,

Что жениха онъ сыщетъ ей
По крайней мѣрѣ камергера
Изъ важныхъ графовъ иль князей.
И такъ онъ ждалъ, когда ей минетъ
Завѣтный срокъ — семнадцать лѣтъ,
Тогда деревню онъ покинетъ
И дочь введетъ въ столичный свѣтъ;
Такъ старый садоводъ ревниво
Въ смиренный прячетъ уголокъ
Не распустившійся цвѣтокъ,
Чтобъ послѣ выставить на диво
Во всемъ плѣнительномъ цвѣту
Волшебныхъ красокъ красоту.
И срокъ насталъ! Незримымъ ходомъ,
Подкравшись тихо годъ за годомъ,
Пришла пора дѣвичьихъ грезъ,
Гдѣ дума новая мятется
Въ головкѣ юной, сердце бьется
И проситъ счастія и слезъ,
И грудь младую вздохъ подъемлетъ,
И взору снится тайный ликъ,
И ухо жаждущее внѣмлетъ
Любви незнаемый языкъ.
Иль по просту: пора настала,
Гдѣ барышня, окончивъ классъ,
Блеснуть желаетъ въ вихрѣ бала,
Красою свѣжею гордясь.
Благовоспитанной дѣвицѣ
Тогда одно и тоже: жить
Или поклонниковъ влачить

Во слѣдъ надменной колесницѣ
Побѣдоносной красоты;
И эти гордыя мечты
Ведутъ къ прямому окончанью,
Чтобъ по сердечному желанью
И безъ дальнѣйшаго грѣха
Найти скорѣе жениха.
Отецъ въ восторгѣ умиленья
Обдумалъ праздникъ и нарядъ,
И въ день дочерняго рожденья
Назначилъ балъ и маскарадъ.
Ко всѣмъ сосѣдямъ близкимъ, дальнимъ,
Къ властямъ уѣздныхъ городовъ
И къ лицамъ меньше подначальнымъ
Отъ генерала посланъ зовъ.
Самъ губернаторъ приглашенье
Почелъ за честь, и было мнѣнье,
Что только архирей спроста
Отрекся близостью поста.
Я былъ тогда въ порѣ блаженной
Невинныхъ отроческихъ лѣтъ,
А генералъ былъ нашъ сосѣдъ:
Къ нему насъ, помню, неизмѣнно
Возили по воскреснымъ днямъ;
Привыкъ я къ людямъ и садамъ,
Но въ этотъ разъ меня смущала
Мнѣ чуждая тревога бала.
Оркестръ ударилъ, и тотчасъ
Всѣ въ залу ринулись, тѣснясь.
И я съ подножія колонны,

Какъ будто въ сказочный удѣлъ
Внезапнымъ чудомъ занесенный,
Привставъ на цыпочки, глядѣлъ.
Все юное воображенье
Прельщало: и толпа людей,
И музыка, и блескъ свѣчей,
И масокъ пестрое движенье.
Чего тутъ не было, мой Богъ!
Паяцы, рыцари, цыганки,
Маркизъ напудренный, турчанки,—
Все нарядилось кто какъ могъ.
Тутъ былъ судья одѣтъ матросомъ.
И скромный стряпчій — казакомъ,
Тутъ былъ исправникъ съ краснымъ носомъ
Одѣтъ индѣйскимъ пѣтухомъ;
И даже Дарья Тимоѳеевна,
Годовъ тяжелый грузъ забывъ,
Какою-то морской царевной
Явилась, плечи обнаживъ.
Шумѣло все. Старушки хоромъ
За дочками слѣдили взоромъ,
И старички, очки надѣвъ,
Степенно наблюдали дѣвъ.
Но вотъ среди толпы предстала
Сама она, царица бала,
И гулъ сорвавшихся похвалъ
По залѣ дружно пробѣжалъ,
Въ кругу наперстницъ суетливыхъ,
Дѣвицъ жеманныхъ и болтливыхъ,
Она въ безмолвьи тихомъ шла

Самодовольно и несмѣло —
Съ вѣнцомъ изъ листьевъ вкругъ чела,
Какъ Норма вся въ одеждѣ бѣлой..,
Все въ ней въ гармонію слилось :
Движеній мягкая небрежность,
Лица мечтательная нѣжность,
И лоскъ волнистый русыхъ косъ,
И взоръ, томящей ласки полный,—
Уста раскрытыя едва,
Какъ бы таящія слова
Для слуха сладкія, какъ волны,
Когда, сокрытый отъ лучей,
Въ тѣни журча, скользитъ ручей...
И вдругъ съ улыбкой добродушной
Она, презрѣвъ толпою скучной,
Ко мнѣ ребенку подошла
И тихо въ польскій увела.
Ея руки прикосновенье
На трепетной моей рукѣ
Незримое напечатлѣнье
Оставило. Такъ вдалекѣ
Знакомой пѣсни голосъ милый
Тревожитъ долго слухъ унылый ;
И послѣ много, много лѣтъ,
Средь жаркихъ сповъ, въ чаду томленья,
Ловилъ мой отроческій бредъ
Черты знакомаго видѣнья.
Но къ дѣлу ! Въ сей юдоли слезъ
Есть люди внѣ бѣды и грозъ,
Которыхъ жгучія печали

Богъ вѣсть, какъ въ жизни миновали;
Легко, безъ долгаго труда
Цѣль добывалась ихъ желаній
И застигала безъ страданій
Ихъ смерти срочной череда.
Покинувъ сельскую свободу,
По ожиданію точь въ точь,
Въ столицѣ не проживъ и году,
Нашъ генералъ сосваталъ дочь
За юношу, породы барской,
Которому Господь послалъ
Богатства тьму, и предстоялъ
Блестящій путь на службѣ царской.
Была-ль довольна дочь, иль нѣтъ,
По нраву-ль былъ ей высшій свѣтъ,
Иль сердцу жить въ немъ было тѣсно
И жаль ей было то село,
Гдѣ мирно дѣтство протекло—
Мнѣ это вовсе неизвѣстно.
Но знаю то, что генералъ,
Довольный тѣмъ, что жилъ не даромъ,
Допивъ за ужиномъ бокалъ,
Апоплексическимъ ударомъ
На лоно праотцовъ своихъ
Перескочилъ въ единый мигъ.
За гробомъ важныя шли лицы;
Дочь плакала. Тоскуя зять
Наслѣдство долженъ былъ принять;
Но, вѣчный баловень столицы,
Деревни онъ не посѣтилъ.

Сюда-жъ по волѣ барской былъ
Какой-то присланъ плутъ наемный
Сбирать и доставлять доходъ;
А баринъ самъ здѣсь не живетъ.
Домъ опустѣлъ. Сквозь ставенъ темный
Не улыбнется лучь дневной,
Не взглянетъ грустно мѣсяцъ томный,
И человѣческой ногой
Ненарушаемъ мракъ сырой;
И только вѣтеръ въ дни мятели,
Врываясь въ трубы или щели,
Тоскуетъ жалобно, одинъ
Безлюдныхъ комнатъ властелинъ;
Да ночью сторожъ безполезный
Печально бродитъ до утра
Вокругъ пустыннаго двора
И сторожитъ замокъ желѣзный...
И право жаль мнѣ иногда,
Что видно, въ память дней бывалыхъ,
Мнѣ не придется никогда
Блуждать въ давно знакомыхъ залахъ
И снова видѣть по стѣнамъ
Въ прическахъ странныхъ тѣже лицы
Старинныхъ баръ и прежнихъ дамъ,
Давно сошедшихъ въ тьму гробницы.
И право жаль, что никогда
Не доведется мнѣ лѣниво
Сидѣть на берегу пруда
Подъ старою плакучей ивой,
Глядѣть, какъ тихо съ высоты

Она зеленые листы,
Склоняя, медленно купаетъ...
Недвиженъ прудъ; хоть бы слегка
Пронесся шелестъ вѣтерка,
И вечеръ ясный догараетъ,
Сливая мирно ночь и день
Въ одну задумчивую тѣнь;
И ловитъ чуткое вниманье
Мгновенныхъ звуковъ трепетанье
Надъ полусонною водой:
Шумъ крыльевъ птицы мимолетной
И подъ разбрызнутой волной
Плесканье рыбки беззаботной.

7.

Пошелъ! Въ ночи какъ днемъ свѣтло,
Мой путь лежитъ черезъ село
Огромное; въ немъ даже школа
Есть для дѣтей мужскаго пола.
Тутъ жилъ учитель. Съ нимъ я былъ
Давно знакомъ. Мы въ юны лѣта,
Подъ кровомъ университета,
Учились вмѣстѣ. Я шалилъ,
А онъ, неловкій и смиренный,
Душею въ бездну погруженный
Метафизическихъ началъ,

Прилежно Шеллинга читалъ,
И въ годы тѣ, когда стыдливо
Усъ пробивается едва,
Онъ душу міра горделиво
Хотѣлъ понять, какъ дважды два;
Но только смутное сомнѣнье
Ему навѣяло ученье.
Онъ сталъ де-Местра изучать
И верхъ премудрости искать
Тамъ, гдѣ—пировъ пустыя дѣти—
Не попадаясь въ оны сѣти,
Мы видѣли, махнувъ рукой,
Туманный бредъ души больной.
Такъ въ жизнь игрушкою случайной
Товарищъ юности моей
Вошелъ, своей завѣтной тайны
Не разрѣшивъ и чуждъ путей
Ко счастью. Вѣчно недовольный
И міромъ и собой самимъ,
И тяжкой бѣдностью томимъ,
Пошелъ онъ, какъ учитель школьный,
Въ нашъ вѣкъ печальный, и готовъ
Былъ съ добросовѣстностью милой
Учить читать тупыхъ птенцовъ
И по складамъ и безъ складовъ.
Но тщетно! Сила измѣнила,
Онъ сталъ грустить, потомъ спился
И помѣшался. Я въ то время,
Влача безпечно жизни бремя,
Подъ голубыя небеса

Иной страны благоуханной
Свободно путь держалъ желанный.
Когда же изъ чужихъ сторонъ
Вернулся я въ родныя степи
Принять обычной жизни цѣпи,
Я поспѣшилъ къ нему, и онъ
Былъ страшно радъ мнѣ, жалъ мнѣ руку,
И, тайную скрывая муку,
Мнѣ говорилъ, что онъ спасенъ,
Что душу міра видитъ онъ,
Но окруженную толпами
Какихъ-то гаденькихъ дѣтей,
Должно быть, маленькихъ чертей,
Горбатыхъ, подленькихъ, съ хвостами,
Его дразнящихъ языками.
Но этотъ жизни жалкій сонъ
Былъ скоро смертью пресѣченъ.
Я друга схоронилъ. Но сухо
На сердцѣ было; на глаза
Не пробивалася слеза
И въ головѣ бродило глухо,
Что даже лучше для него,
Чтобъ вовсе не было его.

8.

Я съ похоронъ спѣшилъ. Желалось
Домой, скорѣй бы лечь въ постель,

Заснуть и позабыть... Смеркалось,
Была сердитая мятель.
Слѣдъ занесло. Ямщикъ крестился,
Глядя съ боязнію кругомъ;
Ступали лошади съ трудомъ,
А снѣгъ валилъ и вѣтеръ злился.
Дрожь пробирала, и тоской
Томилась мысль, и сердце ныло...
И вдругъ мнѣ память воскресила
Иное время, путь иной:
Я уѣзжалъ—то было лѣтомъ,
Сіяла пышная луна,
Была прозрачнымъ полу-свѣтомъ
И свѣжей влагой ночь полна.
Мнѣ разставаться было трудно,
Но какъ-то молодо и чудно
На сердцѣ было! А кругомъ
Шептался въ рощѣ листъ съ листомъ
И тихо вѣялъ воздухъ сонный
Какой-то нѣгой благовонной
И звонко пѣлъ во мглѣ вѣтвей
Печаль и счастье соловей.

9.

Но, стой! Вотъ станція! Встрѣчаетъ
Смотритель съ заспаннымъ лицомъ,

Мундиръ потертый надѣваетъ,
Стоитъ у двери и потомъ
Выходитъ вонъ, ворча сквозь зубы.
А я, освободясь отъ шубы,
Томимъ зѣвотой и лѣнивъ,
Сажусь, сигару закуривъ.
Пока со сна ямщикъ впрягаетъ,
Пока, колеблясь и треща,
Уныло сальная свѣча
Передо мною нагараетъ—
Часы стѣнные въ тишинѣ
Одно и тоже сипло, глухо
Лепечутъ въ мѣрной болтовнѣ,
Какъ сумасшедшая старуха.
И какъ-то жутко! Духъ въ груди
Тѣснится; думы смутно бродятъ:
То будто горе впереди,
То будто призраки проходятъ
Людей минувшихъ и опять
Судьба готова повторять
Всѣ жизни тяжкія мгновенья,
Ошибки, скорби и волненья...
Но полно! Звякнула дуга;
Нѣтъ времени для грусти праздной
Подъ звукъ часовъ однообразный:
Теперь минута дорога—
Вѣдь я въ уѣздный городъ ѣду
По тяжбѣ дать отпоръ сосѣду...
Въ уѣздномъ городѣ соборъ.....
Но я спѣшу во весь опоръ

Въ иное каменное зданье
Гдѣ на алтарь инымъ богамъ
Несутъ иное воздоянье:
То правосудья грязный храмъ.
По грязнымъ лѣстницамъ въ большія
Взойду я комнаты—и тамъ
Увижу лицы испитыя
Вокругъ запачканныхъ столовъ;
Тамъ руки грязныя писцовъ,
Скользятъ въ безсмысленной отвагѣ
Перомъ скрипучимъ по бумагѣ
И замѣняютъ всѣ права
Однѣ продажныя слова.
И вотъ судьбы моей отчизны!
И сколько жизней и умовъ
Тутъ гибнутъ,—высказать нѣтъ словъ,
Хотите—совершайте тризны.

10.

Но кони мчатся на востокъ,
Луна потухла. По немногу
Разсвѣта трепетный потокъ
Яснѣй ложится на дорогу,
И, свѣтомъ пурпурнымъ горя,
Встаетъ студенная заря,
И солнце въ выси блѣдно-синей
Блеститъ надъ бѣлою пустыней...

НЕ МНОГИМЪ.

Я покидалъ васъ, но безъ слезъ—
Лѣта навѣяли мнѣ стужу,
И тайный взрывъ сердечныхъ грозъ
Уже не просится наружу.
А сердце ныло въ тишинѣ
Въ часъ разставанья, часъ печали,
И въ сокровенной глубинѣ
Нѣмыя скорби осѣдали.
Такъ подъ корою ледяной
Зимою скрытый—осторожно,
Ни кѣмъ не слышимъ—ключь живой
Трепещетъ сжато и тревожно.

—

НОЧЬ

(Посвящено Г—у и Н—и.)

Per me si va tra la perduta gente...

Dante.

I.

По скату длинному дороги
Я шелъ задумчивой стопой,
Томимый грозною тоской
И скорбью внутренней тревоги.
По лону низменной земли
Окутанъ дымкою сѣдою
Тянулся городъ и вдали
Терялся слитый съ поздней мглою.
Уже я смутно различалъ
И трубъ и кровель лѣсъ дремучій;
Надъ ними вѣтеръ бушевалъ
И сѣрыя бродили тучи.
Неслышнымъ шагомъ кралась ночь
И—стогны въ сумракъ поглощая—

Пришла туманная, сырая;
Ея дыханья превозмочь
Не въ состояньи было тѣло
И—содрогаясь—холодѣло.
Уже зажглися фонари
И въ небѣ, въ мглѣ сыраго пара,
Блеснула трепетомъ зари,
Иль дальнимъ заревомъ пожара;
И эта ночь и этотъ свѣтъ
Казались полны духомъ бѣдъ.

2.

Пошелъ я улицею длинной;
Дома дремали въ тишинѣ
И было въ городѣ пустынно...
Но съ каждымъ шагомъ стали мнѣ
Встрѣчаться чаще пѣшеходы,
Трещалъ все ближе стукъ каретъ,
Блеснулъ изъ лавокъ яркій свѣтъ,
И какъ колыблемыя воды
Задвигались толпы людей,
Ряды колесъ и лошадей,
И стукъ и говоръ поминутный
Слилися въ гулъ враждебно-смутный.
И шелъ я медленной стопой
Въ разгарѣ бѣшеномъ столицы,

И съ безпокойною душой
Невольно вглядывался въ лицы,
Межъ тѣмъ какъ быстро тѣнь по нимъ
Мѣнялась съ блескомъ огневымъ.
  И вотъ мнѣ, съ ясностью безплодной
Мелькнувъ среди бродящихъ думъ,
Мучительно пришло на умъ,
Неотразимо, безотходно—
Сознанье, что я всѣмъ чужой,
Что между нами есть преграда
И что—не только что со мной—
Они чужіе межъ собой
И связаны привычкой стада...—
  Вотъ домъ огромный. У дверей
Стоитъ швейцаръ въ ливреѣ странной,
Пузатый, пудреный, жеманный,
И держитъ, съ важностью царей
Храня надменно видъ свирѣпый,
Надъ глупой тростью шаръ нелѣпый.
А въ окнахъ бродитъ блескъ огней
И тѣни шаткія гостей
Снуясь—блуждаютъ. Пиръ исправенъ,
Гостямъ хозяинъ саномъ равенъ:
Ему подобно искони
Земли властители они
И не уступятъ, величаво
Держась за вѣковое право,
Клочка пустаго ни на шагъ,
Гдѣ отдохнуть бы могъ бѣднякъ,
Взглянуть—усталый—хоть ошибкой

На жизнь съ довѣрчивой улыбкой.
Лакеи служатъ. Межъ гостей,
Нарядныхъ, важныхъ и недружныхъ,
Несется трескотня рѣчей
Неоткровенныхъ и ненужныхъ;
И между тѣмъ, страшна какъ мгла
Въ ночи глухой, ночи беззвѣздной,
Бездонно холодно легла
Межъ ними внутренная бездна!
Ее—дни, мѣсяцы, года—
До самаго конца ихъ вѣка
Не переступитъ никогда
Живое чувство человѣка!
Сошлись,—ихъ вмѣстѣ держитъ ложь,
Лакейство съ жадностію льстивой
И чванства духъ сребролюбивый;
А въ тайнѣ зависть точитъ ножъ
И клевета въ норѣ сокрытой
Шипитъ змѣею ядовитой...
И связи между ними нѣтъ!
Все это шутка или бредъ!
  А этотъ нищій, тощій, блѣдный,
Оборванный, чей злобный взглядъ
Тайкомъ слѣдитъ прохожихъ рядъ,
Забывшихъ дома грошъ свой мѣдный?
А этотъ жирный адвокатъ,
Своихъ кліентовъ воръ законный?...
Одинъ, въ трактирѣ, полусонный
Сидитъ, едва вращая взглядъ
Съ довольнымъ видомъ равнодушья,

Одинъ наѣвшись до удушья,
Напившись такъ, что жаръ съ ланитъ
Красносинѣющихъ палитъ...
А этотъ настырь, заточенный
Въ свой бѣлый галстухъ?... Онъ несетъ
Подъ мышкой томъ позолоченный,
Онъ завтра въ немъ строку найдетъ,—
У черни съ высшей точки зрѣнья
Отниметъ сладость воскресенья...
Нѣтъ, нѣтъ! клянусь: тутъ связи нѣтъ!
Тутъ только шутка или бредъ!
Тутъ трупъ общественнаго зданья
Въ дырявой мантіи преданья!

3.

Вотъ улица, гдѣ блескъ и шумъ
Пугаютъ удивленный умъ.
Сорвавшись съ цѣпи злыхъ печалей
Сюда со всѣхъ концовъ земли
На пиръ безумныхъ вакханалій
Толпы несмѣтныя пришли.
Здѣсь юноша отважно праздный
Спѣшитъ растратить свѣжесть силъ,
И старецъ дряблый пріютилъ
Развратъ безсильный, безобразный.
Кипитъ, тревожный жаръ тая,

Страстей подземная струя
И въ этой улицѣ безъ мѣры
Державно царствуютъ гетеры,
И увлекаютъ за собой
Небрежной легкостью нарядовъ,
Движеньемъ поступи лихой,
И плечь нагою бѣлизной
И томнымъ сладострастьемъ взглядовъ.

Кого въ проулкѣ близь угла
Ты ждешь, красотка молодая?
Кого улыбкою лаская
Ты нынче на ночь зазвала?
Какъ?... Этотъ остовъ?... тѣнь мущины?...
Я знаю на челѣ его
Остались рѣдкія сѣдины,
Лицо худое у него
Изрыли раннія морщины;
Но—бѣдная! Онъ золъ и глупъ,
Въ развратѣ холоденъ и грубъ.
Да!... но какъ хлѣбъ тебѣ онъ нуженъ!...
Ты съ нимъ идешь. Вашъ буйный ужинъ
Встревоженъ розовой зарей...
Довольно! Шутки площадной
Наслушалась до отвращенья;
Съ тобой онъ пилъ до одуренья,
Теперь вези его домой!
Вотъ спальня. Въ ней царитъ молчанье,
Скрываютъ сторы дня набѣгъ,
И длится ночь, и жаркихъ нѣгъ
Таится робкое дыханье.

Теперь онъ какъ бы счастливъ былъ!
Но голова его повисла,
Едваль онъ—пьяный—сохранилъ
Для наслажденья каплю смысла!
И послѣ тягостнаго сна
Вы разстаетесь... Онъ уходитъ
И остаешся ты одна.
Печальный лучь сквозь сторы бродитъ;
Все пусто! Съ скукой и тоской
Ты привстаешъ и ручкой нѣжной
Играешъ длинною косой
На грудь упавшею небрежно;
Твой взоръ разсѣянъ и унылъ,
Улыбку на устахъ смѣнилъ
Неясной думы слѣдъ печальный...
На память край приходитъ дальній,
Твой бѣдный, мирный городокъ,
Земли укромный уголокъ,
Пріютъ весны первоначальной.
Ты помнишъ садъ и поздній часъ,
И робкій ропотъ старой ивы,
И юношу, и въ первый разъ
Слова любви, любви стыдливой,
Такъ простодушной, какъ потомъ
Тебѣ не встрѣтилось ни въ комъ.
Ты плачешъ? Юныхъ грезъ утрата
Невольно сердце шевелитъ;
Но въ страхѣ мысль твоя спѣшитъ
Забыться въ образахъ разврата...
А знаешъ что?... Умри скорѣй!

Умри по раньше! не жалѣй!
Смерть—слово горькое для слуха,
Да развѣ лучше жизни нить?
И знаешь ли какъ гадко жить
Голодной, брошенной старухой!

4.

Но далѣ улицы пустѣй
Каретъ слабѣе отголосокъ,
Туманъ становится густѣй.
Тутъ льется Темза. Берегъ плосокъ,
Рѣка съ свинцовымъ блескомъ водъ,
Черезъ нее мостовъ наметъ;
Кой гдѣ гнѣздясь людскія тѣни
Чернѣютъ въ смрадѣ испареній;
Къ нимъ страшно близко подойти
Зловѣщія, тупыя рожи!
Спѣшитъ испуганный прохожій
По запоздалому пути,
Почуя въ мракѣ безъ движенья
Глухія тайны преступленья.
А завтра прозвѣнитъ звонокъ,
Пойдутъ свистки со всѣхъ дорогъ,
Пойдетъ вседневная работа;
Торговли гордая забота
Товаръ громадный двинетъ свой,

Облитый нищенской слезой
И градомъ трудоваго пота.
Всѣ призраки воскреснутъ вдругъ;
Надъ бѣднымъ міромъ воспрянутъ власти—
Храня общественный недугъ,
И вновь помчится вихрь несчастій...
О родъ людской! о родъ людской!
Куда спѣшишъ ты въ этомъ шумѣ?
Гдѣ отдохнетъ твой мозгъ больной
На жалкомъ поприщѣ безумій?...

5.

И вотъ въ далекія края
Меня влечетъ воспоминанье,
Къ тебѣ, о родина моя!
Гдѣ ранней жизни трепетанье
Я дѣтскимъ слухомъ понималъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ я страдалъ,
Гдѣ, заглушая все что больно,
Я тратилъ юность своевольно,
Какъ будто мнѣ была она
На вѣки вѣчные дана;
Страна, къ которой такъ невольно—
Съ годами всасываясь въ кровь—
Привычкой стала мнѣ любовь,
И гдѣ оставилъ я унылыхъ,

Немногихъ близкихъ, сердцу милыхъ,
И множество ненужныхъ лицъ,
Да нѣсколько родныхъ гробницъ.
Печальной родины природа
Со мной дружна, давно своя...
Привыкъ я долгіе дни года
Смотрѣть на бѣлыя поля,
Когда отъ стужи не трепещетъ
Морозный воздухъ, день безъ тучъ
И разсыпаясь яркій лучь
По снѣгу искристому блещетъ,
Иль даль, бѣлѣясь при лунѣ,
Мерцаетъ въ грустной тишинѣ...
И длится, длится вечеръ длинный,
Печально бродитъ отблескъ свѣчъ
И сердцу памятную рѣчь
Томяся шепчетъ духъ пустынный.
Но вотъ смягченъ зимы набѣгъ
И тихо грѣя солнце пышетъ,
Тепломъ дремотный воздухъ дышетъ
И таетъ пожелтѣлый снѣгъ,
И рѣчка, взламывая льдины,
Бурлитъ и брызжетъ у плотины.
Вотъ почернѣлъ знакомый путь,
Пробилась робко зелень въ полѣ,
Душистый листъ на свѣжей волѣ
Спѣшатъ деревья развернуть
И пѣсни вечеромъ веселымъ
Далеко слышатся по селамъ;
Перекликанья соловьевъ

Всю ночь тревожатъ сумракъ сада,
Съ зарей пастухъ выводитъ стадо
На склонъ прибережныхъ дубровъ;
Береза свиснувшею сѣнью
Качается подъ говоръ водъ;
Пастухъ объятъ блаженной лѣнью
И пѣсню звонкую поетъ;
Звучитъ теряясь безотзывно,
Напѣвъ протяжный, заунывный,
А плакать слушая легко,
Куда то смутно мысль несется
И между тѣмъ внутри живется
Такъ безконечно широко!

6.

Но ближе въ жизнь людей вступая,
На томный міръ роднаго края
Иначе взглянешъ. Станетъ жаль;
Все ненавистно, все такъ больно,
Тяжелый ужасъ и печаль
Охватятъ холодомъ невольно.
Какъ ихъ безбрежныя поля
Безгласны люди. Отъ Китая
До стѣнъ недвижнаго Кремля,
Подъ дикимъ гнетомъ изнывая,
Томится русская земля.

Живутъ и мрутъ среди смиренья
Въ молчаньи вяломъ поколѣнья.
Молчитъ запуганный мужикъ
Подъ розгой маленькихъ владыкъ;
Его чиновникъ грабитъ смѣло;
Въ трудѣ проходитъ жизнь его
И не приноситъ ничего;
Проходитъ тускло...Послѣ тѣло
Кладутъ какъ вѣтошь въ темный гробъ,
Надъ нимъ бормочетъ пьяный попъ,
Да бабы вопятъ...Жизнь безцвѣтна,
Безрадостна и не привѣтна,
Смерть равнодушна и дика,
И скорбь на сердцѣ велика!
И тотъ изъ насъ, кому наука
Раздвинула границы думъ,
На привязи свой держитъ умъ,
Снѣдаемъ праздностью и скукой.
Кругомъ помѣщики глупцы,
Рабы, нахалы, подлецы,
Попы, мундиры голубые,
Воровъ казенные полки,
Да мѣры къ лучшему тупыя,
Да плеть, да ссылки, да штыки;
И чья то воля будто правитъ,
И сверху внизъ все давитъ, давитъ,
И тѣсно, тяжело дышать,
И хочется бѣжать, бѣжать,
Куда нибудь уйти скорѣе
Отъ этой жизни пытки злѣе,

Изъ этой грязи вѣковой,
Отъ этой родины святой!

7.

Уйти?..Куда?.. Въ юдолѣ шумной,
Гдѣ люди бѣсятся и мрутъ,
Найдется-ль гдѣ нибудь пріютъ
Свободно-мирный и разумный,
Гдѣ жизнь свѣтла и глубока,
Какъ величавая рѣка
Моглабъ путемъ не своенравнымъ
Широко течь въ движеньи плавномъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ пріюта нѣтъ!
И всюду рабства тощій бредъ!
Иди чрезъ снѣжныя вершины
Вѣчно-величественныхъ горъ,
Спустися въ свѣжія долины,
Иль вырываясь на просторъ—
Переплыви въ тревогѣ рьяной
Разливъ немолчный океана,
Вездѣ найдешъ одинъ отвѣтъ:
Пріюта нѣтъ! пріюта нѣтъ!
Живи подъ тяжестью терпѣнья,
И съ чувствомъ горькаго презрѣнья,
И равнодушіемъ бойца
Жди неизбѣжнаго конца.

Да! Смерти строгія картины
Въ воображеніи моемъ
Проходятъ чередою длинной...
Но при сверканьи роковомъ
Косы рѣшительнаго взмаха
Нѣтъ ни смущенія, ни страха.
Людей предсмертныя черты
Тѣснятся въ міръ моей мечты:
Ея-ль внезапное созданье,
Иль гдѣ то видѣннаго сна
Знакомое припоминанье, —
Но смертью мысль моя полна
И слышитъ робкое вниманье
Предсмертной поступи шатанье...

8.

Я помню образъ молодой
Борьбы и страсти отпечатокъ;
Въ немъ бился съ внутренней тоской
Могучей юности остатокъ
И человѣкъ сказалъ себѣ:
"Оставимъ міръ его судьбѣ!
Страданья тягостны и лживы
И жертвы тщетныя смѣшны:
Мы нѣги сладостные сны
Осуществимъ пока мы живы,

Пока могила не взяла
Холодно-блѣднаго чела".

И наслажденье молодое
На югѣ дальнемъ онъ искалъ,
Гдѣ у подножья желтыхъ скалъ
Ликуетъ море голубое,
И день сіяющъ, и пышна
Надъ ночью синею луна.
Лежитъ на мраморныхъ колоннахъ
Спокойно замка пышный кровъ;
Тамъ лики мраморныхъ боговъ,
Картины въ рамахъ золоченныхъ
И вѣетъ запахомъ цвѣтовъ.
Кругомъ зеленый трепетъ сада;
Снотворно льется въ лѣтній зной
Мѣрно-урчащею струей
Фонтановъ свѣжая прохлада;
Съ террассы видно—лоно водъ
Въ даль безконечную идетъ.

Тамъ—сынъ неугомонной воли,
Бѣглецъ полезнаго труда,
Въ который онъ не вѣрилъ болѣ,—
На передсмертные года
Себѣ причудливо устроилъ
Пріютъ, гдѣ любовался взоръ
На гармоническій просторъ.
Хоть онъ и тутъ не успокоилъ
Духъ затаенной жажды дѣлъ,
И тутъ забыть онъ не умѣлъ
Всей злобы думъ непримиримыхъ

Противу золъ неисцѣлимыхъ,
И тутъ какъ безотвязный другъ
Тоски подавленной недугъ
Не разъ владѣлъ его душою,
Не разъ за трапезой нѣмою
Безплодной пѣной отшипалъ
Его нетронутый бокалъ;
Но онъ упорно съ страстью жадной
Минуты счастія ловилъ
И жизни каждый звукъ отрадный
Ему глубоко внятенъ былъ.
Онъ сладко пѣлъ, когда лѣниво
По зыби трепетной — луной
Посеребряннаго залива—
Ладья, укачивая, шла
Подъ плескъ нырявшаго весла.
Порой въ огняхъ блистала зала,
Гремѣлъ оркестръ въ вечерній часъ,
То извиваясь, то рѣзвясь —
Вакханка гибкая плясала...
А онъ любилъ. Онъ торопливо
Прощаясь съ жизнью прихотливой,
Пилъ съ жгучей жаждою въ крови
Струи послѣднія любви.
При свѣтѣ лампы одинокой
Въ тиши таинственныхъ ночей
Ловилъ онъ мягкій шелкъ кудрей
И ласки дѣвы черноокой,
Дрожанье персей, вздохъ глубокой
И шопотъ вкрадчивыхъ рѣчей;

Любовь несытая хотѣла
Волненья молодаго тѣла,
Чтобъ замирая близь него
Дыханье жаркое горѣло,
Чтобъ жилка каждая его
И трепетала бы и млѣла
И онъ впадалъ бы въ смутный сонъ,
Весь упоеньемъ истомленъ.
Онъ отжилъ быстро. Въ часъ урочный
Онъ зналъ, что средства безпомощны,
Что скоро тайной боли гнетъ
Натугу тѣла разобьетъ.
Ему вѣнкомъ главу обвили,
Его на берегъ положили,
Откуда видно — лоно водъ
Въ даль безконечную идетъ,
Была пора вечеровая,
И мирно погасавшій день
Прозрачная смѣняла тѣнь,
Ложилась ночь, благоухая.
Склонясь зеленый дубъ шумѣлъ
И звонкій голосъ пѣсни пѣлъ,
И съ ними водъ морскихъ волненье
Въ одно сливалось пѣснопѣнье;
Ему внимая замеръ слухъ,
Остыла жизнь и взоръ потухъ.
Надъ тѣломъ дремлющемъ безъ муки
Торжественно носились звуки
И пролетѣла безъ слѣда,
Мелькнувъ, падучая звѣзда.

9.

Но пропадая въ сумракъ черный
Сокрылся юный призракъ мой,
И номню образъ я иной:
То былъ спокойный, по упорный
И гордый мужъ. Уже сѣдой
По бородѣ сребрился волосъ,
По было тихо и свѣтло
Его высокое чело;
Подобья лжи строптивый голосъ
Со дня рожденья не изрекъ;
Печальный взоръ его былъ строгъ
И, ярко въ душу проникая,
Казнилъ — въ злодѣйствѣ уличая.
Онъ былъ похожъ на тѣхъ людей
Уже давно минувшихъ дней,
На тѣхъ отступниковъ Зевеса
И не поклонниковъ Христа,
Которыхъ строгія уста
Въ словахъ простыхъ, но полныхъ вѣса—
Служили только одному
Простому, здравому уму;
Носитель неподкупныхъ истинъ—
Онъ неходилъ за общій пиръ,
Ему равно былъ ненавистенъ
Прошедшій и грядущій міръ,

И середь племени чужаго
Онъ ничего не зналъ роднаго.
Онъ видѣлъ какъ сквозь тьму вѣковъ,
Чуждаясь дико мыслей здравыхъ,
Стремится съ яростью волковъ
Толпа мучителей кровавыхъ
И съ ними, не глядя куда,
Народовъ жалкія стада.
И вотъ ужъ некуда бѣжать,
И въ бездну упадутъ народы,
И соберутся бушевать
Всѣ силы дикія природы
Съ потопомъ и огнемъ своимъ
Надъ дикимъ племенемъ людскимъ.
Взойдетъ на берегъ новозданный
Быть можетъ новый Девкальонъ
И новый міръ наполнитъ онъ
Породою не меньше странной,
И повторять грядущій родъ
Безумство старое начнетъ.
Но видя общее паденье
Какъ одинокое явленье
Поодаль гордый мужъ стоялъ
И ясность взгляда сохранялъ,
И ждалъ въ печали величавой,
Чтобы подземныхъ силъ привалъ
Жерло мгновенно разорвалъ
И міръ засыпалъ жгучей лавой...

10.

Но ночь уходитъ. Фонари
Блѣднѣютъ съ просвѣтомъ зари
И утро въ тягостномъ покоѣ
Идетъ туманное, сырое...
Душа устала — и разсвѣтъ
Все также полонъ духомъ бѣдъ.

—

БУДУЩНОСТЬ.

Я видѣлъ дѣвочку съ кудрями золотыми
И личкомъ бѣленькимъ, и глазками живыми;
Она въ движеніяхъ безпечна и мила
Вся дѣтской рѣзвостью проникнута была,
Дрожалъ по плечикамъ волнуясь локонъ зыбкой
И ротикъ маленькій былъ озаренъ улыбкой;
А гости не могли восторга превозмочь,
Твердя родителямъ какъ хороша ихъ дочь.
Я на нее глядѣлъ волнуемъ думой вѣщей,
Какъ нѣкогда въ толпѣ, предвидя день тревогъ,
На шумномъ праздникѣ стоялъ пророкъ зловѣщій,
И побѣдить въ себѣ унынія не могъ.
Я думалъ, что дитя роскошно разовьется
Какъ роза пышная, — а изъ подземной тьмы
И страсть подкрадется и горе принесется;
Умрутъ отецъ и мать какъ всѣ умремъ и мы,
И дѣва робкая взойдетъ въ семью чужую,
И жизнь ея пройдетъ средь перемѣжныхъ ссоръ,—
Какъ въ длинномъ снѣ порой, сжимая грудь больную,
Съ какимъ то призракомъ ведется глупый споръ;
Потомъ, отъ старости сердяся и хилѣя,

Умреть она сама, о чемъ то пожалѣя,
И только на стѣнѣ останется портретъ,
Написанный давно, когда то, въ цвѣтѣ лѣтъ...
Быть можетъ внукъ тупой на ликъ случайно взглянетъ
И имя бабушки разсѣянно помянетъ;
А тамъ пройдутъ еще безвѣстные года —
И имени ея не будетъ и въ поминѣ,
И въ мірѣ отъ нея не сыщется слѣда
Какъ послѣ голоса замолкшаго въ пустынѣ...

—

ГОСПОДИНЪ.

(Повѣсть.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ то время таяли снѣга,
Весной дышало. Съ дикой силой
Взрывая ледъ, на берега
Рѣка волнами находила.
Сквозь грязь мелкала зелень травъ
И съ юга прилетѣли нтицы,
Но всежъ упорно видъ столицы
Хранилъ враждебно-зимній нравъ.

Андрей Патапычь, малый славный,
Лелѣять сталъ въ мечтѣ своей
Ручья журчанье, шумъ дубравный
И зелень яркую полей;
Являлся рѣже на обѣды,
Чуждался позднихъ вечеровъ,
Литературныя бесѣды
Его томили. "Много словъ",

Онъ думалъ, "только мало дѣла"...
И даже критика сама,
Сей плодъ нѣмецкаго ума,
Ему до смерти надоѣла.
Онъ началъ думать о себѣ,
О томъ, что молодость проходитъ,
А онъ одно въ своей судьбѣ
Праздношатаніе находитъ.
Печальпо въ уголъ изъ угла
Бродя одинъ въ своей квартирѣ,
Рѣшилъ онъ, что пора пришла,
Чтобъ дѣло дѣлать въ этомъ мірѣ:
Пачать воспитывать крестьянъ,
Въ ихъ нравахъ сдѣлать улучшенья,
Зерно ума и просвѣщенья
Посѣять въ глушь далекихъ странъ.
Рѣшилъ — и въ путь пустился дальній,
Въ свою деревню — край печальный.

Тащился тряскій тарантасъ,
Иванъ дремалъ на козлахъ шаткихъ,
Андрей Потапычь, утомясь,
Качался въ сновидѣньяхъ сладкихъ.
Широкой лентой мягкій путь
Лежалъ безъ грязи и безъ пыли,
Два слѣда лоснистыхъ чуть чуть
Колесы дружныя чертили.
Ямщикъ коней не погонялъ,

Лѣниво двигались ихъ ноги
И колокольчикъ замиралъ...—
Весенней почкой вдоль дороги
Березы пахли, и вдали
По лону ровному земли—
Зеленое и молодое
Тянулось поле озимое.
Садилось солнце и тепло
На землю мирную лило
Румяное мерцанье свѣта
И въ небѣ жаворонокъ гдѣ-то,
Колеблясь трепетнымъ крыломъ,
Прощался звонко съ яснымъ днемъ.
Андрей Патапычь, въ качкѣ мѣрной
Вздремнувъ, очнулся отъ толчка,
Спросилъ какъ смѣна далека
И почему такъ ѣдутъ скверно?
Потомъ, взглянувъ вокругъ себя
На тихій міръ весной согрѣтый,
Природу искренно любя,
Онъ молвилъ: "Хорошо все это?..."
И погрузилъ свой томный умъ
Въ туманъ блаженно-грустныхъ думъ.
Онъ размышлялъ, что неизбѣжно
Онъ сгубитъ молодости цвѣтъ,
Что слишкомъ трудно, безнадежно
Онъ любитъ, вотъ уже пять лѣтъ;
Но не смотря на все страданье,
На жизнь мученій и тоски,
Онъ о любви восноминанье,

Какъ животворное мечтанье,
Хранитъ до гробовой доски.
Онъ думалъ какъ она прекрасна,
Какъ простодушна, какъ мила,
Что за душа въ улыбкѣ ясной,
Какъ ручка у нея бѣла,
Какъ нѣженъ взоръ ея и томенъ,
Весь видъ какъ страстенъ и какъ скроменъ,
Какъ въ мягкомъ голосѣ слышна
Сердечной ласки глубина!
Конечно,—онъ любилъ безгласно,
Да онъ и не захочетъ ей
Безпечной жизни, жизни ясной
Тревожить страстію своей.
О! еслибъ вѣрною сестрою
Она весь вѣкъ ему была,
Ему бы жизнь была мила,
Онъ былъ доволенъ бы судьбою...
Баллады увлеченъ стихомъ
Онъ вспомнилъ, какъ они вдвоемъ
На дачѣ — въ Августѣ, мечтая.
Читали вмѣстѣ послѣ чая.
Конечно, — онъ не пара ей:
Помѣщикъ онъ не многодушный,
Ея-жъ отецъ старикъ бездушный
И мѣтитъ высоко, злодѣй!
И голосъ у него протяженъ,
И кругъ знакомыхъ слишкомъ важенъ!...
Андрей Патапычъ обвинялъ
И самъ себя; онъ отвергалъ

Въ своихъ пріемахъ лоскъ столичный
И замѣчалъ уже не разъ,
Бывало въ зеркало смотрясь,
Что платье сшитое отлично,—
Богъ знаетъ право почему —
Все какъ то не къ лицу ему.
Застѣнчивость его погубитъ!
Одна надежда у него,
Что можетъ быть еще его
За нѣжность женщина полюбитъ.
О! сердцемъ онъ почти герой
И благороденъ по природѣ,
Стремится къ правдѣ и свободѣ,
Не глупъ, не неучь — и порой
Въ наукахъ подвизался смѣло...
Но ей что до того за дѣло?
Онъ вспомнилъ, какъ онъ ревновалъ,
Безмолвствуя въ тоскѣ безмѣрной,
Какъ чаще всѣхъ его смущалъ
Одинъ полковникъ инженерный,
Всегда находчивый въ рѣчахъ,
Высокій, статный и въ усахъ.
Андрей Патапычь съ страстью нѣжной
Тутъ принялся было опять
Любить такъ трудно, безнадежно,
Какъ и назадъ тому лѣтъ пять.
Онъ также вспомнилъ: послѣ бала...
Но тройка вихремъ вдругъ помчала
И, съ шляпой наискось на лбу,

Махнувъ кнутомъ, ямщикъ удалый
Подвезъ къ станцьонному столбу.

Дней нѣсколько, а можетъ больше
(Какъ Чадскій дерзко отвѣчалъ)
Дорога длилася,—не дольше;
Андрей Патапычь поскучалъ.
Уже не задолго до дому,
Подъѣхавъ къ берегу крутому,
Онъ увидалъ—внизу рѣка
Была какъ море широка.
Надъ нею солнце вкось сверкало,
По ней крутясь волна бѣжала,
Кой гдѣ уныло паруса
Какъ точки бѣлыя виднѣлись
И гдѣ то тамъ вдали синѣлись,
Теряясь изъ виду, лѣса.
Въ раздольно-сладостной истомѣ
Андрей Патапычь тутъ вздохнулъ
И переѣхалъ на паромѣ.
Ямщикъ постромки пристегнулъ
И баринъ, погодя немного,
Своей проселочной дорогой,
По кочкамъ шеи не сломивъ,
Домой доѣхалъ здравъ и живъ.

Андрей Патапычь былъ доволенъ:
Знакомый прудъ, знакомый садъ!

Здѣсь дѣтскій возрастъ былъ такъ воленъ!
Здѣсь все, чему бывалъ онъ радъ,
Вновь на глаза его предстало
И чуть до слезъ не взолновало.
Все тотъ же на дворѣ стоялъ
Уныло домикъ деревянный
И мезонинъ довольно странный
Его вершину замыкалъ.
У полусгнившаго забора
Сторожка пса была видна,
Пса—охранителя отъ вора...
Теперь пуста была она;
Соскучась жизнію пустынной
Знать околѣлъ онъ—другъ старинный!
Немного подгнило крыльцо,
По въ домѣ комнаты въ порядкѣ,
На мебели чахлы и складки
И все какъ было на лицо;
Конечно—такъ давно не жили,
Что все покрыто слоемъ пыли.
Вотъ комната: старуха мать
Любила здѣсь чулокъ вязать;
А вотъ и не большая зала,
Здѣсь чай сосѣдямъ разливала.
Вотъ здѣсь отцовскій кабинетъ,
Гдѣ Павла перваго портретъ—
Курносый, съ палкой, въ треуголкѣ.
Старикъ, бывало, здѣсь ходилъ
Въ халатѣ пестромъ и въ ермолкѣ
И трубку исподволь курилъ.

Покойники!... У нихъ порою
Не обходилося безъ ссоръ,
Но большей частью все за вздоръ
И жили дружною четою.
Вонъ видѣнъ памятникъ въ окно...
Теперь они уже давно
Гніютъ себѣ рядкомъ какъ надо
У старой церкви за оградой.

Андрей Патапычь въ эту ночь
Томился. То ли былъ съ дороги
Взволнованъ и разбитъ не въ мочь,
Толь полный грусти и тревоги
Былое время выкликалъ...
Чтобъ ни было, но онъ не спалъ.
Скребнетъ ли мышь, щелей жилица,
Или гдѣ скрыпнетъ половица,
Или бродячей пустотой
Повѣетъ въ тишинѣ ночной,
А у него и духъ спирало
И тѣло въ знобъ и жаръ бросало.
Чуть алымъ трепетомъ горя
Проснулась ранняя заря,
Андрей Патапычь всталъ съ постели,
Одѣлся, растворилъ окно:
Село едва озарено
Виднѣлось. Пѣтухи пропѣли.
За садомъ свѣтлый прудъ лежалъ,
Въ зеленной чащѣ крылись тѣни,
Росой дрожащей листъ блисталъ
И воздухъ утренній дышалъ

Благоуханіемъ сирени.
Андрей Патапычь въ этотъ мигъ
Блаженство тишины постигъ;
Но тутъ онъ вспомнилъ, что однако
Въ деревнѣ жить себя обрекъ
Онъ не безъ цѣли, какъ гуляка
Живущій никому не въ прокъ,
Что пользы общей мысль хотѣла
И стало надо дѣлать дѣло.
Онъ вынулъ привезенныхъ книгъ
Запасъ сулившій много толку
И въ шкапъ разставилъ ихъ на полку:
Творенья Тэйра и другихъ
Новѣйшихъ лѣтъ индустріаловъ,
Еще народныхъ школъ обзоръ
И рядъ практическихъ журналовъ.
Онъ не любилъ до этихъ поръ
Агрономической науки;
Охотнѣе въ цѣпи вѣковъ
Слѣдилъ дѣянія отцовъ
И повѣсти читалъ безъ скуки,
И какъ дитя—на счетъ того,
Что создаетъ нужду людскую,
Что прямо входитъ въ жизнь живую,—
Не зналъ онъ ровно ничего.
Вотъ это-то его и мучитъ!
Но впрочемъ дѣло не уйдетъ:
Займется, кое что прочтетъ,
И самъ пойметъ, и всѣхъ научитъ.

Была суббота въ этогъ день:
Осиливъ старческую лѣнь,
Къ обѣднѣ старики ходили
Своихъ усопшихъ помянуть
И тихо господа молили,
Чтобъ далъ душамъ ихъ отдохнуть;
Взамѣнъ покойниковъ просили,
Чтобы и въ свой чередъ они
Живымъ послали долги дни.
Спѣша на пашню, попъ съ досадой
Пролепеталъ мужей и женъ
Чуть не до тысячи именъ;
Носился ладонъ въ видѣ смрада
И сарачинское пшено,
Молитвою осѣнено,
Побывъ на маленькомъ налоѣ
И чуть не сдѣлавшись святое,
Прошло чрезъ грѣшныя уста
Во славу господа Христа.
По окончаніи обѣдни
Толпою старики пошли
И мирно хлѣбъ и соль несли
И въ барской собрались передней;
Чины дворовые впередъ,
А позади простой народъ.
Андрей Патапычь радъ безъ мѣры
Былъ прежнихъ увидать друзей:
Вотъ дядька старый, дѣтскихъ дней
Ворчливый другъ; но фракъ свой сѣрый
Господской службы ветеранъ
Смѣнилъ на будничный кафтанъ,

И сгорбился, и весь въ морщинахъ,
И бѣлой бородой обросъ,
И тѣло у него тряслось.
А вотъ въ подобныхъ же сѣдинахъ
И поваръ допотопныхъ дней;
А вотъ и маменькинъ лакей,
Который человѣкъ былъ кроткой,
Вязалъ чулокъ и пахнулъ водкой.
А какже сдѣлалась стара
Покойной нянюшки сестра!
И цѣлый міръ вставалъ изъ тлѣнья...
Помѣщикъ полонъ былъ смущенья;
Но не нашлося никого
Крестьянъ знакомыхъ у него.
Всѣ другъ за другомъ подходили
И ручку барскую просили
Облобызать на перерывъ;
Но ручку какъ то отклонивъ
Андрей Патапычь—весь сконфуженъ—
Шепталъ, что сей обрядъ не нуженъ.
Потомъ прикащику велѣлъ
Ужо подать себѣ отчеты,
Затѣмъ, что ходъ конторскихъ дѣлъ
Предметъ особенной заботы,
И завтра утромъ у воротъ
Велѣлъ собрать крестьянскій сходъ.

Сходъ собрался и съ умиленьемъ
Помѣщикъ вышелъ на крыльцо.

Разкланялся, Его лицо
Сіяло чуть не вдохновеньемъ.
Въ его умѣ тѣснилось вдругъ,
Что онъ своимъ крестьянамъ другъ,
Что патріархъ онъ благородный,
А можетъ и трибунъ народный !...
Безъ шляпъ стоялъ предъ нимъ народъ
(Къ чему обычай не понудитъ !)
Вперивъ глаза, разинувъ ротъ,
Всѣ ждали молча ; что же будетъ ?
Андрей Патапычь рѣчь держалъ
(И очень былъ собой доволенъ)
Андрей Патапычь имъ сказалъ,
Что человѣкъ родился воленъ,
И потому онъ даже бъ могъ
Свести ихъ съ пашни на оброкъ.
Хотѣлъ ихъ мнѣнье знать заранѣ,
Затылки почесавъ, крестьяне
Съ единогласіемъ въ отвѣтъ
Сказали : "почему же нѣтъ ?"
Потомъ онъ развилъ мысль благую,
Что надо школу бы завесть ;
Въ ученьи видѣлъ вещь святую
И путь довольство пріобрѣсть.
Науки съ точки зрѣнья строгой
О земледѣліи начавъ,
Замялся какъ то онъ немного—
И слова два еще сказавъ
Объ истинномъ вредѣ засухи,
Велѣлъ имъ поднести сивухи

И воротился въ барскій домъ.
И долго мужики потомъ
Смекали въ болтовнѣ досужей:
"Что?...Лучше будетъ, или хуже?...
А Богъ вѣсть!...Правду говорить
Прикащика пора бъ смѣнить..."
Сначала шибко толковали,
А тамъ какъ будтобъ и устали
Терять слова по пустякамъ
И разошлися по домамъ.

По размышленіи не долгомъ
Сосѣдей навѣстить своихъ
Почелъ Андрей Патапычь долгомъ:
Разъ, чтобы не обидѣть ихъ,—
Съ отцомъ и матерью иные
Друзьями были;—во вторыхъ,
Какъ скучныбъ ни были другіе,
Онъ не простилъ себѣ бы ввѣкъ,
Онъ—просвѣщенный человѣкъ—
Когда бъ оставилъ безъ вниманья
Удобный случай для вліянья.
И тотчасъ началъ онъ съ того,
Что съѣздилъ къ набожной сосѣдкѣ,
Подругѣ матери его,
Старухѣ, жирной домосѣдкѣ,
Хозяйкѣ истинной. Она
Уже и тѣмъ была славна,
Что сѣкла разъ середь недѣли

Дворовыхъ дѣвокъ, чтобъ въ шесть дней
Избаловаться пе успѣли :
Нельзя не остеречь дѣтей !
Потомъ онъ къ старому сосѣду
Поѣхалъ и поспѣлъ къ обѣду.
Старикъ отлично ѣлъ и пилъ ;
Учтивостью извѣстенъ былъ :
Когда подъ часъ лакею въ рыло
Совалъ размашистый кулакъ,
Не измѣнялъ себѣ никакъ
И приговаривалъ : "мой милой !"—
Скупясь на время вообще,
Андрей Патапычь и еще
Къ сосѣду поспѣшилъ другому,
Коннозаводчику лихому ;
Нотомъ къ любителю собакъ,
Потомъ къ сутягѣ записному,
Который былъ съ судьею врагъ ;
И къ господину пожилому,
Котораго признавалъ весь свѣтъ
Однимъ изъ милыхъ вертопраховъ,
И къ старой дѣвѣ, съ юныхъ лѣтъ
Охотницѣ до іермонаховъ,
И подъ наслѣдственную сѣнь
Андрей Патапычь утомленный
Явился на четвертый день.
Но видъ имѣлъ весьма смущенный
И чувство скорбное таилъ,
Что никого не удивилъ,
И былъ неловокъ въ разговорахъ,

И недовольно ясенъ въ спорахъ,
И изъ вліянія его
Не выйдетъ ровно ничего.

Его исправникъ мимоѣздомъ
Поздравить заѣзжалъ съ пріѣздомъ
И звалъ на выборы зимой.
Къ нему сталъ ѣздить становой,
Короткій, толстенькій, вертлявый,
Низкопоклонный и лукавый.
Андрей Патапычь сколько могъ,
Чуждаясь близости постыдной,
Держалъ себя какъ мелкій богъ;
Сперва онъ слушать безобидно
Не могъ чиновничій языкъ,
Языкъ грабительства позорный
И нищенства языкъ притворный,
Въ которомъ слышенъ грязно-дикъ
Развратъ неловко затаенный;
По послѣ ко всему привыкъ,
Смотрѣлъ на вещи благосклонно,
Иное извинялъ слегка
Несчастной долей бѣдняка
И принимать сталъ безъ боязни
Подобострастный знакъ пріязни.

Страшась минуту потерять
Въ трудѣ исполненномъ значенья,

Онъ ради школъ и просвѣщенья
Рѣшился что нибудь начать.
И на базарѣ добылъ книжку,
Не новую для нашихъ дней,
И началъ азбукѣ по ней
Учить двороваго мальчишку;
Сперва день каждый, не лѣнясь,
Потомъ въ недѣлю по два раза,
Потомъ училъ въ недѣлю разъ.
Его усердіе отъ аза
Тихонько подъ гору все шло
И скромно вовсе прилегло,
И онъ, не жертвуя химерѣ,
Ученье прекратилъ на херѣ.

Хозяйству посвящая день,
Андрей Патапычь былъ намѣренъ
Изгнать обычной жизни лѣнь
И плану былъ сначала вѣренъ;
Но скоро убѣдилъ его
Кузьма Терентьевъ, что напрасно
Вводить оброкъ, и для чего?
Что мужики народъ опасный
И не заплатятъ ничего;
Что, если съ добротой всегдашней
Помѣщикъ быть крестьянъ своихъ
(Однюдь не допуская шашней)
Улучшить хочетъ,—должно ихъ

По прежнему держать на пашнѣ.
Въ отчетахъ вѣрность увидавъ
И цифры все встрѣчая тѣже,
Андрей Патапычь вышелъ правъ,
Что сталъ заглядывать въ нихъ рѣже.
Кузьма Терентьевъ управлялъ,
А баринъ, позабывъ заботу,
Иль просто по лѣсу гулялъ,
Иль страсть почувствовавъ къ болоту,
Съ утра сбирался на охоту
И поздно приходилъ домой,—
Когда уже и солнце сѣло
Давно далеко за рѣкой
И поле тихое темнѣло,
Свѣтились звѣзды въ синевѣ,
Шелъ паръ душистый по травѣ,
Коростеля въ тиши глубокой
Томился голосъ одинокой...
Андрей Патапычь той порой
Касался къ заживавшей ранѣ
Своей любви непонятой;
Но и любовь уже въ туманѣ
Тонула зыбко день за днемъ,
И онъ обычнымъ шелъ путемъ
И расплывался въ грустной лѣни,
Неясной какъ ночныя тѣни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Іюлѣ жаркій лѣтній день.
Андрей Патапычь, другъ покоя,
Въ лѣсу отъ тягостнаго зноя
Искалъ спасительную тѣнь.
Деревья колыхались хоромъ
И лѣсъ былъ занятъ разговоромъ
Зеленыхъ листьевъ и вѣтвей,
И въ немъ былъ слышенъ робкій шопотъ
Какихъ то ласковыхъ рѣчей,
Или глухой, далекій ропотъ
Народной смуты, иль зыбей
Вдоль по безбрежію морей;
Надъ лѣсомъ небеса сіяли,
Лучи сквозь чащу проникали,
Тѣней и свѣта мелькомъ взоръ
Слѣдилъ трепещущій узоръ;
По вѣтвямъ птицъ народъ болтливый
Порхалъ и прыгалъ суетливо,
И насѣкомыхъ пестрый рой
Жужжалъ въ травѣ и надъ травой;
А воздухъ въ медленномъ движеньи
Дышалъ и мягко и тепло,
И человѣкъ, склонивъ чело,
Дремалъ и слушалъ въ упоеньи.
Андрей Патапычь на траву
Подъ дубомъ легъ въ тѣни прохладной

И тихо грезилъ на яву...
О чемъ?...Богъ вѣсть! Но такъ отрадно,
Такъ чувствомъ жизни поглощенъ,
Какъ грезитъ дней весною ранней
Дитя баюканное няней
Подъ пѣсню внятную сквозь сонъ.
Но вдругъ онъ слышитъ—голосъ женскій
Въ раздольи груди деревенской
Далеко по лѣсу поетъ,
То звонко льется, то замретъ,
Потомъ все ближе, все звучнѣе...
Андрей Цатапычь поскорѣе
Вскочилъ, вздрогнувъ, и еле живъ
Стоялъ дыханье притаивъ.
Вотъ птичка ближняя вспорхнула,
Пугаясь шелеста шаговъ...
Изъ за встревоженныхъ кустовъ
Головка смуглая мелькнула.
По щечкамъ смуглымъ разгорясь
Бродилъ румянецъ, и дорогой
Коса роскошная немного
Изъ подъ гребенки развилась
И колебалась непокорно
Вкругъ смуглой шейки прядью черной;
Въ дыханьи частомъ утомясь
Уста разкрылись и алѣли,
И очи черные блестѣли...
Вотъ на двѣ стороны клонясь
Дрожитъ орѣшникъ разступясь—
И образъ дѣвушки красивой
Остановился боязливо.

Она гибка, она стройна;
Хоть дурно платьенце простое,
Но прелесть юная видна
На зло шитву, въ плохомъ покроѣ;
Едва ли ей осьмнадцать лѣтъ
Начелъ бы деревенскій свѣтъ.
Она за спѣлою малиной
Блуждала по лѣсу съ корзиной;
Взглянула, закричала: "ахъ!"
Бѣжать хотѣла въ тороняхъ,
Но свой норывъ остановила
И только глазки опустила.
Андрей Натапычь на нее
Глядѣлъ безмолвно какъ на чудо;
Но ободрясь спросилъ ее —
И кто она, и шла откуда?
Она—"изъ вашего села",
Сказала, "Катя, дочь лакея".
А онъ, любуясь и робѣя,
Шепнулъ невольно: "Какъ мила!"
И покраснѣлъ, и Катя тоже,
И оба вдругъ потупя взоръ
Стояли на дѣтей похоже,
За шалость внемлющихъ укоръ....
И разошлись...

Но съ этихъ поръ
Андрей Патапычь, весь разстроенъ,
На днѣ души былъ неспокоенъ.

Боролся онъ съ самимъ собой,
Не вѣрилъ сердца страсти новой,
Считалъ ее за бредъ пустой,
Хотѣлъ за трудъ приняться снова,
Чтобъ пылъ души угомонить
И чувство глупое забыть:
А какъ то все его тянуло—
Пройти случайно близъ дверей
Избы, гдѣ жилъ старикъ лакей...
Дверь можетъ вѣтромъ разпахнулобъ,
И личко смуглое мелькнулобъ
И сердце вздрогнулобъ сильнѣй;
Пройти случайно мимо оконъ—
Не встрепенется-ль черный локонъ...
Уже подмѣтивъ ранній часъ,
Когда росистою тропою
Ходила Катя за водою,—
Онъ до зари вставалъ не разъ,
Чтобъ повстрѣчаться ненарочно
И поклониться непорочно,
Онъ даже (скользокъ жизни путь!)
Хоть презиралъ святые бредни,
Въ воскресный день ходилъ къ обѣднѣ,
Чтобъ только на нее взглянуть!
Иванъ, какъ человѣкъ бывалый,
Подмѣтилъ все. Разсчелъ, что могъ
При этомъ выиграть не мало,
Что барскій выгоденъ порокъ,
И—какъ столичный психологъ—
Рѣшился какъ нибудь случайно

Заставить вспыхнуть пламень тайный.
И вотъ по утру, той порой,
Какъ въ силу званія и чина,
Онъ руки барскія невинно
Студеной орошалъ струей
Изъ разноцвѣтнаго кувшина,
А баринъ фыркалъ и плескалъ—
Съ ланитъ господскихъ грязь смывая,—
Онъ вдругъ нечаянно сказалъ,
Какъ будто что то вспоминая:
"Вы Катю знаете? Она
Въ васъ просто сильно влюблена."—
Все было кончено! Мгновенно
Андрей Потапычъ обомлѣлъ
И задрожалъ, и поблѣднѣлъ,
Сказалъ Ивану раздраженно,
Чтобъ вздору говорить не смѣлъ;
А самъ повѣрилъ откровенно
И страсть губительнымъ огнемъ
Тревожно разгорѣлась въ немъ,
И самолюбьеце пустое
Задѣто было за живое.
Но Боже мой! Ужели онъ
Любви недавнее страданье
Забылъ какъ мимолетный сонъ?
Ужель о ней воспоминанье
Онъ смѣнитъ на пустую связь
И окунется въ эту грязь
Дворовыхъ сплетенъ, барской власти—
Роднаго края злой напасти,

Которую до этихъ поръ
Онъ ненавидѣлъ какъ позоръ?
О! какъ онъ слабъ? какъ сердце шатко!
Какъ жизнь идетъ смѣшно и гадко!

Въ аллеѣ дальней, темной сада,
Гдѣ въ полдень вѣяла прохлада,
Сливались съ шопотомъ листовъ
Слова двухъ тихихъ голосовъ:
"Нѣтъ, нѣтъ! не такъ меня ты любишъ!"—
"Да какъ же васъ еще любить?"—
"Нѣтъ! ты дитя. Меня ты сгубишъ
И не замѣтишъ можетъ быть!
Ну—поцалуй!..." "Ахъ! страшно стало!
Ну! вдругъ увидитъ кто нибудь?..."
И вотъ припавъ къ нему на грудь
Она его поцаловала.—
"Ты приходи ужо ко мнѣ!
Всѣ въ домѣ будутъ спать глубоко,
Ты только свѣчки одинокой
Увидишъ свѣтъ въ моемъ окнѣ...
Придешъ?..."—"Боюсь—отецъ узнаетъ!"—
"Онъ не узнаетъ ничего!
И что бояться намъ его?..."
"Ахъ! кто нибудь да разболтаетъ!"—
"Придешъ?"—"Не знаю!... Ну! приду..."—
И мѣрно слышенъ былъ въ саду
Самодовольный шагъ мущины,
И видно было—за куртины,

Пугливо удаляясь, шли
И торопилися двѣ ножки
И платье бѣлое вдали
Еще мелькало вдоль дорожки.

Андрей Потапычь въ этотъ день,
Сказавъ что отдыхъ что то нуженъ,
Что голова болитъ и лѣнь,—
Себѣ спросилъ по раньше ужинъ.
Потомъ сердился, что Иванъ
Такъ долго роется въ буфетѣ,
Подумалъ даже, что онъ пьянъ
И побранить имѣлъ въ предметѣ ..
Но тише!... Замеръ глупый стукъ
И въ домѣ смолкъ за звукомъ звукъ,
И въ окны звѣздами мерцая,
Глядѣла молча ночь глухая.
Ни зги не видно! Чу!... постой!
Какъ будто шорохъ ухо слышитъ...
То праздный вѣтеръ въ тьмѣ колышетъ
Деревья сада... Боже мой!
Какъ сердце бьется! грудь чуть дышетъ
И крови трепетный притокъ
Въ виски стучитъ какъ молотокъ.
Вотъ сторожъ въ колоколъ докучный
Съ просонокъ треократно бьетъ,
И робко гулъ въ ночи идетъ
И замираетъ въ мглѣ беззвучной.
Ужель обманетъ—не придетъ?

Но что то движется впередъ
Къ крыльцу—подобно черной тѣни,
И тихо скрипнули ступени
И ручка мѣдная замка
Пошевельнулася слегка.

По утру дворня вся узнала
Гдѣ Катя ночку ночевала.
Кто первый слухъ пустилъ въ народъ?
Богъ знаетъ! Кто ихъ разберетъ?
Сама знать Катя разболтала,
Скорѣй похвастаться желала.
И быть иначе не могло:
Помѣщикъ не простой любовникъ,
Какъ кучеръ, иль какой садовникъ;
Отъ нихъ ни жутко, ни тепло,
А быть наложницею барской—
Тутъ тотчасъ превосходство есть,
Какой то призракъ власти царской
И самъ развратъ идетъ за честь;
Пойдутъ поклоны съ приношеньемъ
Всѣ дѣвки съ зависти себѣ
Обгложатъ ногти и къ тебѣ
Прикащикъ самъ придетъ съ почтеньемъ.
Въ селѣ пропала тишина,
Страстишекъ рой проснулся гадокъ—
Какъ ила грязнаго со дна
Внезапно взболтанный осадокъ.

Неугомонный толкъ пошелъ
Дворовой кучки въ мелкомъ мірѣ;
Иной былъ радъ, другой былъ золъ,
Кто рѣчь на улицѣ повелъ,
Кто совѣщался на квартирѣ.
Иной прикащика хвалилъ,
Ему пророча награжденье;
Другой прикащику сулилъ
Отставку, розги, поселенье;
Рѣшили мужики спроста,
Чтобъ Катѣ поднести холста;
Ея отецъ на все готовый,
Душой не римлянинъ суровый,
Уже ласкалъ въ мечтѣ своей
Тулупъ дубленый вовсе новый
И то, что въ годъ на старость дней
Положатъ двадцать пять рублей;
И даже тетка при разгромѣ
Мечтала ключницей быть въ домѣ,
И даже тетки мужа братъ
Себѣ богатый ждалъ окладъ.
И только дядька престарѣлый
Ни въ чемъ участія не бралъ,
И что то хмурился день цѣлый
И въ одиночествѣ молчалъ.
Давно въ однообразномъ ходѣ
Тянулась старой жизни нить:
Съ закатомъ дня и на восходѣ
Привыкъ онъ съ удочкой ходить
На берегъ пруда, и прилежно

Безмолвно долгіе часы
Глядѣлъ на поплавокъ мятежный
И на движеніе лесы.
Но съ недовольною заботой
Подъ вечеръ памятнаго дня
Угрюмо голову склоня,
Сидѣлъ онъ за своей охотой.
А между тѣмъ кругомъ его
Не измѣнилось ничего;
Все также вечеръ былъ прекрасенъ,
Все также прудъ былъ тихъ и ясенъ,
Все также рѣзво кое гдѣ
Круги мелькали по водѣ;
Все также вѣковой березы
Листы, висѣвшіе надъ нимъ,
Шептали шопотомъ глухимъ
Про юныхъ дней былыя грозы;
Но что то въ немъ не улеглось,
Какъ будто сердце порвалось,
И рыба какъ то не клевала,
Или срывалася съ крючка,
И чувство скорби выражало
Лицо сѣдаго старика.

•

А Катя?... Катя своенравно
Гордилася сама собой,
Своимъ значеньемъ и красой,—
Съ дня на день болѣе тщеславна.
Уже ея нарядъ простой

Смѣнили платья городскія
И ярко шелковый платокъ
На плечи кругленькія легъ,
Блеснули серги золотыя,
И ленту алую въ косѣ,
Завидуя, хвалили всѣ.
Уже она невольно стала
Смотрѣть на дворню свысока
И совершенно презирала
Привѣтъ простаго мужика.
Уже и кушанье ей слуги
Носили съ барскаго стола,
Ей робко кланялись подруги
На чай прикащица звала.
Когда она по воскресеньямъ
Входила въ церковь,—передъ ней
Толпа склонялась съ уваженьемъ
И разступалась у дверей.
Что грезилось въ ея головкѣ?
Какою бѣсъ дразнилъ мечтой?
Ужъ не казалось ли плутовкѣ,
Что будетъ барскою женой?
Нѣтъ, Катя такъ не шла далеко,
Но власти вождѣленный мигъ
Ловила жадно, и глубоко
Ей лести внятенъ былъ языкъ.
И начинала по немногу
Она сердиться на людей,
Когда кто поперечилъ ей,
Иль не далъ во время дорогу,
И даже къ барину она

Ходила съ жалобой кичливой.
Андрей Потапычь боязливо,
Пугаясь, что нарушена
Домашней жизни тишина,
Пугаясь ссоры иль угрозы,
Сперва ей лаской гнѣвъ смягчалъ,
Потомъ уныло тосковалъ,
Услыша пѣни, видя слезы,
И внемля вкрадчивымъ словамъ
На слугъ сердится началъ самъ.
И какъ же быть? Не для него ли
Она своихъ невинныхъ дней
Пренебрегла безпечной долей
И жизнью мирною своей?
Подверглась завистямъ, упрекамъ,
Враждѣ, двусмысленнымъ намекамъ?
Онъ хочетъ, чтобъ и каплей слезъ
Ей день единый не затмился,
Хоть самому бъ страдать пришлось;
Да и на чтобъ онъ ни рѣшился
За взглядъ, улыбку, звукъ рѣчей,
За сладость жаркаго лобзанья,
За нѣгу медленныхъ ночей,
За эту странность обаянья,
Что къ милой женщинѣ манитъ
Неотразимо—какъ магнитъ?

Шло время. Настунала осень.
Уныло мокрый листъ въ саду

Желтѣлъ и падалъ. Только сосенъ
Осталась зелень на виду;
И та, почуя дни сырые,
Уже безъ запаха смолы
Качала капли дождевыя
Съ печально вымокшей иглы.
Андрей Патапычъ у камина
Сидѣлъ одинъ и размышлялъ;
Осенній ли припадокъ сплина
Его томилъ,—но онъ скучалъ.
У ногъ его широкоглавый
Его товарищъ, песъ лягавый,
Свернувшись въ праздной тишинѣ,
Дремалъ и вздрагивалъ во снѣ.
Впорхнула Катя птичкой вольной...
Но заворчалъ съ просонокъ песъ,
Ея приходомъ недовольный,—
И Катя вспыхнула... Сквозь слезъ
Пошла роптать, что "не похоже.
Ужъ это вовсе ни на что...
Добро ужъ люди за ничто
Грызутъ,—а и собака тоже!..."
А онъ изъ нѣжности къ кому
Позоромъ вѣкъ ея покрылся,
Молчитъ и ничего ему!....
Андрей Патапычъ разсердился
И, снявъ арапникъ со стѣны,
Хватилъ собаку вдоль спины.
Песъ вспрянулъ и прилегъ пугливо,
Поползъ на лапахъ и визжалъ,

И съ видомъ скорби терпѣливой
Стопы хозяина лизалъ.
Андрей Патапычь чуть не вскрикнулъ;
Стоялъ, подавленный стыдомъ,
Арапникъ выпалъ, взоръ поникнулъ
И грудь вздохнуть могла съ трудомъ.
Собаку поласкавъ рукою,
На Катю онъ вгзлянулъ съ тоскою
И самъ себя внутри кляня,
Велѣлъ скорѣй сѣдлать коня
И ускакалъ...Ѣзды тревога
Быть можетъ заглушитъ немного
Весь этотъ внутренній укоръ!
Положимъ, что поступокъ вздоръ;
Но песъ, который имъ наказанъ,
Къ нему былъ истинно привязанъ.

Усталый конь лѣсной тропой
Везъ тихо всадника домой,
Ступая медленнымъ копытомъ
По сучьямъ и листамъ размытымъ.
Осеннимъ вѣтромъ вкось гонимъ,
На встрѣчу дождь хлесталъ, и съ нимъ
Въ одинъ докучный гулъ сливаясь,
Нагія вѣтви колыхаясь,
Шумѣли, наводя тоску;
И мокрый воронъ на суку
Враждебно каркалъ, и сорока
Въ кустахъ болтала родъ упрека,

И тяжко было для души
Средь увядающей глуши.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Передъ шипящимъ самоваромъ
Сидѣлъ прикащикъ за столомъ,
Гдѣ были пряники и ромъ.
Прикащикъ угощалъ не даромъ,
Не даромъ доблести полна,
Его дородная жена
Чай разливала и пыхтѣла:
На первомъ мѣстѣ, гдѣ висѣла
Икона въ ризѣ золотой,
Передъ которой день деньской
Лампада скромная горѣла,—
Сидѣла Катя и была
Невыразимо весела.
Ея веселости причиной
Былъ тотъ пріемъ, съ какимъ въ гостяхъ
Ее встрѣчали во дверяхъ
И величали Катериной
Ильинишной (почетъ большой !)
И угощали на убой.
Кузьма Терентьевъ ловко, тихо,
Со всѣмъ искуствомъ Метерниха,—

О счастливой ея судьбѣ
Ей говорилъ, и о себѣ,
О томъ, что онъ хозяинъ строгой,
Имѣньемъ барскимъ дорожитъ;
За тѣмъ враговъ имѣетъ много,
Но полагается на Бога
И совѣсти не измѣнитъ.
А ей легко въ его защиту—
(Ему-жъ съ ней надо быть открыту,
Какъ есть душа вся на лицо)—
Противъ клеветъ и наговоровъ
Между сердечныхъ разговоровъ
Замолвить барину словцо.
И тутъ-же былъ на вѣкъ священно,
Ненарушимо, откровенно,
Прочнѣе всякихъ кровныхъ узъ,
Межъ ними заключенъ союзъ.
Съ тѣхъ поръ уже безъ опасенья
Кузьма Терентьевъ,—рѣдкій разъ
По волѣ барской, съ разрѣшенья,
А больше вовсе не спросясь,—
Расчеты будь крупны иль мелки,
Въ торгвыя пускался сдѣлки,
Взималъ поборы или сѣкъ
И жилъ какъ важный человѣкъ.

Уже и дождь не капалъ болѣ,
Въ лѣсу все въ инеѣ обленилось,—
Подобіе сѣдыхъ волосъ;—

Застыла грязь въ пустынномъ полѣ
И въ воздухѣ пахнулъ морозъ.
Два раза, тая, снѣгъ ложился
И наконецъ, презрѣвъ тепло,
На землю вихремъ навалился
И стало все кругомъ бѣло.
Въ сарай поставили телѣгу,
Полозья скрыпнули по снѣгу;
Мужикъ въ тулупѣ зябъ и дрогъ
Средь заметаемыхъ дорогъ;
Крестьянка, встрѣтясь узкимъ слѣдомъ,
Болтать не думала съ сосѣдомъ,
И паръ дышалъ изъ устъ ея
И вѣялъ холодъ отъ нея.
Явились въ домѣ—зимъ предтечи—
Двойныя рамы по окнамъ;
Метая уголь стали печи
Трещать до свѣту по утрамъ;
По томно-длиннимъ вечерамъ
Съ обѣда зажигались свѣчи,
И чувствомъ тягостнымъ тюрьмы
Откликнулся приходъ зимы.
Хоть Катя уже мѣсяцъ цѣлый
Переселилась въ барскій домъ
Хозяйкой полною и смѣлой,
Разпоряжалася бѣльемъ,
На слугъ кричала спозаранку,
Имѣла при себѣ служанку,
Бранилась съ ней, и съ ней потомъ
Любила сплетничать тайкомъ;
Но какъ то былъ угрюмъ и мраченъ,
Андрей Патапычъ. Самъ собой

Онъ былъ печально озадаченъ,
Бранилъ весь образъ жизни свой;
Бранилъ себя за слабость нрава,
И чувствовалъ свою вину—
Не извиняяся лукаво,
И видѣлъ, что идетъ ко дну,
И сознавалъ свое паденье,
И пробуждалось угрызенье
И накипъ горечи въ тиши
Все росъ и росъ на днѣ души.
Ужель онъ втунѣ жизнь разтратитъ?...
Оставитъ Катю?...Силъ не хватитъ!
Теперь осталося одно
Спасенье жалкое—вино!
Вино кипитъ и тѣло грѣетъ,
Спадаетъ съ сердца тяжкій гнетъ,
Вновь ожилъ умъ и мысль свѣтлѣетъ,
И снова къ подвигамъ зоветъ;
Андрей Патапычь снова вѣритъ
И самъ себя широко мѣритъ;
Въ чаду вакхическихъ химеръ—
Онъ Мининъ или Робеспьэръ,
Законодатель, зла губитель,
Отчизны доблестный спаситель;
Опять онъ завтра же готовъ
Завесть оброкъ для мужиковъ;
А тамъ, оставивъ всѣмъ по полю,
Совсѣмъ отпуститъ ихъ на волю;
А между тѣмъ какъ баринъ пьетъ—
Кузьма Терентьевъ все сѣчетъ!

И не въ терпежъ пришлося видно;
Хоть на подъемъ и не легки,
А къ барину на гнетъ обидный
Ходили съ просьбой мужики;
Но доказательства всѣ ясны,
Что были жалобы напрасны
И вышло только, что потомъ
Имъ было хуже съ каждымъ днемъ.
Взведенный винными парами,
Андрей Патапычь какъ въ чаду—
То занятъ смутными мечтами
И расплывается въ бреду,
То Катю бѣшено ласкаетъ,
То, будто самъ въ себя взойдя,
Съ досадой на нее глядя,
Ее сердито упрекаетъ
За жизнь свою... Къ чему упрекъ
И всѣ тяжелыя волненья?
Оставить онъ ее не могъ
И послѣ самъ просилъ прощенья.
А Катя?... Какъ сказать?... Она
Его по своему любила,
Прощала много какъ жена;
Съ утра его чесала, мыла,
Порой сидѣла съ нимъ пол-дня
Къ плечу головку прислоня;
Бѣлье чинила пѣсни пѣла
И спать укладывала въ срокъ,
Подать заботливо умѣла
Къ обѣду лакомый кусокъ,

И если дворня замѣчала,
Что баринъ пьетъ не въ добрый прокъ,
Она ворчливо отвѣчала:
"Ужъ и напиться то ему
Нельзя родному моему!"

Не скрылось это поведенье
И, изъявляя всей душой
Сочувствіе и уваженье,
Сталъ часто ѣздить становой.
Андрей Патапычь разъ печально
Сказалъ, по сердцу говоря
Самъ о себѣ, что не похвально
Проходитъ жизнь его и зря;
Но становой спѣшилъ замѣтить,
Что онъ печалится вотще,
Что разсуждая вообще—
Но человѣчески,—то встрѣтить
Примѣры здѣсь весьма легко,
Что есть сосѣдъ не далеко,—
Годами вовсе не моложе,
А крѣпостную дѣвку тоже
Содержитъ, а еще женатъ
И много маленькихъ ребятъ.
Андрей Потапычь радъ былъ тайно:
Потачкамъ онъ не довѣрялъ,
По ждалъ, чтобы его случайно
Хоть кто нибудь да оправдалъ.
И дружба крѣпла по немногу,

И каждый вечеръ становой
Катилъ къ крыльцу черезъ дорогу
Гуськомъ на тройкѣ вороной.
И вотъ затѣялися балы:
Сбиралась дворня середь залы;
Какъ парень ловкій и лихой
Иванъ трудился на гитарѣ,
Гремѣли въ ревностномъ разгарѣ
Раскаты пѣсни плясовой.
Плясала Катя танецъ дикой
Задорно, съ ловкостью великой
Махала бѣленькимъ платкомъ,
Стучать умѣла каблучкомъ,
И баринъ самъ па зло порядку
Пускался съ присвистомъ въ присядку,
Слегка подергивалъ плечомъ,
Ногами сѣменилъ и топалъ,
А становой въ ладоши хлопалъ
Изъ всѣхъ приказныхъ силъ своихъ,
И ѣлъ и пилъ за четверыхъ.

Зима тянулась. Послѣ святокъ
Случилось разъ, что у крыльца,
Съ тревожной гнѣвностью лица,
Старуху тетку за остатокъ
Какой то пряжи грошевой—
Бранила Катя нестерпимо.
Кузнецъ Василій шелъ тутъ мимо
И проворчалъ, махнувъ рукой:

"Вотъ нынче вѣкъ у насъ какой!
И даже старыя старушки
Подъ властью всякой потаскушки!"
А Катя съ теткой на него,
Да какъ піявицы пристали,
Ну всячески ругать его!
Пошли—и барину сказали.
А баринъ выпивъ черезъ край,
Обидѣлся и встрепенулся;
А тутъ прикащикъ подвернулся,
Сказалъ, что Васька негодяй,
Съ нимъ ладить—словъ пустыя траты...
И Ваську отдали въ солдаты!
Пошелъ бѣднякъ мой одинокъ!
Лѣтъ на двадцать попался въ сѣти,
Подъ палку, никому не въ прокъ!
Жена осталась, тоже дѣти.
Поплакали. Да что—жена?
Пожалуй рада, что одна
Безъ мужа можетъ потаскаться!
Солдаткамъ сродно баловаться!
Эхъ жизнь! Какъ поглядишъ—куда
Скверна бываетъ иногда!
Но Катя и сама струхнула:
Ей человѣка было жаль
И въ сердцѣ совѣсть промелькнула...
Онъ за нее понесъ печаль!
Но Богу такъ хотѣлось видно,
Да и въ грѣхѣ сознаться стыдно,
Да показать не худо власть,

Да ужъ случилася напасть—
Такъ не вернешъ! И слезъ не тратя
Поуспокоилася Катя.
А говорилъ ей и отецъ:
"Послушай, дѣвка, наконецъ!
Ты парня согнала со свѣта,
Сгубила ни за что его;
Умру,—не дамъ тебѣ за это
Благословенья моего!"—
И Катя чуть не зарыдала,
Но ободрилась и сказала:
"Вотъ вы какіе! Вотъ для васъ
Поди ты—дѣлай все въ угоду,
А вы готовы дочь какъ разъ
Загрызть на смѣхъ всему народу!..."
И думала (какъ умъ лукавъ!)
Что былъ отецъ ея не правъ.

Уже пришла недѣли шумной
Неугомонная пора,
Гдѣ объѣдается безумно
Вся Русь съ утра и до утра;
Пеклись блины, варилась брага,
И мужики съ прямой отвагой,
Чтобъ погулять передъ постомъ
Копѣйку ставили ребромъ.
И вотъ иная наступила
Пора: великій постъ пришелъ—
Съ своею важностью унылой

Себѣ подумать не далъ сроку,
Вскочилъ весь бѣшеный и злой
И старика ударилъ въ щеку.
Старикъ ни слова не сказалъ
И только старой головою,
Взглянувъ печально, покачалъ—
И вышелъ...И своей тропою
Домой побрелъ себѣ, кряхтя,
Да и заплакалъ какъ дитя.
Но какъ ушелъ онъ оскорбленный,
Андрей Патапычь протрезвѣлъ;
Стоялъ какъ бы оцѣпенѣлъ,
Какъ будто къ полу пригвожденный;
Мгновеннымъ страхомъ съ той поры
Отшибло винные пары.
Когда же взрывъ угомонился,
Онъ тихо въ креслы опустился
И головой пониkъ на грудь,
И молча въ думу погрузился.
Не въ силахъ тѣла повернуть,
Онъ долго внутренно встревоженъ
Сидѣлъ глубоко уничтоженъ.
Потомъ рукой по лбу провелъ,
Какъ будто умъ его закруженъ,
И чувствуя что воздухъ нуженъ,
Пройтись по улицѣ пошелъ.
Встрѣчались люди,—онъ съ испугомъ
Вдругъ поворочивалъ назадъ,
Какъ будто всѣ его карятъ
За обращенье съ старымъ другомъ.

Завидѣлъ онъ издалека
На жалкихъ дронахъ мужика—
И будто слышитъ возгласъ рьяный :
"Вотъ баринъ пьяный ! баринъ пьяный !"
Домой вернулся,—тутъ Иванъ...
А онъ Ивану вдругъ со злобой :
"Что смотришъ ? Думаешъ я пьянъ ?..."
И странно удивились оба.
Къ себѣ приходитъ въ кабинетъ,—
Тутъ Павла перваго портретъ,—
Точь въ точь живой, глядитъ, хохочетъ
И будто палкой стукнуть хочетъ,
Пыхтитъ какъ будто на морозъ
И дерзко вздергиваетъ носъ,
И говоритъ самодержавецъ :
"Пошелъ ты пьяница, мерзавецъ !"
Вездѣ встрѣчаетъ слухъ и взоръ
Или насмѣшку, иль укоръ ;
Онъ слушать, онъ глядѣть не смѣетъ
И тайный ужасъ имъ владѣетъ,
И Катя думала сама,
Что онъ совсѣмъ сошелъ съ ума.

Хотѣлъ въ порывахъ сокрушенья
Андрей Патапычь иногда
У старика просить прощенья,
Но не рѣшался отъ стыда.
Пить пересталъ ; почти не видѣлъ

Онъ никого, сидѣлъ одинъ,
Какъ будто міръ возненавидѣлъ.
Чтобъ разогнать печальный сплинъ
Великъ былъ трудъ для бѣдной Кати,
Но какъ то было все не кстати:
Затянетъ пѣсню,—онъ рукой
Махнетъ, нахмурясь какъ больной,
Съ ума, конечно, онъ не спятилъ,
Но жизни мощь уже утратилъ;
Вино ли выжгло силы въ немъ,
Или раздумье подточило
Всеразъѣдающимъ огнемъ,
И тѣло грустно истомила
Неодолимая борьба
Поступковъ явныхъ съ тайнымъ мнѣньемъ,
Казня безплоднымъ сожалѣньемъ?
Или вмѣшалася судьба,
Случайныхъ недуговъ порука?
Какъ это знать? Скупа наука!
Съ вина-ль, съ простуды, иль съ тревогъ
Андрей Патапычь занемогъ,—
А всежъ болѣзнь своей дорогой
Пошла съ законностію строгой.
А тутъ повѣяло весной,
Пошли отъ оттепели лужи.
И воздухъ вкрадчиво сырой
Все тѣло обдавалъ тоской...
И вотъ больному стало хуже.
Еще бродилъ онъ кое какъ,
Но было все ему не такъ,

Онъ тосковалъ, глаза блестѣли
И щеки впалыя горѣли.
Вся кровь казалась горяча...
Онъ слегъ и таялъ какъ свѣча.
То видѣлъ онъ въ бреду жестокомъ—
Отецъ и мать пришли съ упрекомъ;
То Катю съ нѣжностію звалъ
И какъ то грустно цаловалъ;
То дѣлался тревожнѣй вдвое
И имя называлъ другое,
Ей незнакомое... И вдругъ
Онъ улыбался сквозь недугъ,
И слабыя поднявши руки
Шепталъ въ припадкѣ тайной муки.
"Отдайте молодые сны,
Когда всѣ были впечатлѣнья
Какъ дѣтство мирные ясны,
Свѣжи какъ утромъ дуновенья
Благоухающей весны!..."
И голосъ слабаго взыванья
Смолкалъ отъ слезъ, среди рыданья.
Пріѣхалъ докторъ, поглядѣлъ,
Пощупалъ пульсъ и грудь послушалъ,
И за попомъ послать велѣлъ;
Спросилъ позавтракать, покушалъ
И поспѣшилъ домой какъ могъ,
Боясь испорченныхъ дорогъ.
Склонивъ колѣни у постели
Стояла Катя вся дрожа,
Больнаго за руки держа;

Но тихо руки холодѣли,
Остановился мутный взоръ,
Въ лицѣ застылъ тупой укоръ...
И жизнь окончила тревогу.
Ну! плачте и молитесь Богу!

Что станешь дѣлать? Мужики
Между собой потолковали,
Что дни ихъ были не легки,
А лучше будетъ имъ едва-ли;
Что былъ онъ добрый человѣкъ,
Хотя прикащикъ ихъ и сѣкъ.
"И кто теперь въ наслѣдство вступитъ?
Быть можетъ дальняя сестра?...
Ну! говорятъ она добра!
Ну! а какъ съ торгу кто насъ купитъ?
Вотъ это ужъ неловко намъ!
Военный что-ль какой полковникъ,
Да станетъ самъ бить по зубамъ;
Или нажившійся чиновникъ,
Пожалуй съ виду и не строгъ,
А выжметъ весь послѣдній сокъ!"

Тепла боясь положили
Покойника скорѣе въ гробъ
И въ церквѣ гробъ постановили
(А дома тѣло загнилобъ.)

Кругомъ зажгли большія свѣчи,
Всю ночь псалтырь читалъ дьячекъ,
Да двѣ старухи, въ уголокъ
Забившись, причитали рѣчи.
У гроба трепетно блѣдна
Стояла Катя середь ночи.
Ланитъ румяная весна
Изчезла, потускнѣли очи,
Безпечной рѣзвости чреда
Съ лица сбѣжала безъ слѣда.
Она одна! и что то будетъ?
Наслѣдникъ кто бы ни былъ онъ
Ее забросить и забудетъ...
Все это точно страшный сонъ!
Она быть можетъ виновата
Передъ покойникомъ! Ему
Была не пара, глуповата,
Не обучалась ничему...
И Катя сильно упрекала
Себя, а въ чемъ—не понимала.
"И вотъ лежитъ, гогубчикъ мой,
Такъ тихъ, какъ будто восковой"
По церквѣ мракъ бродилъ уныло,
И сырость пахла и томила,
И чтенья равномѣрный звукъ
Трещалъ какъ дальній, мелкій стукъ;
Ей было страшно, было больно
И слезы капали невольно.

Кузьма Терентьевъ съ становымъ
Всѣ шкапы—времени не тратя—
И двери заперли и къ нимъ
Тотчасъ привѣсили печати,
Конечно прежде раздѣливъ
Все что могли, чего желали,
Какъ былъ еще покойникъ живъ;
А Катю изъ дому согнали,
На память не хотѣли дать
Ни перышка, и стали звать
Такъ просто Катькой—Катерину
Ильинишну...

Вотъ про кончину
Узнала барышня, предметъ
Любви въ теченьи пяти лѣтъ.
Сгрустнулось ей, она жалѣла...
То было вечеромъ: она
Сбиралась лечь, желая сна,
И передъ зеркаломъ сидѣла
И любовалася собой,
И русый локонъ завивала
Своею бѣленькой рукой
И на ночь шпилькой укрѣпляла,
И думала: "Такъ умеръ другъ!..."
Но какъ то вспомнилось ей вдругъ,
Мечтая надъ покойнымъ другомъ,
Былъ Патапъ его отецъ;

Моглобъ случиться наконецъ
Патапычь сталъ бы ей супругомъ!...
И тутъ она полу-шутя,
Расхохоталась какъ дитя;
Надѣла кофточку тревожно,
Покрыла волосы платкомъ
И завязала узелкомъ
У самой шейки осторожно;
Потомъ въ постель легла она,
Закуталась, свѣчу задула,
Да потихоньку и заснула,
Дыша спокойно середь сна;
И мертвый другъ, и сожалѣнье,
Все прошлое пришло въ забвенье,
И жизни пустозвучный ходъ
Своимъ путемъ пошелъ впередъ.

—

СНЫ.

Часы старинные въ столовой
Пробили полночь. Старый князь
Всѣмъ тѣломъ къ отдыху готовый
Сталъ раздѣваться, спать ложась.
Съ лицомъ исполненнымъ боязни,
Какъ будто ждалъ заутро казни,
Вокругъ заботился слуга
Въ ливреѣ вышитой гербами.
Уже была его перстами
Разута барская нога;
Онъ волю барскую пугливо
Читалъ во взглядѣ и привыкъ
Ходить на цыпочкахъ, но живо
И преклоняться молчаливо,
Внимая брань иль грозный крикъ.
Но вечеръ весь шелъ тихъ и миренъ,
Князь въ этотъ разъ былъ вовсе смиренъ
И гладко-голое чело

Сіяло важно и свѣтло;
Князь чувствомъ счастья былъ подавленъ,
Что утромъ къ лентѣ былъ представленъ.

Въ богатой спальнѣ въ ту же ночь,
Въ тотъ самый часъ уже лежала
Подъ мягкимъ шелкомъ одѣяла
Его молоденькая дочь,
На ложѣ медленно вздыхая,
Отъ тайныхъ думъ не засыпая.
И тутъ же у стѣны другой,
Въ постелѣ мягкой гувернантка,
Временъ минувшихъ парижанка,
Съ своей дѣвической душой,
Съ лицемъ морщинистымъ и старымъ,
Съ главой повязанной фуляромъ,
Жалѣла, что пора пресѣчь
Неистощаемую рѣчь.
Все было тихо въ этой спальнѣ...
Едва могъ долетать до ней
Какъ отголосокъ смутно-дальній
Съ морозныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолкѣ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Насупротивъ былъ видѣнъ домъ,

И кровля длинная на немъ
Бѣлѣлась холодно, уныло;
По ней печальна и ясна
Мерцала кроткая луна,
И такъ все тихо, тихо было,
Что безотчетно сердце ныло.

О чемъ же думала Княжна?
Съ бѣды ль прямой, иль съ небылицы
Такъ долго медлила она
Сомкнуть усталыя рѣсницы,
И по лбу бѣлому порой
Водила медленно рукой?
За чѣмъ тихонько грудь вздыхала
За чѣмъ не рѣдко выступала
На темно-синіе глаза
Тоски невольная слеза?
Въ ея лѣта воспоминанья
Не шевелятъ еще страданья,
Легко бы жизнь идти должна...
И гдѣ сыскать завиднѣй долю?
И юность и богатства вволю,
Да и красавица она!
Все это такъ, княжна не знала
Чего ей надо, но скучала.
Едва десятки школьныхъ книгъ—
Забвенья ради—склавъ на полку,
Она про мертвый ихъ языкъ,
Въ которомъ не добилась толку,

Безъ муки вспомнить не могла,
И умъ ребячески пытливый
Сгоралъ въ тоскѣ нетерпѣливой,
И книгъ живыхъ она ждала,
И въ мглѣ загадочныхъ стремленій
Искала чудныхъ откровеній.
Но не съ кѣмъ было слова ей
О думѣ вымолвить своей.
Понять душевную тревогу
Едваль могла мамзель Приве—
И только шила по канвѣ,
Болтала и молилась Богу.
А между тѣмъ княжна сама
Не находила тайной битвѣ
Исхода ни въ одной молитвѣ;
Съ отцомъ она была нѣма,
Князь вѣчно сухъ былъ и серьезенъ,
Но вовсе самъ не религіозенъ.
Недавно Мери привезли
Изъ тишины деревни дальней,
И въ шумъ столичный, говоръ бальный
Ее—стыдливую—ввели.
Ей было жаль деревни милой,
Ея лѣсовъ, ея полей,
И сада липовыхъ аллей
И рѣчки тихой и унылой;
Была тамъ старой няни дочь
Ея подругой простодушной,
Въ затѣяхъ жизни мирно-скушной
Умѣла весело помочь;

Хоть Мери съ ней не говорила
Про все, но отъ души любила.
А здѣсь, между чужихъ, княжна
Такъ безпріютна, такъ одна...
Она любить бы такъ хотѣла—
И не любила никого,
А въ тайнѣ жаждала такъ смѣло
Всей жаждой сердца своего
И мысли новой и обильной,
И страсти пламенной и сильной.
Вотъ отъ чего ночной порой,
На ложѣ—медленной тоской
Томилась Мери и не знала
Чего ей надо, но скучала.
А усталь стала брать свое,
Тускнѣли помыслы дѣвицы
И навѣвалось забытье,
Сомкнулись длинныя рѣсницы
И неподвижно—какъ была—
Осталась ручка близь чела
Сквозь трепетъ тайнаго броженья
Подкрались тихо сновидѣнья
Съ толпою образовъ своихъ
Безплотныхъ, странныхъ, но живыхъ.

Ей снилось—теплою струею
Пахнуло воздухомъ весны,
Долина спитъ подъ синей мглою

Въ сіяньи дремлющемъ луны.
Въ ночномъ серебряномъ покоѣ
Ручья паденье живое
Ласкаетъ ухо шумомъ водъ,
Звучатъ невѣдомыя струны
И голосъ сладкій, голосъ юный,
Весь въ душу льющійся, поетъ:
Роза дѣвственная дремлетъ
Въ свѣжей зелени листовъ
И въ ночи спокойно внемлетъ
Звуку робкихъ голосовъ.
Но подъ утреннимъ привѣтомъ,
Подъ живымъ лобзаньемъ дня
Развернется пышнымъ цвѣтомъ
Роза юная моя,
И въ душистомъ пробужденьи,
Въ блескѣ жизни и красы—
Заколеблетъ въ упоеньи
Капли свѣтлыя росы.
Сбрось, дитя, дремоту ночи,
Чуткимъ сердцемъ оживи,
Тихо вызови на очи
Слезы счастья и любви!...
Но голосъ смолкъ. Долина скрылась
И быстро въ сумракѣ луна
Дрожитъ и гаснетъ...:Вдругъ княжна
На шумномъ балѣ очутилась.
Свѣтло какъ днемъ. Толпа гостей,
Усы, мундиры, фраки, шпоры,
Цвѣты, перчатки, блескъ очей,

Волосъ роскошные уборы ;
Бѣлѣе томныхъ жемчуговъ
Красавицъ выпуклыя плечи ;
Все вѣетъ запахомъ духовъ,
Сквозь общій гулъ мелькаютъ рѣчи,
И звуки музыки полны
Волшебной нѣгой и стремленьемъ...
Княжна танцуетъ съ увлеченьемъ ;
Вотъ на нее обращены
Лорнеты, и она невольно
Краснѣетъ и собой довольна.
По конченъ вальсъ. Княжна глядитъ
Съ неяснымъ чувствомъ утомленья.
Madame N. N. вблизи сидитъ
И съ гордостью пренебреженья
На Мери и ея нарядъ
Завистливый бросаетъ взглядъ,
И—улыбаясь—вновь отводитъ
И съ кѣмъ то злую рѣчь заводитъ.
Не ловко Мери. Къ ней подсѣлъ
Столичный франтъ—и надоѣлъ ;
Несносенъ говоръ, воздухъ душенъ
И балъ становится ей скушенъ.
Но вотъ—мечта, иль тайный звукъ,
Или предчувствіе мелькнуло
И сердце ей пошевельнуло,—
Но Мери встрепенулась вдругъ
И смотритъ...Изъ толпы шумливой
Выходитъ юноша красивой.
Ей кажется, что съ нею онъ

Знакомъ съ младенческихъ временъ...
И гдѣ она его встрѣчала?...
И не во снѣ-ль его видала?.....
Чело открытое хранитъ
И смѣлость думъ и гордый видъ;
Во взорѣ ясное сознанье
Какой то силы молодой,
Въ себѣ носящей ключъ живой
Прямой любви и состраданья.
Онъ къ ней подходитъ, говоритъ
И въ голосѣ его звучитъ
Любимой пѣсни или сказки
Знакомый лепетъ полный ласки,
И отголосокъ юныхъ сновъ
Она внимаетъ въ звукѣ словъ:
"Я знаю васъ. Я съ умиленьемъ
Слѣдилъ за вами съ дѣтскихъ лѣтъ,
На жизни розовый разсвѣтъ
Смотрѣлъ съ безмолвнымъ восхищеньемъ,
Вы разцвѣтали какъ цвѣтокъ,
Налюбоваться я не могъ!
Я все люблю въ васъ, всѣ движенья,
И цвѣтъ волосъ, и стройность рукъ,
Улыбки грусть и примиренье
И вашей рѣчи милый звукъ;
Глаза...Въ нихъ столько страсти нѣжной
И столько кроткой тишины,
Они такъ сини и темны
Какъ небо ночью безмятежной.
Я ваше сердце и вашъ умъ,

Весь тайный жаръ и чувствъ и думъ,
Всѣ ваши чистыя стремленья,
Всѣ мысли жгучія сомнѣнья,
Я все въ васъ знаю, все люблю,
Я вамъ всю душу отдаю.
Пойдемте вмѣстѣ дружнымъ ходомъ;
Какъ для меня для васъ святы
Мои надежды и мечты;
Вы сердцемъ связаны съ народомъ;
Съ отцовскою волею борьба
Въ васъ не страшила духъ упорный,
Вы заступались за раба,
Встрѣчая власти гнетъ позорный...
При васъ мнѣ на сердцѣ тепло,
Я понимаю такъ свѣтло
Всю прелесть нѣжности природной
И силу воли благородной.
И что грядущіе года
Для насъ готовятъ въ этомъ мірѣ—
Работу-ль полную плода,
Иль горечь тщетнаго труда,
Затишье жизни, даль Сибири...
Чтобъ ни было—въ чаду тревогъ,
Въ глуши безрадостной пустыни—
Любовь намъ счастія залогъ
И мы найдемъ въ ея святынѣ
Для сердца теплый уголокъ."
   Ея рука уже лежала
Въ его рукѣ и крѣпко жала,
[illegible]ства больше не тая,
[illegible]пнула: "Я твоя!"—

Кругомъ въ толпѣ недоумѣнье,
Шептанье, странное волненье,
Всѣ смотрять точно на пожаръ,
И Мери страшно и обидно.
Но вотъ зоветъ ее гусаръ
Па польку; отказаться стыдно,
Идетъ съ тревожностью лица,
Но не танцуетъ до конца,
На мѣсто прежнее уходитъ
И...никого тамъ ненаходитъ.
Исчезъ ея желанный другъ...
Она дрожитъ, она блѣднѣетъ,
Она собою не владѣетъ,
Глядитъ съ отчаяньемъ,—и вдругъ
Бѣжитъ, бѣжитъ искать по залѣ...
Все лицы прежнія на балѣ,
Родныхъ встрѣчаетъ кой кого,
Но нѣтъ его, все нѣтъ его!
Вотъ дѣва зрѣлая, недавно
Знакомая, проходитъ плавно...
"Его вы видѣли?"—"Кого?"
"Ахъ боже мой! Его, его,
Кого люблю, кого желаю..."
"Ахъ Мери! я его незнаю."
И Мери далѣ. У дверей
Стоитъ затянутый лакей;
Ея вопросъ его тревожитъ.
"Вамъ нужно папеньку быть можетъ?"
Онъ отвѣчаетъ, и княжна
Уходитъ прочь—огорчена.

Хозяйка дома ей на встрѣчу :
"Позвольте, Мери, я съ трудомъ
Сама рѣшаюсь, но замѣчу,
Что вы позорите мой домъ."
Но Мери мимо, все печальнѣй...
Въ диванной старики втроемъ
Сидятъ за карточнымъ столомъ ;
Одинъ изъ нихъ ей сродникъ дальній,
Съ губами тонкими старикъ,
Худой и дерзкій на языкъ.
Старикъ держалъ валетъ бубновый ;
Вдругъ Мери за руку его
Схвативъ, спросила у него :
"Его вы видѣли ?"—"Да что вы,
Княжна ? помилуйте,—кого ?"
"Какъ вамъ не знать !...Онъ благороденъ,
Такъ простъ въ движеньяхъ и свободенъ,
Такъ сердцемъ чистъ, такъ въ мысляхъ смѣлъ..."
Старикъ, прищурясь, поглядѣлъ
И карты отложилъ на право,
И улыбнулся такъ лукаво,
Такъ губы сжавъ, что вмѣсто рта
Осталась злостная черта ;
Взялъ табатерку золотую,
Открылъ, понюхалъ и сказалъ :
"Я, право въ васъ не ожидалъ
Найти проказницу такую.
Его, княжна, я не видалъ ;
Здѣсь никого нѣтъ въ этомъ родѣ,
И даже, еслибъ было въ модѣ,

Чтобы такіе господа
Сюда являлись иногда,—
Вы имъ не вѣрьте. Въ нихъ, ей богу,
Играетъ кровь на мигъ одинъ,
А тамъ остынетъ по немногу
И хуже тряпки господинъ,
Такой выходитъ баринъ смирный,
Ничтожнѣй двойки некозырной".
Едва дослушавъ до конца
Холодной рѣчи смыслъ суровый,
Княжна бѣжитъ на поискъ новый...
Вдругъ видитъ предъ собой отца.
Онъ съ кѣмъ то щегольски одѣтымъ,
Чьи безполезно бровь и глазъ
Обезпокоены лорнетомъ.
"А! отыскали въ добрый часъ!"
Промолвилъ старый князь протяжно;
Звѣзда сіяла, и чело
Сіяло голо и свѣтло,
И онъ, взглянувъ на Мери важно,
Сказалъ торжественъ и тихъ:
"Вотъ это, Мери, твой женихъ!"
У бѣдной Мери грудь стѣснилась
И закружилась голова,
Она стоять могла едва
И сердце билось, билось, билось....

А между тѣмъ мамзель Ириве
Уснула въ свой чередъ не даромъ,

И въ этой старой головѣ,
Тепло повязанной фуляромъ,
Свои перебѣгали сны,
Воспоминанія полны.
Сначала снилось ей—сбиралась
Куда то на вечеръ она
И передъ зеркаломъ одна
Своимъ нарядомъ занималась.
Какая страшная тоска—
Сѣдыхъ волосъ и нивѣсть сколько!
Ихъ выщипать—дрожитъ рука,
Ну—просто больно да и только!
Взяла румяны. Боже мой!
О годы! вы неумолимы!
Худыя щеки, носъ большой,
Слѣды морщинъ неисправимы...
Хлопочетъ, щиплетъ, мажетъ, третъ,
А дѣло все нейдетъ впередъ,
И все морщинка уцѣлѣла,
И все серебряной игрой
Мелькаетъ волосокъ сѣдой...
Она задумалась и сѣла.
Уже давно своимъ трудомъ,
Твердя Ноэля и Шапсаля,
Она живетъ—дѣтей печаля,
И не одинъ россійскій домъ
Ей благодаренъ за умѣнье
Съ разскатцемъ R произносить,
Цвѣтистымъ слогомъ говорить
И вздору придавать значенье.

Чтожъ? Сколотила капиталъ,
Но онъ къ несчастью такъ малъ,
Что какъ ни дѣйствуй осторожно,—
Жить на проценты невозможно.
А завтра за мужъ выдь княжна,
Она останется одна,
Безъ мѣста, безъ друзей, безъ крова...
Куда подъ часъ судьба сурова!
“О! гдѣ же годы тѣ, когда
Была я тоже молода?...”
И передъ ней воспоминанья
Такъ ясно начали сквозь сонъ
Вставать изъ тусклаго молчанья,
Что образы иныхъ временъ
Совсѣмъ воскресли какъ живые;
Всѣ люди близкіе, родные,
И каждый стулъ, окно, иль дверь—
Все живо вотъ какъ бы теперь;
И видя прежніе предметы,
Она сама передъ собой
Опять является такой,
Какой была въ иныя лѣта.

Вотъ близь столицы, ей родной,
Дряхлѣетъ монастырь святой
Съ своей оградой невеселой,
И корридорами, и школой.
Монахинь неослабный взоръ
За юнымъ женскимъ поколѣньемъ

Здѣсь держитъ бдительный надзоръ;
Въ саду играетъ съ увлеченьемъ
Дѣвченокъ маленькій народъ
И бродятъ взрослыя дѣвицы;
Mam'selle Privé ихъ узнаетъ,
Давно знакомыя ей лицы...
Межъ ними и сама она;
Она собою не дурна,
И станъ довольно схваченъ ловко,
И очень милая головка
Съ глазами черными, съ косой
Какъ воронъ черной—и густой,
Съ улыбкой милою, но строгой
И носомъ сгорбленнымъ немного.
Она не прочь бы раздѣлить
Затѣи шалости невинной,
Но напередъ рѣшилась быть
Всегда послушною и чинной;
Ктомужъ съ подругами она
Не хочетъ слишкомъ быть дружна,
Хотя и есть въ ней непонятный
Избытокъ нѣжности къ одной
Блондинкѣ рослой и прямой,—
Ну! та породы очень знатной.
Mam'selle Privé ведетъ себя
Со всѣми очень благонравно;
Она и учится исправно,
Напрасно время не губя;
Хотя варьяціи и шибки—
Она брянчитъ ихъ безъ ошибки;

Въ наукѣ вѣруетъ всему,
Чему прикажутъ, не желая
Навлечь сомнѣнія уму;
Она довольствуется, зная,
Что въ небѣ троица святая,
А въ Римѣ папа, что народъ—
Державно милуя—пасетъ
Король законный—Карлъ десятый,
Отчизны истинный отецъ,
Но смертный; долженъ наконецъ
Такимъ отцомъ быть Генрихъ пятый.
Она изгнавъ изъ сердца грусть,
Все это знаетъ наизусть.
Къ монастырю, его покою,
Однообразію вещей,
Одеждъ, занятій и рѣчей—
Хотя и скучно ей порою—
Она привыкла, какъ въ тюрьмѣ
Привыкнуть можно годъ отъ году,
Глазъ привыкаетъ къ полу-тьмѣ,
Иль ухо къ часовому ходу.
И вотъ ей колокола звонъ
Звучитъ сквозь трепетъ сновидѣнья...
То часъ вечерняго моленья!
Готовясь на грядущій сонъ—
Монахини чредою чинной
Вступаютъ въ корридоръ пустынный;
Передъ мадонною святой
Горитъ свѣча и отблескъ длинный
Печально борется со тьмой,

И сестры жертвуя святынѣ,
Поютъ (и все немножко въ носъ—
Какъ по привычкѣ завелось)
Свою молитву по латынѣ.
Но между сестрами одна,
Въ душѣ неся любовь святую,
Къ Mam'selle Privé привлечена,
Ей замѣняетъ мать родную,
Ей посвящаетъ каждый трудъ
Мольбой не занятыхъ минутъ.
Сестра Тереза ей предстала
Подъ сѣнью бѣлой покрывала.
Она въ томъ возрастѣ когда
Тревожной юности года,
Разбивъ души невинной цѣлость,
Уныло переходятъ въ зрѣлость.
Сосредоточенна, блѣдна,
Въ движеньяхъ медленныхъ достойна,
Среди сестеръ была она
Всегда печальна, но спокойна.
Хоть толки шли въ монастырѣ,
Что, предаваяся хандрѣ,
Она старается напрасно
Забыть обманъ любви несчастной;
Но никому до этихъ поръ,
Въ мигъ откровенности случайной,
Не довѣрялъ завѣтной тайны
Ея не шумный разговоръ,
Или раздумья полный взоръ.
И если въ ней къ кому пристрастье

Рождало нѣжное участье,—
Такъ это къ голубю, давно
Къ ней прилетавшему въ окно.
Святаго ль духа образъ вѣчный,
Занятье ль праздности сердечной
Ей были милы,—но его
Она какъ друга своего
Любила, холила, кормила...
И умеръ онъ!...Она грустила
Сестрѣ подобно, иль вдовѣ,
Потомъ внезапно полюбила—
Какъ голубя—Mam'selle Privé.
И видитъ дѣва пожилая,—
Лелѣя отроческій сонъ
Давно утраченныхъ временъ,—
Сестра Тереза, какъ живая,
Все той же ласковой рукой
Ее уводитъ за собой.
Мерцаетъ лампа, тихо въ кельѣ;
Сестра Тереза рѣчь ведетъ
О душъ загробномъ новосельѣ,
О томъ какъ ангеловъ полетъ
На крыльяхъ радужныхъ прекрасенъ,
Какъ ликъ ихъ свѣтелъ, взоръ ихъ ясенъ.
И сладокъ голосъ, какъ душа
Въ жилищахъ горнихъ хороша...
Сестра Тереза бы желала,
Чтобы любимица ея
Заботу міра промѣняла
На монастырское житье,

Вдали житейскаго волненья
Нашла бы вѣрный путь спасенья.
Въ душѣ Mam'selle Privé самой
Къ сестрѣ Терезѣ на мгновенье
Мелькаетъ тайное влеченье,
Подобье дружбѣ молодой
Съ ея привязанностью нѣжной,
Какъ проблескъ утра безмятежной;
Но чаще въ ней передъ сестрой
Иное чувство обладаетъ
И дружба мѣсто уступаетъ
Одной покорности тупой,
Наружно доброй но сухой.
Ей странны въ инокинѣ милой
Усталый и спокойный видъ
И ликъ мечтательно-унылый,
Ей странно, что она глядитъ
Такъ грустно, грустно говиритъ:
"Одна святая вѣра въ Бога
Душѣ способна дать покой.
Ты молода еще, другъ мой,
Ты ждешъ отъ жизни очень много...
О! выходя за нашъ порогъ
Ты ждешъ и счастья и тревогъ
Все чрезвычайныхъ и безмѣрныхъ,
Неслыханныхъ и безпримѣрныхъ,—
А жизнь скупа; ни сильныхъ бѣдъ,
Ни счастья сильнаго въ ней нѣтъ.
Какъ лучше объяснить бы это?
Тебѣ случалось ли одной

Сидѣть и слушать... Слышенъ гдѣ-то
Далеко въ тишинѣ ночной
Напѣвъ мечтаемый тобой...
И вдругъ продребезжитъ карета,
Спѣша по темной мостовой...
Ну чтожъ? Кареты шумъ случайный
Не есть же признакъ грозныхъ бѣдъ ;
А смолкъ блаженства голосъ тайный,
Исчезъ, исчезъ, простылъ и слѣдъ !...
Дитя, повѣрь мнѣ—въ жизни свѣта
Найдешь ты именно вотъ это,
Увидишь—какъ ни тяжело,—
Что вѣчно крошечное зло
На столько счастью помѣшаетъ,
Что счастья вовсе не бываетъ,
А зло не важно...Жизнь мелка
И только скука велика.
Когда же отдаешся Богу—
Душа свѣтлѣетъ по немногу..."
Монахинѣ Mam'selle Privé,
Вперивъ недвижный взоръ, внимаетъ
И ничего не понимаетъ.
У ней все смутно въ головѣ—
Молитва, папа, богъ распятый,
Аѳины, credo, Римъ, символъ,
Лагарпъ, неправильный глаголъ,
Души безсмертье, Карлъ десятый,—
Все это истины; она
Имъ вѣкъ останется вѣрна...
Но отъ чего же постоянно

Сестра Тереза такъ грустна?
Чего же ждетъ еще она?
Все это какъ то очень странно!
Но вотъ полгода наконецъ
Пройдутъ-же,—время небольшое,—
И въ фьякрѣ явится отецъ
И увезетъ дитя родное
Изъ школы скучной и святой
По шумнымъ улицамъ домой.
Ей платье новое готово,
Она людей увидитъ снова,
Начнутся танцы, говоръ, смѣхъ...
Ахъ! можетъ быть все это грѣхъ!...
Но вдругъ въ монастырѣ смятенье,
Всѣхъ разомъ охватилъ испугъ:
Отъ города пронесся вдругъ
Какой то гулъ. Борьба? сраженье?...
Какъ грома дальняго разскатъ
Слышна пальба, трещитъ набатъ;
Сестра Люси сама слыхала—
Надъ садомъ пуля просвистала;
Весь блѣдный сторожъ прибѣжалъ
И вѣсть принесъ, что Карлъ десятый,
Народной силою прижатый,
Съ престола въ Англію бѣжалъ;
Всѣ въ страхѣ вытянулись лицы,
Дрожатъ и сестры и дѣвицы...—
Mam'selle Privé сама въ бреду
Перевернулась, помычала,

И сны иные грезить стала,
Ловя былое на ходу.

И видитъ—вотъ ея отецъ,
Опрятный, толстенькій купецъ
Со взглядомъ мило-плутоватымъ
И носомъ бойко-крючковатымъ—
Контору заперъ и идетъ,
Къ обѣду весело зоветъ;
Спѣшатъ домашніе, тѣснятся,
И вотъ за столъ они садятся:
Отецъ, она, еще сестра
Madame Privé давно покойной,—
Она глуха да и стара,—
Еще Monsieur Ragout,—достойный
Хотя и юный адвокатъ,—
Еще прикащикъ и...„Но врядъ
Еще кто будетъ ли?...Такъ чтоже?
Горячій супъ всего дороже!
Займемтесь!...“И Monsieur Privé
И разливаетъ, и болтаетъ,
Смѣется, шутитъ, угощаетъ;
Хоть крѣпко помнитъ въ головѣ
Légion, продѣтую въ петлицу,
Но рѣжетъ жареную птицу
Отменно быстро и умно...
Вдругъ злость въ глазахъ его блеснула:
„Опять на скатерти пятно!“
Mam'selle Privé съ нимъ за одно,

Вскочила съ рѣзкостью со стула—
Оскорблена, возмущена,
И позвала слугу она,
И показала, и сказала,
Что разъ ужъ вычетъ сдѣланъ былъ
За то, что онъ стаканъ разбилъ,
Но что впередъ во чтобъ ни стало,
Хоть будь проступокъ не великъ,
Его прогонятъ въ тотъ же мигъ.
Monsieur Ragout сидитъ, вздыхаетъ;
Ее онъ любитъ и страдаетъ...
Онъ демократъ!—Ему была
Вся эта сцена, какъ пила
По сердцу...
Но къ концу обѣда
Живѣй становится бесѣда;
Monsieur Privé подать велѣлъ
Бордо—и вновь повеселѣлъ.
Не вѣдая сердечной муки,
Самодовольствомъ озарясь,
Себѣ онъ потираетъ руки
И говоритъ полу-смѣясь:
"Да, не совсѣмъ то нашу вѣру
Хранитъ моя родная дочь;
Но феодальную химеру
Поможетъ опытъ превозмочь.
Пока пускай себѣ мечтаетъ,
Пускай глядитъ себѣ въ окно—
Какой виконтъ тамъ проѣзжаетъ,
Иль дюкъ...Мнѣ дорого одно:

Она къ хозяйству привыкаетъ !
Повѣрьте мнѣ. mon cher Ragout,—
Я опытенъ и я не лгу,—
Все это вздоръ, все это бредни,
Всѣ ихъ Шамборы и обѣдни ;
И славный нашъ тридцатый годъ,
Нашъ коренной переворотъ—
Онъ вѣчность всю переживетъ !
Была бы собственность священна,
Порядокъ былъ бы сохраненъ,
И будетъ быстро излеченъ
Недугъ народный совершенно ;"
Ragout весь вспыхнулъ и вскочилъ,
Потомъ ступилъ назадъ три шага
И шагъ впередъ ; въ лицѣ отвага ;
Онъ руки на груди скрестилъ,
Закинулъ голову, глазами
Повелъ восторженно кругомъ
И началъ тихо, но мѣстами
Все голосъ возвышалъ потомъ :
"Клянусь святою тѣнью Брута
И тѣнью матери моей,
Прискорбнѣй тысячи смертей
Мнѣ жизни каждая минута!
Нѣтъ, нѣтъ! Еще не спасъ народъ
Мѣщанскій вашъ переворотъ.
Предвижу ваше я паденье,
Народа новое житье,
Гдѣ сдѣлавъ общее имѣнье
Отдѣлятъ каждому свое.

Былабъ любовь—и міръ свободный
Создастъ союзъ между-народный;
Вдобавокъ гильотина есть:
Она вашъ узкій безпорядокъ
Въ день, въ два (положимъ въ шесть)
Въ священный приведетъ порядокъ.
Не долго Франціи народъ
Потерпитъ мнимую свободу,—
Повѣрьте—не пройдетъ и году
И будетъ вновь переворотъ!"—
Старикъ вспылилъ, возникли споры
И дѣло чуть нейдетъ до ссоры,
Кричатъ, кричатъ, бранятся... Но
Потомъ играютъ въ домино
И вечеръ дружно, тихо млѣетъ...
По вотъ старикъ Приве блѣднѣетъ
И падаетъ... Что, что?... Глядятъ—
А онъ ужъ мертвый!.. Всѣ молчатъ.
Ну! мертвый, мертвый совершенно,
Уже и холоденъ какъ ледъ;
Всѣхъ разомъ ужасъ обдаетъ,
Стоятъ—оцѣпенѣвъ мгновенно.
Но вотъ, жалѣя и любя,
Mam'selle Privé пришла въ себя
И плачетъ. Вносятъ гробъ дубовый
И положили старика;
Его отвислая щека
И носъ горбатый—видъ суровый
Лицу тупому придаютъ.
Проходитъ нѣсколько минутъ...

Вослѣдъ одѣтой въ трауръ свитѣ
Священникъ входитъ пожилой;
Старуха машетъ имъ рукой:
"Тсъ! тише! шепчетъ, не ходите—
Разбудите! Подите прочь!"
Всѣ шопотомъ жалѣютъ дочь.
Какой то господинъ высокой
Вошелъ съ бумагой и сказалъ:
"Долговъ покойника далеко
Не превышаетъ капиталъ."
Какъ? Остается волей неба
Mam'selle Privé совсѣмъ безъ хлѣба?
Всплеснувъ руками тихо къ ней
Идетъ Ragout и шепчетъ ей:
"Вы сирота и безъ имѣнья;
Молю—любовью святой—
Не отрицайте предложенья
И будьте вы моей женой."
Но подавляя скорбь и муку—
Она спѣшитъ сообразить:
"Виконтъ предложитъ можетъ быть
Свою породистую руку..."
И вотъ Monsieur Ragout какъ разъ
Она учтиво отклоняетъ
И извиняя свой отказъ
Его до двери провожаетъ...

Дверь разпахнулась. На дворѣ
Мятель и снѣгъ летитъ клоками,

Исчезли улицы съ домами,
И все темно въ ночной порѣ.
Кругомъ лежитъ пустое поле
Подъ снѣгомъ бѣлымъ, и надъ нимъ
Тоскуетъ голосомъ глухимъ
Бездомный вихрь, носясь по волѣ.
Mam'selle Приве одна, въ тоскѣ,
Усѣвшись на свои пожитки,
Дрожитъ отъ холода въ кибиткѣ.
Сидитъ ямщикъ на облучкѣ,
И рядомъ съ нимъ, качаясь дремлетъ
Въ тулупѣ скорчившись слуга;
Они все ѣдутъ, все вьюга
Знобитъ лице и вой подъемлетъ.
Но наконецъ—село и домъ.
Ямщикъ къ воротамъ и въѣзжаетъ,
Лакей мамзель передъ крыльцомъ
Изъ подъ рогожекъ вынимаетъ.
Уже въ передней отъ сѣней,
Клубясь въ пару оледѣнеломъ,
Докучный запахъ вслѣдъ за ней
Идетъ и пахнетъ въ домѣ цѣломъ;
На встрѣчу баринъ, весь сѣдой,
Въ сѣдыхъ усахъ, (онъ отставной,
Въ отставку вышелъ капитаномъ);
Вотъ барыня съ дебелымъ станомъ,
Съ лицомъ широкимъ какъ луна...
"А гдѣ же Варя?... Вотъ она!
Вотъ наша дочка. Что? Лихая?
У васъ тамъ встрѣтится ль такая?

Ну ты, мадамъ, ее учи,
А бить не смѣй и не кричи!"
Но звуковъ языка чужаго
Mam'selle Privé не поняла,
А по французски ни полслова
Отъ нихъ добится не могла.
И дни проходятъ... О страданье!
Mam'selle Privé осуждена
Па безконечное молчанье;
А хочетъ поболтать она,
Хоть съ кѣмъ нибудь, хоть бы съ сосѣдомъ...
Ужъ не бѣжать ли ей отсель?...
И видитъ бѣдная мамзель—
Ее обносятъ за обѣдомъ,
Жалѣя лакомый кусокъ;
При ней, (о! гдѣ терпѣнью мѣра!)
Чтобъ знала Варинька урокъ
Сѣкутъ Аксютку для примѣра!
И надо видѣть день за днемъ
Въ постыдной жизни вѣчно тоже,
И то, что чувствуешъ при томъ
Съ морской болѣзнью какъ то схоже!

Но сонъ таинственной рукой
Мѣняетъ скорбную картину
И кажетъ мирную долину,
Село большое, домъ большой,
Весь убранъ на большую ногу,
Въ немъ вѣетъ барской стариной;

Mam'selle Privé здѣсь слава богу
Находить роскошь и покой.
Здѣсь съ нею Мери молодая
И бабушка ея больная,
Старушка добрая; она
Привѣтлива хоть и больна,
И лучше можетъ по французски
Вести бесѣду чѣмъ по русски.
Породу барскую любя
Mam'selle Privé здѣсь совершенно
Какъ дома чувствуетъ себя
И предается постепенно
Безперерывной суетѣ,
Дѣвичьей старости чертѣ;
Она всегда гостей встрѣчаетъ,
Хозяйку замѣнивъ собой,
И не смолкая день деньской
Съ утра до вечера болтаетъ
О томъ о семъ, о прошлыхъ дняхъ,
Погодѣ, кушаньѣ, чепцахъ,
Грѣхѣ, молитвѣ сердобольной...
Перерываяся едва
Какъ бисеръ нижутся слова.
Порою Мери какъ то больно
Звучитъ вся эта болтовня,
И все несноснѣй день отъ дня,
И говоритъ она невольно,
Съ досады внутренной дрожа:
"Mam'selle Privé, побойтесь Бога!
Мнѣ голосъ вашъ и вся тревога

Какъ по тарелкѣ скрипъ ножа!"
Mam'selle Privé не отвѣчаетъ
И барскій домъ не оставляетъ.
Но вотъ пріѣхалъ старый князь;
Съ больной старушкой согласясь—
Какъ ей ни жаль—онъ дочь дѣвицу
Съ Mam'selle Privé везетъ въ столицу.
Внезапно у Mam'selle Privé
Мечта мелькнула въ головѣ,
Что ей бы надо потрудиться
И въ князя стараго влюбиться,
Что онъ не старъ и что она,
Хотя въ лѣтахъ но не дурна.
И вотъ она хлопочетъ страстно,
И притворяется несчастной,
И все вертится вкругъ него,
Но князь не видитъ ничего;
Едва, едва сухимъ отвѣтомъ
Почтитъ ея вопросъ пустой,
Иль покиваетъ головой,
Иль съ гордымъ и нѣмымъ привѣтомъ
Изъ табатерки золотой
Съ алмазной, яркою каймой
И императорскимъ портретомъ—
Въ безмолвьи сродномъ старику—
Понюхать дастъ ей табаку.
И князя собственной особой
Прельстить нисколько не успѣвъ,
Mam'selle Privé притихла съ злобой,
Обычной сердцу старыхъ дѣвъ.

—

Но вдругъ изъ двери потаенной
Выходитъ мальчикъ молодой,
За нимъ и дядька пожилой,
Наружности весьма почтенной,
Въ простомъ, но чистомъ сюртукѣ,
Въ очкахъ и черномъ парикѣ.
Mam'selle Privé глядитъ, дивится...
"Неужто! Какъ могло случиться?
Monsieur Ragout? Какой судьбой?..."
Французъ протягиваетъ руку
И говоритъ, скрывая муку:
"Какъ видите,—удѣлъ такой!"—
"Но двадцать лѣтъ какъ мы разстались!"—
"Да, да! Съ тѣхъ поръ какъ не видались
Мы съ вами—многое прошло,
И въ Франціи есть перемѣна!...
Но вѣрьте мнѣ, чѣмъ больше зло,
Тѣмъ чище выйдемъ мы изъ плѣна,
И гильотина наконецъ
Положитъ дерзостямъ конецъ.
Ужъ въ эмиграціи свободной
Начатъ союзъ между-народный;
Повѣрьте—году не пройдетъ
И будетъ вновь переворотъ."
Но погрузилась въ размышленье
Mam'selle Privé. Прошло мгновенье—
Она Французу говоритъ:
"Да! мнѣ теперь все стало ясно!
Насъ другъ для друга Богъ хранитъ,—
Женитесь! Я теперь согласна."—
Французъ оторопѣлъ—и вдругъ

Бѣжать пустился во весь духъ;
Она за нимъ быстрѣе птицы,
Съ парадной лѣстницы и въ дверь,
Бѣгутъ съ крыльца, бѣгутъ теперь
Уже по улицамъ столицы...
На встрѣчу вѣтеръ имъ свиститъ,
Съ Monsieur Ragout парикъ лѣтитъ,
Съ самой Mam'selle Privé—какъ тряпка
Свалилась шаль, упала шляпка.
Она бѣжитъ, она спѣшитъ,
Пять, шесть шаговъ,—чуть не догнала,
Но сердце въ грудь стучитъ, стучитъ,
Дыханье давитъ и тѣснитъ,
И шагъ еще—она-бъ упала...

Но тутъ проснулась и привстала.
На тощій локоть оперлась,
Глядитъ: княжна приподнялась
И обѣ смотрятъ другъ на друга.
"Что съ вами, Мери? Вы больны?"—
"Нѣтъ, ничего...во снѣ...съ испуга..."—
"И! спите съ богомъ! что за сны!"
И въ лихорадкѣ отъ волненья
Ложатся обѣ и молчатъ
И другъ отъ друга сновидѣнья
Въ безсонномъ ужасѣ таятъ.
И снова все затихло въ спальнѣ...
Уже не долеталъ до ней,
Какъ отголосокъ смутно-дальній,

Съ пустынныхъ улицъ скрипъ саней.
Лампада томная дрожала
И круглый отблескъ колебала
На потолкѣ, а снизу тьма
Была докучна и нѣма.
Сквозь щель опущенной гардины,
Упавшей на двѣ половины,
Опять былъ видѣнъ тотъ же домъ
И кровля снѣжная на немъ,
Бѣлѣлась холодно, уныло ;
По ней печальна и ясна
Мерцала кроткая луна
И все такъ тихо, тихо было,
Что безотчетно сердце ныло.

—

И———РУ.

Die Rothweine regen die Kreislaufsorgane stark auf.
(Фармакологія Курта Шпренгеля).

Въ уныньи медленномъ недуга и леченья
Скучаетъ умъ, молчатъ уста
И жду я съ жадностью минуты исцѣленья,
Конца тяжелаго поста.
Удастся-ль помянуть намъ доблестное время
Упругихъ мышцъ и свѣжихъ силъ,
Когда безъ устали ночей безсонныхъ бремя
Нашъ бодрый возрастъ выносилъ?
До устъ, взлелѣянныхъ вакхической отвагой,
Коснется-ль снова, жаръ тая,
И мягкимъ запахомъ и бархатною влагой
Вина пурпурная струя?
Садись! Достану я изъ подъ сѣдаго слоя
Бутылку мшистую мою
И на бокъ наклоня—съ падучаго отстоя
Въ стаканы бережно солью.
Но годы ужъ не тѣ! И кровь напиткомъ жгучимъ
Безплодно въ жилахъ разогрѣвъ,
Уже мы не пойдемъ въ волненіи могучемъ
На праздникъ сладострастныхъ дѣвъ.

Ни плечи бѣлыя, ни косы развитыя,
Ни взоръ полу-приподнятой—
Уже не пробудятъ въ насъ страсти прожитыя
И тѣла трепетъ молодой.
Отъ Фавна стараго таятся робко дѣвы
Въ зелено-свѣжей мглѣ дубровъ
И внемлятъ юношей влюбленные напѣвы
Сквозь шумъ колеблемыхъ листовъ.

Боюсь не вызвать бы, средь нашихъ возліяній
Перебирая жизни даль,
И горечь ѣдкую иныхъ воспоминаній,
И современную печаль!
Не вспомнить бы людей враждующія лицы,
Ихъ злобы грубыя черты,
И ихъ любовь дряблѣй изношенной тряпицы—
Прикрытье жалкой клеветы?
Не встрѣтить бы въ вѣкахъ насилій и стяжанья
Неисцѣлимую болѣзнь?
Не вспомнить бы утратъ могильныя преданья
И счастья смолкнувшую пѣснь?
Скорѣй—давай шутить! Пусть шутки даръ нескромный
Дастъ волю блесткамъ острыхъ словъ,
Яркомелькающихъ—какъ искры ночью темной
Надъ пепломъ тлѣющихъ костровъ.
Да! шутка насъ спасетъ. Ее мы за послугу
Сравнимъ съ красавицей больной,
Въ предсмертный часъ еще дарящей другу
Привѣтъ улыбки молодой.

—

ВОСПОМИНАНІЕ.

На горной крутизнѣ я помню шумный лѣсъ,
Вѣками взрощенный въ торжественности дикой,
И тамъ былъ темный гротъ между корней древесъ,
Поросшій влажнымъ мхомъ и свѣжей повиликой.
Его тѣнистый сводъ незримо пробивая,
Студеный падалъ ключь лепечущей струей...
Ребенккомъ, номнится, здѣсь лѣтнею порой
Въ безмолвной праздности я сиживалъ, внимая.
Тонули—шелесты и каждый звукъ иль шумъ
Въ широкомъ ропотѣ лѣснаго колыханья,
И смутнымъ помысломъ объятъ былъ дѣтскій умъ
Средь грезъ таинственныхъ и робкаго желанья.

NOCTURNO.

Das tragische in Leben ist das
Gefuhl des Nichts.
(Brief eines Reisenden).

Уже и за полночь давно!
Домой иду я одиноко;
Безмолвно, пусто и темно
На нашей улицѣ широкой...
И длинной... такъ, что днемъ иди—
Конца не видно впереди.
Теперь не встрѣтишъ ни собаки!
И даже самый альгвазилъ,
Наемный другъ гнетущихъ силъ,
Врагъ бѣдняка, смиритель драки,
Прогулкой не тревожа слухъ,
Таится какъ незримый духъ;
И даже нищій мой, который
Здѣсь нѣгу сна вкушать любилъ,
Занять ночлегъ не приходилъ
На тротуарѣ у забора.

Есть фонари, но такъ блѣдны,
Какъ будто только зажжены,
Чтобъ показать какой глухою
Вкругъ нихъ все вѣетъ темнотою;
Да звѣзды сверху между крышъ
Дивятся на ночную тишь.
Звучитъ мой шагъ во тьмѣ унылой,
И этотъ звукъ такъ пустъ и дикъ,
Что еслибъ я себѣ на мигъ
Далъ волю—мнѣ бы страшно было.
Стоятъ высокіе дома,
По окнамъ странный лоскъ блуждаетъ,
Какъ будто въ нихъ мерцаетъ тьма,
И этотъ лоскъ напоминаетъ
Взглядъ незакрытыхъ, мертвыхъ глазъ,
Гдѣ жизни лучь уже погасъ,
А что то чудится живое,
Но непріязненно нѣмое.
  Вотъ виденъ свѣтъ въ одномъ окнѣ;
Свѣча въ печальной тишинѣ
Сквозь стору трепетно мерцаетъ;
По сторѣ чья то тѣнь блуждаетъ.
Кто ты безвѣстный мой сосѣдъ?
За чѣмъ не спишъ ты въ эту пору?
Какое чувство горькихъ бѣдъ
Мѣшаетъ сномъ сомкнуться взору?
А про меня быть можетъ ты
Подумалъ: "Что тамъ за скиталецъ,
Какой непрошенный страдалецъ,
Протяжнымъ шагомъ о плиты

Нарушилъ миръ моей мечты?"—
Ктожъ говоритъ, что я страдаю?..
Мнѣ весело. Иду домой
Съ бесѣды милой и живой.
Тамъ были шумны разговоры;
О важныхъ лицахъ и дѣлахъ,
О самыхъ выспреннихъ вещахъ
Велися ревностные споры.
Мнѣ было весело. Со мной
Одинъ философъ записной
Проспорилъ цѣлый часъ о богѣ.
Онъ самъ далекъ отъ той мечты,
Чтобъ средь небесной пустоты,—
Гдѣ по затверженной дорогѣ
Блуждаетъ мѣрно хоръ свѣтилъ,—
Вообразить себѣ чтобъ жилъ
Какой то баринъ, учредитель
Мірскихъ напастей управитель;
Но говоритъ весьма умно,
Что все есть что то, что должно
Признать за бога, что украдкой
На днѣ всего живетъ въ тиши,
Что это нужно для порядка
И для безсмертія души.
А я, ни въ міръ не вѣря вышній,
Ни въ дно вещей,—я отрицалъ,
Я по просту ему сказалъ,
Что это что то вовсе лишне.
Онъ спорилъ рьяно, мудрено,
Я спорилъ холодно и сухо;

Его понятье—мнѣ смѣшно,
Мое—ему шло мимо уха,
Такъ что моглибъ мы безъ труда
Съ нимъ и не спорить никогда;
Но было весело!—А дамы
Рѣшили что всего страшнѣй
Касаться до святыхъ вещей,
Что установленной программы
Держаться лучше потому,
Что съ ней покойнѣе, уму,
Пріятнѣй сердцу безъ сомнѣнья
Да и полезно для спасенья.—
Исполненъ внутреннихъ тревогъ,
Межъ дамъ, которыхъ тутъ я встрѣтилъ,
Одну внезапно я замѣтилъ
И глазъ отвесть съ нея не могъ.
Улыбки кроткой безмятежность
И взора вкрадчивая нѣжность
Напоминала мнѣ тотъ ликъ,
Который я любить привыкъ
Когда то, въ молодые годы,
Въ дни поэтической свободы.....
Мнѣ было весело и вдругъ
Мной страшный овладѣлъ недугъ;
Я чувствовалъ, что жизни сила,
Что сердца жизнь во мнѣ остыла,
Что сердцѣ выдохло давно,
Какъ незамкнутое вино.—
Такъ чтожъ? Пускай! Есть жизнь иная,
Иная цѣль передо мной,

И трудъ достойный совершая
Я занятъ мыслію иной,
Все благо общее и дѣло...—
Тутъ юноша подсѣлъ ко мнѣ,
Глядитъ такъ бодро и такъ смѣло,
Пророчитъ въ жгучей болтовнѣ,
Не спотыкаясь о сомнѣнье,
Народовъ юное движенье...
А я ему сказалъ въ отвѣтъ,
Что это вздоръ—надежды нѣтъ,
Чтобъ ѣхалъ онъ въ глухія степи
Искать иныя племена;
Для тѣхъ, на комъ преданій цѣпи,
Жизнь кончена, порѣшена...
И самому мнѣ стало больно,
Какъ я убилъ его невольно!—
Но занялъ насъ иной предметъ—
Потомъ—за позднею бутылкой:
Что лучше спрашивалось пылко
Clos de Vougeot, или Моэтъ?
Я предпочелъ неукоснѣло
Бургунское; огонь его
Мнѣ кажется дружнѣй всего
Съ печалью гордой мысли зрѣлой...
Но рѣчь идетъ не обо мнѣ:
Ты что, сосѣдъ неугомонный,
Свѣчи не гасишь въ тишинѣ,
Томимъ тревогою безсонной?
Что ты—жалѣешь или ждешь?
Грустишь о прошломъ, или вѣришь?

Или упорно лицемѣришь
И міръ особый создаешь?
Быть можетъ, не проживъ съ пол-вѣка,
Ты хоронилъ уже не разъ
Душѣ роднаго человѣка
И сна не знаешь въ поздній часъ?
Напрасно! Никакою силой
Не воскресишь; не спи ночей,
Ворочай въ памяти своей
Любимый образъ, голосъ милый,—
Все невозвратно, и могила,
Землей засыпавъ темный сводъ,
Безмолвныхъ жертвъ не отдаетъ.
А можетъ въ возрастъ тотъ завидный
Едва вступая, гдѣ слегка
На верхней губѣ пухъ чуть видный
Крутитъ надменная рука,—
Ты такъ влюбленъ, что спать не можешь,
Огнемъ трепещешь и горишь,
И имя милое твердишь
И воздухъ дремлющій тревожишь!
Какъ знать? Она-ль начнетъ чередъ,
Иль ты разлюбишь напередъ,
Иль страсть въ сожитьи охладѣетъ
И скука жизнью овладѣетъ?...
Но что нибудь изъ этихъ бѣдъ
Придетъ же бѣдный мой сосѣдъ,
Хоть ты теперь и полный вѣры
Не спишь, блаженствуя безъ мѣры.—
А можетъ быть ты не любимъ?

И только страстью одинокой,
Тоской и ревностью томимъ,
И о красавицѣ жестокой
Упорно думая всю ночь,
Сна врачеванье гонишъ прочь?
Да! эта страсть продлится годы,
Таковъ законъ ея природы,
За тѣмъ, что человѣкъ упрямъ
И жадно льнетъ къ своимъ мечтамъ,
И любитъ съ тайнымъ напряженьемъ
Дразнить себя пустымъ волненьемъ.
Увидишъ послѣ многихъ лѣтъ,
Что страсть была ненужный бредъ.
Но я съ чегожъ воображенью
Далъ ходъ какъ мальчикъ, иль хвастунъ?
Съ чего я взялъ, что ты такъ юнъ?
А ты на зло такому мнѣнью
Мужъ достославный по всему,
И по лѣтамъ, и по уму,
И брови съ просѣдью нависли,
И опытъ далъ здоровость мысли,
И ночь безмолвная безъ сна
Тобой труду посвящена:
Ты пишешъ новое творенье,
Гдѣ есть загадкѣ разрѣшенье,
Гдѣ ты откроешъ намъ пути—
Какъ человѣчество спасти.
Трудись, спѣши, спасай скорѣе,
Недугъ все съ каждымъ днемъ страшнѣе!
Надъ книгой ночь не станетъ спать
Со временемъ твой почитатель,

Завѣта новаго искатель,
Чтобы нашъ міръ пересоздать,
И самъ отъ горя изнывая,
Умреть, тебя благословляя.
А можетъ ты подобно мнѣ
Трудиться любишъ въ тишинѣ
Надъ риѳмой, и съ нѣмымъ вниманьемъ
Занявшись строчекъ окончаньемъ,
Грызешъ съ досады до утра
Конецъ усталаго пера?...
Все для того, чтобъ какъ то чудно
Сказать безъ нужды кой кому—
Какъ въ жизни тяжело уму,
Какъ сердцу горестно и трудно!
Чтобъ тотъ, кто примется читать
Уныло звучную тетрадь,
Едва вкусивъ самозабвенье,
Опять почувствовалъ мученье,
Опять бы въ сердцѣ могъ начать
Живыя раны разтравлять!
Занятье истинно благое
И стоитъ, чтобъ ночей не спать.
А если ты совсѣмъ иное?
Ты можетъ быть больной старикъ
И морщась сдерживаешъ крикъ?
Цѣня терпѣніе тупое -
Скучаешъ такъ, какъ не скучалъ
Никто отъ нравственныхъ началъ,
И ждешъ: науки представитель
Пріѣдитъ докторъ, твой спаситель...

Не вѣрь ему, ни жди его:
Наука только для того,
Чтубъ нервъ ощупать уязвленный,
Коснуться пальцемъ до него,
Понять болѣзни ходъ законный—
И только, больше ничего!
Пора, старикъ неугомонный,
Чтобъ напослѣдокъ понялъ ты
Всю власть бездонной пустоты,
Въ которой тѣни жизни бродятъ,
Родятся люди, люди мрутъ,
Народы въ битвахъ вѣкъ проводятъ
И гибнутъ...новые растутъ.
Пойми, слѣдя всѣхъ дѣлъ теченье,
Нуля предвѣчнаго движенье,
И въ этой мысли ты, другъ мой,
Сыщи незыблемый покой,
Чтобъ ни болѣзни, ни печали
Уже твой умъ не возмущали.
  Но вдругъ—онъ погасилъ свѣчу,—
И остаюсь я одинокой
На нашей улицѣ широкой...
Чего я жду? чего хочу?
Зари-ль улыбки жду цѣлебной?
Но все темно, но все враждебно...
Пойду домой—тревожный нравъ
Спокоить въ усыпленномъ тѣлѣ...
А можетъ быть сосѣдъ былъ правъ—
И я страдаю въ самомъ дѣлѣ!

—

СУШЬ И ДОЖДЬ.

1.

Нѣтъ ни тучки, солнце пышетъ,
Ярко блещетъ синева,
Воздухъ душный знойно дышетъ,
Блекнетъ бѣдная трава;
Нива рано пожелтѣла,
Сохнетъ колосъ, цвѣтъ убитъ;
Наша рѣчка обмелѣла,
Наша мельница молчитъ.
Роща листья опустила,
Птицѣ дышется съ трудомъ,
Стадо тощее уныло
Дремлетъ въ снѣ полу-живомъ.
Людямъ жутко въ эту пору,
Будетъ голодъ, жизнь тяжка;
По блестящему простору
Всюду мертвая тоска.

2.

Сіяло звѣздное мерцанье,
А вѣтра влажнаго дыханье

Изъ за морей, издалека
Сгоняло въ тучу облака.
И туча тихо подступала,
И звѣзды мракомъ застилала;
Сверкнула молнія, и громъ
Пронесся въ трепетѣ глухомъ.
И ближе грозное движенье,
И, видя тучи приближенье,
Все наше бѣдное село
Въ отрадномъ ужасѣ ждало.
Пришла и небо обложила,
И дождь обильный пролила,
И землю влагой напоила,
И въ путь торжественно ушла.

3.

Воздухъ мягокъ, утро блещетъ
И прозрачна синева,
Въ капляхъ радужныхъ трепещетъ
Окропленная трава.
Снова рѣчка зашумѣла,
Въ рощѣ свѣжесть; листъ пахучъ,
Птица весело запѣла,
Стадо за ночь поюнѣло,
Вышло встрѣтить ранній лучъ...
Но пропала наша нива,
Наша мельница пуста;
Не сойдетъ миролюбиво
Къ намъ улыбка на уста,

Слѣдъ тяжелый жизни скудной
Ляжетъ усталью на насъ...
Хоть дѣтей бы рокъ на́шъ трудный
Миновалъ, не повторясь,
Чтобъ у нихъ былъ плодотворенъ
Вешній дождь и лѣтній зной,
Нивы колосъ многозеренъ,
Днемъ веселымъ трудъ проворенъ,
Миренъ со́нъ въ тиши ночной.

—

МЕРТВОМУ ДРУГУ.

То было осенью унылой...
Средь урнъ надгробныхъ и камней
Свѣжа была твоя могила
Недавней насыпью своей.
Дары любви, дары печали—
Рукой твоихъ учениковъ
На ней разсыпаны лежали
Вѣнки изъ листьевъ и цвѣтовъ.
Надъ ней суровымъ днямъ послушна—
Кладбища сторожъ вѣковой,—
Сосна качала равнодушно
Зелено-грустною главой,
И рѣчка, берегъ омывая,
Волной безслѣдною вблизи
Лилась, лилась, не отдыхая
Вдоль нескончаемой стези.

Твоею дружбой не согрѣта
Вдали шла долго жизнь моя

И словъ послѣдняго привѣта
Изъ устъ твоихъ не слышалъ я.
Размолвкой нашей недовольный
Ты, можетъ, глубоко скорбѣлъ;
Обиды горькой, но невольной
Тебѣ простить я не успѣлъ.
Никто изъ насъ не могъ быть злобенъ,
Никто, тая строптивый нравъ,
Былъ повиниться не способенъ,
Но каждый думалъ, что онъ правъ.
И ѣхалъ я на примиренье,
Я жаждалъ искренно сказать
Тебѣ сердечное прощенье
И отъ тебя его принять...
Но было поздно...
Въ день унылый,
Въ глухую осень, одинокъ
Стоялъ я у твоей могилы
И все опомниться не могъ.
Я, стало, не увижу друга?
Твой взоръ потухъ и навсегда?
Твой голосъ смолкъ среди недуга?
Меня отнынѣ никогда
Ты въ часъ свиданья не обнимешь,
Не молвишъ въ проводъ ничего?
Ты сердцемъ любящимъ не примешь
Признаній сердца моего?
Все кончено, все невозвратно—
Какъ правды ужасъ не таи!
Шептали что то непонятно

Уста холодныя мои
И дрожь по тѣлу пробѣгала,
Мнѣ кто то говорилъ укоръ,
Къ груди рыданье подступало,
Мѣшался умъ, мутился взоръ,
И кровь по жиламъ стыла, стыла...
Скорѣй на воздухъ! дайте свѣтъ!
О! это страшно, страшно было,
Какъ сонъ гнетущій или бредъ.....

Я пережилъ—и вновь блуждаетъ
Жизнь между дѣла и утѣхъ,
Но въ сердцѣ скорбь не заживаетъ
И слезы чуятся сквозь смѣхъ.
Въ наслѣдье мнѣ дала утрата
Портретъ съ умершаго чела,
Гляжу—и будто образъ брата
У сердца смерть не отняла:
И вдругъ мечта на умъ приходитъ,
Что это только мирный сонъ;
Онъ это спитъ, улыбка бродитъ,
И завтра вновь проснется онъ;
Раздастся голосъ благородный
И юношамъ въ завѣтный даръ
Онъ принесетъ и духъ свободный,
И мысли свѣтъ, и сердца жаръ...—
Но снова въ памяти унылой
Рядъ урнъ надгробныхъ и камней
И насыпь свѣжая могилы

Въ цвѣтахъ и листьяхъ, и надъ ней,
Дыханью осени послушна,—
Кладбища сторожъ вѣковой—
Сосна качаетъ равнодушно
Зелено-грустною главой,
И волны, берегъ омывая,
Бѣгутъ, спѣшатъ, не отдыхая.

—

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КОЛОКОЛУ.

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда неистово гнетя
Одна рука ее сжимала;
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоуміемъ капрала
Не зналъ, что передъ нимъ лежало,
И мысль его не поняла
Какая есть въ ребенкѣ сила:
Рука—ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ;
Звучалъ на почвѣ не родной—
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни

Онъ укрывался бы отъ казни;
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободномыслію привыкъ
И не касалася окова
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
Дождался голосъ одинокой,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
Звучитъ, разкачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока—спугнувъ ночные сны—
Изъ колыбельной тишины
Россія бодро не воспрянетъ,
И крѣпко на ноги не станетъ,
И непорывисто смѣла—
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

—

ОТСТУПНИЦѢ.

(Посвящено гр. Р.........й)

Теперь идетъ существованье
Съ однообразіемъ волны...
Но мигъ случайный, намеканье—
И будитъ вновь воспоминанье
Давно утраченные сны.
Такъ звукъ внезапный воскрешаетъ
Всю пѣснь забытую—и вотъ
Знакомый голосъ оживаетъ,
Знакомый образъ возстаетъ;
Изъ за тумановъ ночи мрачной
Восходитъ жизнь прошедшихъ лѣтъ,
Облечена въ полу-прозрачный,
Полу-задумчивый разсвѣтъ.
Все это только родъ вступленья,
Чтобы сказать, что какъ то разъ,
Тревожа тѣни изъ забвенья,
Случайно вспомнилъ я о васъ.

Воскресло въ памяти унылой
То время свѣтлое, когда
Вы жили барышнею милой
Въ Москвѣ, у чистаго пруда.
Мы были въ той порѣ счастливой,
Гдѣ юность началась едва,
И жизнь нова, и сердце живо,
И вѣра въ будущность жива.
Дворомъ широкимъ проѣзжая,
Къ крыльцу невольно торопясь,
Скакалъ, бывало, я—мечтая
Увижу-ль васъ, увижу-ль васъ!
Я помню...(годы миновали!)...
Вы были чудно хороши,
Черты лица у васъ дышали
Всей юной прелестью души.
Въ тѣ дни, когда неугомонно
Искало сердце жаркихъ словъ,
Вы мнѣ вручили благосклонно
Тетрадь завѣтную стиховъ.
Не помню—слогъ стихотвореній
Хорошъ-ли, не хорошъ-ли былъ,
Но ихъ свободы гордый геній
Своимъ наитьемъ освятилъ.
Съ порывомъ страстнаго участья
Вы пѣли вольность, и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Ихъ прахъ казненный, но святой.
Листы тетради той завѣтной

Я перечитывалъ не разъ,
И снился мнѣ вашъ ликъ привѣтный,
И блескъ, и живость черныхъ глазъ.
Промчалась, полная невзгоды,
Отъ васъ далеко жизнь моя;
Вашъ милый образъ въ эти годы
Какъ бы въ туманѣ помнилъ я.
И какъ то случай свелъ насъ снова
Въ порѣ печальной зрѣлыхъ лѣтъ...
Уже хотѣлъ я молвить слово,
Сказать вамъ дружескій привѣтъ;
Но вы какому то французу
Свободу поносили вслухъ,
И русскую хвалили музу
За подлый складъ, за рабскій духъ.
Меня тогда вы не узнали,
И я былъ радъ: я увидалъ,
Какъ низко вы душою пали
И васъ глубоко презиралъ.
Скажите—въ этотъ вечеръ скушной,
Когда вернулись вы домой,
Ужель могли вы равнодушно
На ложѣ сна найти покой?
Въ тиши угрюмой ночь глухая,
Тоску и ужасъ навѣвая,
Вамъ не шептала ли укоръ,
Что вы отступница святыни,
Что вы съ корыстью рабыни
Свой голосъ продали за вздоръ!

Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамой
Я разквитался-бъ эпиграммой;
Но передъ вами смѣхъ молчитъ
И грозно рѣчь моя звучитъ:
Покайтесь грѣшными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь съ горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
Въ измѣнѣ вѣтреной своей—
У молодаго поколѣнья,
У всѣхъ порядочныхъ людей.
Давно разстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь,—вамъ быть можетъ міру
Сказать удастся стихъ иной,—
Не тотъ напыщенный, жеманный,
Гдѣ дышетъ холодъ, вѣетъ тьма,
Гдѣ все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тотъ, который, слухъ лаская,
Звучалъ вамъ въ трепетной тиши
Въ тѣ дни—когда вы, разцвѣтая,
Такъ были чудно хороши.
Не бойтесь снять съ себя личину
И обвинить себя самихъ:
Христосъ Марію Магдалину
Поставилъ выше всѣхъ святыхъ!
И нѣтъ стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...

И даже я на примиренье
Готовъ по правдѣ вамъ сказать—
И словъ моихъ тѣмъ не ослаблю:
Я-бъ и Клейнмихелю простилъ,
Когда-бъ онъ дѣвственную саблю
За безкорыстность обнажилъ.

—

У МОРЯ.

Дождь и холодъ! А ты все сидишъ на скалѣ,
Посмотри на себя—ты босая!
Что на море глядишъ? Въ это пасмурной мглѣ
Не видать словно ночью, родная!
Шла домой бы, ей богу!—

"О! я знаю за чѣмъ я сижу на скалѣ;
Что за нужда что сыро и скверно,—
А его различить я съумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!

"Онъ когда уѣзжалъ, вѣтеръ страшно свисталъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
Онъ мнѣ руку пожалъ, и смѣяся сказалъ:
Ты не бойся знакомаго шквала,
Въ бурю ловля чудесна!—

"Отвязалъ онъ и лодку, и парусъ поднялъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
Издалека еще онъ платкомъ мнѣ махалъ,
Буря лодку свирѣпо качала...
Въ бурю ловля чудесна!

"Вѣтеръ парусъ его на клочки изорвалъ,
Чайка сѣрая съ крикомъ летала;
И поднялся такой нескончаемый валъ,
Что я лодку за нимъ не видала.
Въ бурю ловля чудесна!

"Я по утру и днемъ, и въ полночь на скалѣ;
Что за нужда, что сыро и скверно,
А его различить я съумѣю во мглѣ,
Онъ сегодня вернется навѣрно.
Въ бурю ловля чудесна!"

—

РАЗЛУКА.

Ночь была прозрачна:
Мирный блекъ луны,
Синей мглы мерцанье,
Кротость тишины...
Нашей старой ивы
Не качался листъ
И висѣлъ безмолвно—
Свѣжъ и серебристъ.
Думала я долго:
Живъ ли милый мой?
Что то онъ не пишетъ
Съ стороны чужой!
Видно все не время,
Много все заботъ...
А вотъ мнѣ до утра
Сонъ на умъ нейдетъ.
Утро проглянуло
Золотымъ лучемъ,
Мнѣ въ окно пахнуло
Раннимъ вѣтеркомъ.

Нашей старой ивы
Встрепенулся листъ
Шорохомъ дрожащимъ—
Зеленъ и росистъ.
Встала я съ постели...
Что то милый мой?
Скоро ли напишетъ
Съ стороны чужой?

—

СЪ ТОГО БЕРЕГА.

Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаха
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
ПУШКИНЪ (Полтава).

На утесѣ на твердомъ сижу я и слушаю:
Море темное плещетъ, колышется;
И хорошъ его шумъ и безрадостенъ,
Не наводитъ на помыслы свѣтлые.
Погляжу я на берегъ на западный—
И тоска беретъ, отвращеніе;
Погляжу я на дальній на востокъ—
Сердце бьется со страхомъ и трепетомъ.
Голова такъ и клонится на руки,
И я слушаю, слушаю волны—да думаю,
А что думаю—говорится вслухъ,
Не то оно пѣсня, не то сказаніе.

Погляжу я на берегъ на западный,—
Вотъ что было тамъ, что случилося.

Мерзлымъ утромъ рано-ранехонько
Выступали полки, шли по улицѣ;
Громко конница шла, стуча копытами,
Мѣрно пѣхота шла, разъ въ разъ, не сбиваяся;
Гулъ тяжелый несся отъ поступи.
Барабаны трещали безъ умолку,
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орелъ сидитъ,
А орелъ—птица кровожадная!
И пришли полки, стали на площадь,
Середь улицы плаха воздвигнута.
За полками народу тьма тьмущая;
Всѣ на плаху глядятъ и безмолствуютъ,
Тишина была страшная, гробовая.
Вотъ на площадь ввели двухъ колодниковъ
Что задумали подорвать кесаря;
Не хотѣли они орла кровожаднаго,
Али ястреба, падалью сытаго.
Вотъ ввели ихъ двухъ колодниковъ,
А ввели ихъ со солдатами,
А солдаты со саблями съ обнаженными,—
Для двухъ скованныхъ сила грозная!
И пришли они два колодника,
По морозцу пришли босоногіе;
Два попа имъ лгали милость божію.
И пришли они два колодника,
А затылки у нихъ острижены,
Топору чтобъ помѣхи не было.
И надѣли на нихъ на колодниковъ
Покрывало черное на каждаго:
За отцеубійство казнить ихъ велѣно.

Да отецъ то гдѣжъ, вы скажите мнѣ?
Развѣ тотъ отецъ, кто казнить велитъ,
Кто казнить велитъ а не миловать?
Ахъ, лжецы вы, лжецы окаянные!
Погляжу на васъ да послушаю,—
Такъ съ отчаянья индо смѣхъ беретъ.

И пошли на плаху колодники,
Шли спокойно они и безропотно,
Передъ смертью только воскликнули:
"Эхъ! да здравствуетъ наша родина
И другая страна, столь любимая,
Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
А въ любви къ ней не разкаялись!"
И попадали обѣ головы.
И палачъ склалъ обѣ головы въ мѣшокъ,
А безглавыя тѣла повалилъ на телѣгу,
Новезли спозаранку къ ночлегу.

И безмолвный народъ по домамъ пошелъ,
Кто понурясь пошелъ съ горькой горестью,
А иной былъ радъ, что богъ милость далъ
Увидать на вѣку дѣло рѣдкое.
Постояли полки,—дѣлать нечего,
И пошли опять стройной выстройкой,
Только гулъ стоналъ отъ ихъ поступи.
Впереди несли знамя военное,
А на знамени орелъ сидитъ,
А орелъ—птица кровожадная!

Кровожадная она и не новая:
Въ стары годы ее на знамени

Гордо-лютые носили Римляне.
И у нихъ былъ Брутъ, убилъ кесаря,
И была ему слава великая.
Да не въ прокъ пошло убіеніе,—
Самъ народъ былъ рабъ, по душѣ былъ рабъ,
И пошли все кесари да кесари;
Много крови лилось человѣческой...
Сказка старая, невеселая!

Погляжу я на дальній на востокъ:
Тамъ мое племя живетъ, племя доброе.
Кесарь хочетъ ему самъ свободу дать,
Хочетъ самъ да побаивается.
Если кесарь самъ намъ свободу дастъ,
Онъ не кесарь—новый духъ святой!
Ну! да какъ же кесарю намъ свободу дать?
У него всежъ орелъ на знамени:
Духъ святой являлся въ видѣ голубя,—
А орелъ—птица кровожадная!
Вѣрить хочется и не вѣрится,
Съ думы сердце въ груди надрывается.

И все жаль мнѣ ихъ—этихъ двухъ людей,
Что сложили свои головы
Такъ спокойно и такъ доблестно,
Передъ смертью только воскликнули:
"Эхъ! да здравствуетъ наша родина
И другая страна, столь любимая,
Гдѣ теперь мы слагаемъ головы,
А въ любви къ ней не раскаялись!"

Моя пѣсня—не просто сказаніе.
Моя пѣсня—надгробное рыданіе

По людямъ, убіеннымъ за родину,
За любовь къ волѣ человѣческой,
По мученикамъ, по праведнымъ,
Святой вольности угодникамъ.
Моя пѣсня—не просто сказаніе,
Моя пѣсня—надгробное рыданіе:
Изъ груди она съ болью вырвалась,
Отъ глубокой тоски сказалася...
Ты лети-жъ, моя пѣсня скорбная,
Черезъ море, море шумное,
Долетай до людскихъ ушей
Пусть ихъ слушаютъ хотя-не-хотя.
Кто въ душѣ грѣшонъ—тотъ пусть бѣсится,
До него мнѣ и дѣла нѣтъ;
А прямая душа—пусть прочувствуетъ,
Горькой думою призадумается.
А не тронешъ изъ ни единаго,—
Лучше-жъ, пѣсня ты моя скорбная,
Нотони ты въ плескѣ волнъ морскихъ,
Безъ слѣда развѣйся по вѣтру.

—

ОСЕНЬЮ.

Какъ были хороши порой весенней нѣги—
И свѣжесть мягкая зазеленѣвшихъ травъ,
И листьевъ молодыхъ душистые побѣги
По вѣтвямъ трепетнымъ проснувшихся дубравъ,
И дня роскошное и теплое сіянье,
И яркихъ красокъ нѣжное сліянье!

Но сердцу ближе вы осенніе отливы,
Когда усталый лѣсъ на почву сжатой нивы
Свѣваетъ съ шопотомъ пожелклые листы,
А солнце позднее съ пустынной высоты,
Унынья свѣтлаго исполнено, взираетъ...
Такъ память мирная безмолвно озаряетъ
И счастье прошлое и прошлыя мечты.

—

ИСКАНДЕРУ.

(1858 года).

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смѣжномъ,—
Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово :
Свобода ! Свобода !

Измученный рабствомъ и духомъ унылый
Покинулъ я край мой родимый и милый,
Чтобъ было мнѣ можно, на сколько есть силы,
Съ чужбины до самаго края роднаго
Взывать громогласно завѣтное слово :
Свобода ! Свобода !

И вотъ на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
Мнѣ издали голосъ послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомощный,
Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночнаго,
Мнѣ слышится съ родины юное слово :
Свобода ! Свобода !

И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
Какъ птица изъ клѣтки, простясь съ заточеньемъ,
Взыграло впервые отраднымъ біеньемъ,
И какъ то торжественно, весело, ново
Звучитъ теперь съ дѣтства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все то мнѣ грезится—снѣгъ и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизменное, вѣчное слово,
Свобода! Свобода!

Но еслибъ грозила бѣда и невзгода
И рукъ для борьбы захотѣла свобода,—
Сей часъ полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А еслибъ пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я съ надеждой и вѣрою нынѣ;
Но въ мигъ передсмертный—въ снокойной кручинѣ
Не дай мнѣ остынуть безъ звука святаго,
Товарищъ, шепни мнѣ послѣднее слово:
Свобода! Свобода!

—

НАПУТСТВІЕ.

Научите немудрыхъ.
Евангеліе.

Забудь унынія языкъ!
Хочу—по мимо произвола
Чтобъ ты благоговѣть привыкъ
Передъ святынею глагола.

Мнѣ надо, чтобы съ устъ твоихъ,
Непразднословныхъ и не лживыхъ,
Звучалъ потокъ рѣчей живыхъ,
Какъ разумъ ясныхъ и правдивыхъ.

Отбрось рабовъ обычныхъ школъ—
И книжника и фарисея:
Предъ ними истины глаголъ
Проходитъ, власти не имѣя.

Учи того, кто не успѣлъ
Съ ума сойти въ ихъ жизни дикой,
Кто жаждетъ искрененъ и смѣлъ
Разсудка простоты великой.

Глаголъ—орудіе свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вѣчно движутся, народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готовъ ли?...Ну! теперь смотри—
Ступай по городамъ и сёламъ
И о грядущемъ говори
Животрепещущимъ глаголомъ.

—

ВЕСНОЮ.

Весною и зеленью пахнетъ въ саду,
Брожу я въ какомъ то чаду...
Что дѣлать?.. Я по просту лягу въ траву,
Я грѣзить хочу на яву,
Чтобъ было дышать хорошо и раздольно
И на сердцѣ ясно и вольно.

Но вотъ что бѣда—если вспомнишъ какъ жилъ,
Напрасно страдалъ и любилъ,
Да вздумаешъ нехотя, такъ—невзначай,
Отбросивъ мечтаемый рай,
Что родъ человѣческій—дикъ и безплоденъ,
Не будетъ, не будетъ свободенъ;—
Такъ лучшебъ ужъ въ этой травѣ задремать—
Да такъ, чтобъ потомъ не вставать.

—

Я помню въ тиши ясполунныхъ ночей
Съ утеса катился ручей,
Серебряной нитью чиста, холодна
Сверкала, сверкала волна,
Серебряной нитью чиста, холодна
Шумѣла, шумѣла она.
И видя паденія трепетный блескъ,
И слушая трепетный плескъ,—
На сердце безвыходно странно-тяжка
Ложилась нѣмая тоска.

Внизу отъ утеса—широко-ровна
Шла степь—и по ней тишина,
И сколько бы гулъ отъ ручья ни звучалъ,
Но въ этой дали пропадалъ.
И глядя сквозь мглу и мерцанье окрестъ
Въ пустынную тишь этихъ мѣстъ,
И глядя все выше и выше отъ нихъ
Въ пустыню небесъ голубыхъ,—
Па сердце безвыходно странпо-тяжка
Ложилась нѣмая тоска.

—

ЛѢТОМЪ.

Мой другъ, не вижу я средь англійскихъ полей
Станицы сторожкой высокихъ журавлей,
И посвистомъ тройнымъ въ травѣ всегда скошенной,
Не свищетъ перепѣлъ, отрадно затаённый,
Не стонетъ коростель въ вечерней тишинѣ;
Одинъ—космополитъ—трепещетъ въ вышинѣ,
Какъ точка малая, веселый жаворонокъ,
И здѣсь его напѣвъ все также чистъ и звонокъ;
Да воробей еще—другой космополитъ—
По кровлямъ и въ садахъ и скачетъ и пищитъ.
На Темзѣ не видать, чтобъ дикихъ утокъ стая
Садилась на воду, кругами налетая;
Ручные лебеди надъ грязью тусклыхъ водъ
Одни бѣлѣются, минуя пароходъ.
Сурово осудилъ невинныя созданья
Жестокій человѣкъ на дальнія изгнанья,
Пугая злобно ихъ и силой и враждой,
И смертью дикою—за не онъ царь земной.
За то промышленность развита у народа,
И рабство тайное, и для иныхъ свобода;

Все это хорошо, я скоро въ прозѣ самъ
Развитію хвалу торжественно воздамъ.
Но сердцемъ я дикарь! Мнѣ хочется на лоно
Раздольной роскоши моихъ родныхъ степей,
Гдѣ взору нѣтъ конца до края небосклона,
Гдѣ дремлетъ въ знойный день станица журавлей,—
Одинъ на сторожѣ стоитъ поднявши ногу
И въ мигъ опасности готовъ поднять тревогу;—
Гдѣ слышенъ дергача протяжный, грустный стонъ,
Когда уходитъ день за дальній небосклонъ;
Гдѣ перепѣлъ свиститъ, таясь въ зеленомъ морѣ
Некошенной травы; гдѣ жить имъ на просторѣ
Привольно и легко, при ясномъ, тепломъ днѣ,
Въ благоухающей, безбрежной сторонѣ.
Иль нашъ дремучій лѣсъ, и шумъ и колыханье,
И въ чащѣ пѣнье птицъ, и пчелъ и мухъ жужжанье...
И вновь мнѣ хочется, чтобъ мирно безъ тревогъ
Въ тѣнистой зелени я заплутаться могъ,
Дождаться вечера... Закатъ въ мерцаньи дальнемъ
По листьямъ золотымъ блеститъ лучемъ прощаль-
За птицей птица вслѣдъ смолкаетъ въ тишинѣ [нымъ,
И лѣсъ таинственный почіетъ въ свѣжемъ снѣ;
Одни кузнечики, по вѣтреной привычкѣ,
Трепещутъ у корней въ болтливой перекличкѣ,
Да гдѣ то явственнѣй становится слышна
Ручья журчащаго безсонная волна.
И жду я мѣсяца...Онъ всталъ надъ лѣсомъ мглистымъ,
Прокрался сквозь вершинъ отливомъ серебристымъ,
И призрачно встаютъ, какъ бы изъ міра грёзъ,
Всѣ бѣлые стволы развѣсистыхъ берёзъ,

Задумчиво въ тиши понурились вѣтвями
И робко шепчутся пахучими листами...
Но мѣсяцъ клонится, свѣтлѣй лѣсная мгла,
Проснулась иволга, жужжа летитъ пчела,
И вновь разбуженный алѣющей зарёю
Заколебался лѣсъ подъ влажною росою.

—

ТЮРЬМА.

(Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній)

1.

Мнѣ было двадцать лѣтъ едва,
Кровь горячо текла по жиламъ,
Трудилась пылко голова
И все казалося по силамъ:
Жизнь міра, будущность людей
Все было тутъ...Но въ мысли каждой
Свободы благородной жаждой,
Я былъ проникнутъ до ногтей;
Врагъ угнетателей бездарныхъ
И просвѣтителей коварныхъ,—
Я вѣрилъ здравому уму,
Но не завѣту ничьему,
И было въ доблестномъ безвѣрьи,
Въ безстрашьи мысли молодой—
Поболѣе любви живой,
Чѣмъ въ ихъ холодномъ лицемѣрьи.

2.

Широкій, плоскій дворъ. Кругомъ
Заборъ съ рѣшеткою желѣзной.
Середь двора высокій домъ,
Гдѣ вѣкъ проводятъ безполезно
Полки замученныхъ солдатъ,
Всю жизнь готовясь на парадъ.
Покои—точно корридоры—
Темны, и длинны ; тускло взоры
Кроватей видятъ два ряда ;
На каждой войлокъ безобразный,
Въ ночи унылой отдыхъ грязный
За днемъ безплоднаго труда,
А воздухъ тамъ и спёртъ и смраденъ...
Нѣтъ ! вѣкъ солдата не отраденъ !—
Бывало утромъ на зарѣ—
Глядишъ въ окно на дворъ широкій,
А ужъ ученье на дворѣ,
То есть одинъ дуракъ высокій
Въ рядъ ставитъ двадцать дураковъ
И, подъ рычанье глупыхъ словъ,
Шагать ихъ учитъ, чтобъ не смѣли
Пошевельнуться головой,
Ну ! чтобы такъ ходить умѣли—
Какъ и не ходитъ родъ людской.
Съ какою радостью пріятной,
Съ какою злобой непонятной—
Противной даже во врагѣ—
Онъ билъ солдата по ногѣ !

И я глядѣлъ съ нѣмой тоскою,
И скорбно думалъ той порою—
Точь въ точь какъ думаю теперь—
Что человѣкъ ужасный звѣрь.

3.

Но возлѣ комнатъ этихъ длинныхъ
Тамъ было комнатъ пять—едва
Въ длину шести-семи аршинныхъ,
А въ ширину быть можетъ въ два.
Въ одну изъ нихъ меня квартальный
Привезъ въ полночи часъ печальный.
За чѣмъ не днемъ? Какъ это знать?
Такъ... все таинственности ради,
Чтобъ арестанта запугать,
Признаній выманить тетради;
Но никакой разсчетъ пройдохъ
Не могъ застать меня въ расплохъ.
По волѣ предписаній дикихъ,
Въ одной изъ комнатъ не великихъ
Я очутился въ заперти.
Кровать, да столъ, да стулъ убогой,
Да чтобы я не могъ уйти
Былъ часовой поставленъ строгой
У двери, запертой на ключь,
Какъ будто я былъ такъ могучъ,
Что могъ бы вырваться оттуда
Безъ сверхъ-естественнаго чуда.
Но тутъ не все: въ двери окно

И часовому знать дано,
Чтобъ онъ смотрѣлъ—за чѣмъ, не знаю—
Что я въ тюрьмѣ предпринимаю,
И онъ въ окно смотрѣлъ не разъ,
Безумно вѣруя въ приказъ.
Но не имѣли впечатлѣнья
На жизнь мою въ тюрьмѣ моей
Всѣ эти мелкія гоненья
Моихъ невинныхъ палачей.
Мой сторожъ сталъ мнѣ добрымъ другомъ;
Привычный властвовать испугомъ
Передъ смотрителемъ онъ лгалъ,—
Я все имѣлъ, чего желалъ.
Изъ угля дѣлалъ я чернилы,
Писалъ на что хватало силы;
Скажу себѣ я не въ укоръ:
Писалъ я вѣроятно вздоръ;
Но я—поклонникъ Сен-Симона—
Тогда грядущаго закона
Отъ всей душевной полноты
Чертилъ онъ важныя черты.
Писалъ—не съ тѣмъ, чтобы таиться,
Нѣтъ! передъ подленькимъ судомъ
Я вдохновеннымъ языкомъ
Безумно думалъ обличиться,
Всю мысль былъ высказать готовъ
Предъ сонмомъ хитрыхъ пошлецовъ.
Порой среди ночнаго бдѣнья,
Глухаго полный вдохновенья—
Я въ старой библіи гадалъ

И только жаждалъ и мечталъ,
Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока—
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.
Мнѣ не забыть во вѣкъ вѣковъ,
Безумно—сладостныхъ часовъ,
Когда царя тупая сила
Во мнѣ живую жизнь будила.

4.

Среди восторга тайныхъ думъ,
Порой я чувствовалъ глубоко—
Какъ тяжело жить одиноко,
И становился я угрюмъ.
Но мнѣ отрады лучь въ неволѣ
Блеснулъ: въ недѣлю разъ не болѣ
Ко мнѣ мой дядя ѣздить сталъ;
Его я въ правду уважалъ.
Свободы былъ бы онъ ораторъ
Въ иной, не рабской сторонѣ;
У насъ онъ только былъ сенаторъ,
Былъ врагъ душевной кривизнѣ.
А все же прожилъ вѣкъ безплодно
Въ борьбѣ, средь мелкаго труда,—
Какъ то бываетъ завсегда
Тамъ, гдѣ и мыслить несвободно.
Миръ праху твоему старикъ!
Успѣхъ былъ малъ, а трудъ великъ.
Когда тебѣ въ воспоминанье
Изъ глазъ моихъ слеза текла,

Невольной скорби воздаянье,
Повѣрь—она всегда была
И откровенна и тепла.

5.

Еще я помню посѣщенье...
У насъ гусарскій полкъ стоялъ;
Бывало конное ученье,
И часто средь двора кричалъ,
Забавно, голосомъ пискливымъ,
Красуясь на конѣ ретивомъ,
Огромный, толстый генералъ.
Разъ, недовольный эскадрономъ
Съ отчаянья почти со стономъ
Взглянулъ онъ къ верху—къ небесамъ;
Но до небесъ на пол-дорогѣ,
Взоръ останавливая строгій
На окнахъ,—у одной изъ рамъ
Онъ, аррестанта наблюдая,
Дивяся, вдругъ узналъ меня.
Съ отцомъ знакомство вспоминая
И долгъ приличія цѣня,
Онъ тотчасъ добылъ позволенье
И посѣтилъ мою тюрьму.
Пришлось его благоволенье
Прискорбнымъ сердцу моему!
Онъ былъ, конечно, малый честный,
По кавалеріи извѣстный,
Но долгомъ счелъ онъ мнѣ урокъ

Прочесть, похожій на упрекъ.
Бранилъ и очень оскорблялся—
За чѣмъ въ тюрьму я такъ попался,
За чѣмъ любилъ моихъ друзей,
За чѣмъ не понялъ жизни всей,
Къ чему весь образъ мыслей вольной?...
Вотъ онъ—знакомствъ имѣлъ довольно,
Знакомства почиталъ за честь,
А друга не хотѣлъ завесть;
За то—какъ доблести ни малы—
А вышелъ скоро въ генералы,
И еслибъ былъ я не простакъ—
И мнѣ бы надо дѣлать такъ.
Я жъ молча думалъ: безъ участья,
Безъ чувствъ, безъ мыслей и безъ счастья,
И даже, можетъ безъ похвалъ—
Помрешъ ты глупый генералъ!

6.

Приходитъ (хоть не очень чинно)
Въ воспоминаніе мое—
Какъ бабы на веревкѣ длинной
Сушили мокрое бѣлье.
Одна изъ нихъ мое вниманье
Влекла, не знаю почему:
Волосъ ли русыхъ колебанье
Пришлось по нраву моему,
Иль глазъ лазурныхъ взглядъ унылый,
Смотрѣвшихъ грустно на меня,

Иль тихій свѣтъ улыбки, милой
Какъ утро радостнаго дня,—
Но что то къ ней меня манило...
То были ль призраки любви...
Иль просто жаръ бродилъ въ крови,—
Но часто ночью мнѣ мечталось,
Что дверь тихонько отворялась,
И робко шла ко мнѣ она—
Голубоокая жена,
И вдругъ бросалась мнѣ на шею,
Я счастливъ я, дохнуть не смѣю...
И увидавъ, что это сонъ
Я былъ глубоко удрученъ.
Свѣчу печально зажигая,
Съ постели трепетно вставая,
Я строгость мысли призывалъ,
И снова въ библіи гадалъ,
Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока
И жизнь, и скорбь и смерть пророка.

7.

По капитанъ, казармъ смотритель,
Порою другъ, порой гонитель,
Съ меня немного взятки взявъ,
Вдругъ возъимѣлъ пріятный нравъ.
Къ себѣ сталъ въ гости звать не рѣдко,
Поилъ не дорогимъ виномъ;
Его супруга какъ насѣдка,
Сидѣла съ нами вечеркомъ,

Кудахтая о чемъ то сложно,
О томъ, что жить едва возможно,
Все дорого... чтобъ лучше жить
Мнѣ имъ бы надо пособить....—
Четы уныло гарнизонной
Я не хочу винить никакъ:
Все жъ капитанъ мой благосклонный
Былъ малый добрый, но бѣднякъ.
Но, боже мой, какъ скучно было
Къ нему ходить! И какъ меня
Его присутствіе томило—
Грустнѣй печальнѣшаго дня,
Какъ съ ними часъ побывъ, ей богу,
Стремился я въ свою берлогу,
Чтобъ о грядущемъ, одинокъ,
Я вновь свободно думать могъ.

8.

Шли дни за днями слѣдомъ скучнымъ;
Уже за лѣтомъ пыльно-душнымъ
Дожди осенніе пошли;
Потомъ, остынувъ, съ неба тучи
Накинули поверхъ земли
Въ холодныхъ хлопьяхъ снѣгъ сыпучій,
И побѣлѣлъ широкій дворъ.
Все стало пусто, молчаливо,
И только рѣдко видѣлъ взоръ,
Какъ офицеръ нетерпѣливой—
Въ саняхъ къ подъѣзду сквозь мятель,

Спѣшилъ, закутавшись въ шинель.
Терялось время въ скукѣ дикой,
Хоть и трудилась голова...
Но праздникъ наступалъ великой—
И вотъ канунъ былъ рождества.
Вдругъ входитъ сторожъ въ часъ полночной...
"Какъ?" говоритъ, "ты баринъ мой
И въ праздникъ будешъ также точно—
Одинъ, какъ каторжный какой?
Вздоръ, вздоръ! Никто мѣшать не смѣетъ,
Пойдемъ въ казарму... Ни по чемъ
Намъ часовой. Пойдемъ вдвоемъ
Такъ просто смѣлымъ богъ владѣетъ.
Повѣрь, въ казармѣ всякъ солдатъ
Тебѣ какъ другу будетъ радъ."—
Вотъ пропустилъ, хоть и замѣтилъ
Насъ часовой, такъ раза два
Тревожно кашлянувъ едва.
Солдатъ меня въ казармѣ встрѣтилъ
И обнялъ, а потомъ другой,
И самъ фельдфебель обнялъ братски...
Я былъ имъ братъ, былъ имъ родной,
Да! это праздникъ былъ солдатскій
И праздникъ истинный былъ мой!
Въ казармѣ длинной колебались
Лучи лампады, чуть блестя,
Со мной солдаты обнимались,
А я—я плакалъ какъ дитя!
Хотя порой фельдфебель грозный
Въ побояхъ видитъ долгъ серьезный,

Хоть косо смотритъ часовой
На узника, боясь побой;
Но всёжъ солдатъ нашъ и не злобенъ,
Да и къ шпіонству не способенъ,
Не смотрятъ братья мужика
На угнетенныхъ свысока.
Нускай французъ, поклонникъ власти,
Народъ рабочій рветъ на части,
Пусть нѣмецъ, воинъ-патріотъ,
Бездушно душитъ свой народъ
Изъ чувства дисциплины глупой;
Но всѣ вы генералы отъ—
Чего угодно—свой разсчетъ
У насъ ведете очень тупо:
Рожденъ солдатъ нашъ добрякомъ,
Не встанетъ братъ противу брата
И не удастся палачёмъ
Вамъ сдѣлать русскаго солдата!

9.

Когда жъ вернулся я въ тюрьму
И мнѣ пришлось быть одному
Въ ночи безмолвной и унылой,—
Не палъ я духомъ. Новой силой
Я былъ исполненъ...Мигъ святой!
То было тайное сознанье,
Что я народу не чужой!—
Что мнѣ тюрьма и что изгнанье?...

Весь этотъ пошлый вздоръ пройдетъ,
И часъ придетъ, и часъ пробьетъ—
Мы свергнемъ рабской жизни муку—
И мнѣ мужикъ протянетъ руку.
Вотъ что мнѣ надо! для того
Готовъ стерпѣть я безъ печали
Тюрьму и ссылку въ страшной дали
И все мнѣ это ничего.
Но спать не могъ я отъ волненья
И сталъ въ раздумьи у окна:
Какой морозъ и тишина!
Широкій дворъ средь запустѣнья
Лежалъ весь бѣлый, и луна
Надъ нимъ свѣтилася блѣдна.
Могилой вѣяло...Шагая
Одинъ метался какъ живой,
Себя упорно согрѣвая,
Предъ воротами часовой.
Я съ тайнымъ чувствомъ содроганья
Смотрѣлъ на снѣгъ, на лунный свѣтъ,—
Какъ будто нѣтъ намъ упованья,
Какъ будто выхода намъ нѣтъ!
Мы на людскомъ пиру не гости,
Кровь наша стынетъ, мерзнутъ кости
И гробовая тишина
Судьбою намъ обрѣчена.
Не ночь одну въ тоскѣ глубокой,
Безъ сна, глядя на дворъ широкій,
На мертвый снѣгъ, на лунный свѣтъ—
думалъ, что надежды нѣтъ!

Но чтобъ разрушить власть могилы
Сбиралъ всѣ внутреннія силы
И въ старой библіи гадалъ
И снова жаждалъ и мечталъ,
Чтобъ вышли мнѣ по волѣ рока—
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.

10.

Съ тѣхъ поръ прошло такъ много лѣтъ,
Царь Николай—какъ былъ—въ мундирѣ
И не лишенный эполетъ,
Гніётъ себѣ въ подземномъ мірѣ;
Давно мой толстый генералъ
Прилично богу духъ отдалъ,
И капитанъ мой, при кончинѣ,
Чай въ гробъ сошелъ въ маіорскомъ чинѣ:
А я, выносливый пѣвецъ,
Тружусь посильно издалёка,
Уже безъ гордости пророка,
Но тотъ же искренній боецъ,
Тружусь чтобъ стали наконецъ
И правосудье, и свобода—
Удѣломъ русскаго народа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читай
43.	21.	лѣсу	лѣту
141.	3.	и—	ихъ
184.	5.	ищемъ	ищешъ
220.	7.	доглъ	долгъ
226.	13.	стоя	стая
232.	1.	Проклясь	Проклясть
249.	7.	Хвиталисъ	Хватились
251.	28.	прижатый.	прижатый,
260.	22.	вѣкъ	край
267.	7.	Блеспула	блеспули
291.	21.	мечтая.	мечтая,
331.	2.	дронияхъ	дровняхъ
377.	27.	сердцѣ выдохло.	сердце выдохлось
394.	29.	корыстью	корыстію
397.	3.	это	этой
405.	17.	А не тронешъ изъ ни единаго	А не тронешъ изъ нихъ ни единаго
419.	21.	онъ важныя	отважныя
431.	14.	Проклять	Проклясть

UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT:
Zeno Swietoslawski, 178-179, High Holborn.—London.

